Проф. А. А. ВАСИЛЬЕВЪ.

3 1761 05649879 3

КУРСЪ ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ Р. Е. УЛЬЯНОВА
Кисловодск

СРЕДНЕВѢКОВАЯ КУЛЬТУРА.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ.

УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ VI КЛ. МУЖСК. ГИМНАЗІЙ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Цѣна 70 к.
D
118
V33
1915
c.1
ROBARTS

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
Москва.—1915.

Ученымъ Комитетомъ Минист. Народн. Просвѣщ. допущена въ качествѣ учебнаго руководства въ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Donated by
MIKA and PAUL IGNATIEFF
in memory of
their parents,
FLORENCE and VLADIMIR IGNATIEFF,
and their uncle,
LEONIDE IGNATIEFF,
who spent many happy years
studying and teaching
at the
UNIVERSITY OF TORONTO

Проф. А. А. ВАСИЛЬЕВЪ.

КУРСЪ ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ.

СРЕДНЕВѢКОВАЯ КУЛЬТУРА.

ВТОРАЯ СТУПЕНЬ.

УЧЕБНАЯ КНИГА ДЛЯ VI КЛ. МУЖСК. ГИМНАЗІЙ И РЕАЛЬНЫХЪ УЧИЛИЩЪ.

Въ нѣрѣ Цѣна 7 р. 85 к.

Изданіе Т-ва И. Д. Сытина.
Москва.—1915.

LIBRARY
FEB 08 1996
UNIVERSITY OF TORONTO

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. п.
Москва.—1915.

Guelph & Ghibeline (Welf & Waiblingen
— 12th cent. struggle for empire — Frederick Hohenstaufen
Waiblingen wins)

Средневѣковая культура.

Главною основою средневѣковой культуры вообще была античная культура, вошедшая въ составъ тѣхъ трехъ главнѣйшихъ культуръ, которыя существовали въ средніе вѣка. Тремя культурами средневѣковья были: византійская, арабская и романо-германская или западно-европейская. Въ первую половину среднихъ вѣковъ главную роль играли культуры византійская и арабская. До эпохи крестовыхъ походовъ Западная Европа, пережившая эпоху переселенія варварскихъ германскихъ племенъ и смутное время господства феодализма, жила въ условіяхъ, неподходящихъ для развитія культуры. Поэтому культура романо-германская или западно-европейская стала развиваться позднѣе. Сообразно съ тремя различными культурами было и три главныхъ языка: греческій въ Византіи, арабскій у мусульманъ и латинскій на Западѣ.

Наиболѣе раннею средневѣковою культурою была культура византійская.

I.

Византійская культура.

Для чтенія: *Ѳ. И. Успенскій.* Исторія Византійской имперіи. Т. I (до 717 г.). *Ю. А. Кулаковскій.* Исторія Византіи. Т. I—II (до 602 г.). *Герцбергъ.* Исторія Византіи. Пер. Безобразова. *Диль.* Юстиніанъ и византійская цивилизація. Очерки по исторіи Византіи, подъ ред. *В. Н. Бенешевича.* Вып. I—II. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. *П. Г. Виноградова.* Вып. I, статьи 9 и 12; вып. II, статьи 27, 28, 37, 38 и 48; вып. III, ст. 69, 70 и 71.

Византійская имперія представляетъ собой продолженіе восточной половины Римской имперіи. Офиціально эта часть имперіи, послѣ отдѣленія ея отъ Запада, во все время среднихъ вѣковъ называ-

лась Римскою имперіей, государствомъ или царствомъ ромэевъ («ромэи» по-гречески обозначаетъ «римляне»). Византійскою имперіей стали называть ее ученые, заимствуя это опредѣленіе отъ названія древней мегарской колоніи на Босфорѣ, Византіи, на мѣстѣ которой Константинъ Великій въ IV вѣкѣ основалъ Константинополь. Византійская имперія, такимъ образомъ, есть не что иное, какъ продолженіе Римской имперіи съ того времени, какъ христіанство восторжествовало въ римскомъ государствѣ надъ язычествомъ, а на Востокѣ появилась новая столица, Константинополь, и прежній государственный латинскій языкъ постепенно замѣнялся языкомъ греческимъ. Торжество христіанства и основаніе новой столицы относятся, какъ извѣстно, къ IV вѣку; замѣна же офиціальнаго латинскаго языка греческимъ случилась позднѣе, а именно въ VI вѣкѣ, когда Юстиніанъ Великій, издавъ кодексъ на латинскомъ языкѣ, началъ опубликовывать новеллы, т.-е. указы, акты текущаго законодательства, на греческомъ языкѣ. Такимъ образомъ, правильнѣе всего начинать исторію Византіи съ IV вѣка, или съ Константина Великаго, или, что особенно часто дѣлается, съ 395 года, когда послѣ смерти Ѳеодосія Великаго имперія была раздѣлена между его двумя сыновьями, Аркадіемъ, получившимъ восточную часть имперіи, и Гоноріемъ, получившимъ часть западную.

Восточная часть Римской имперіи въ IV вѣкѣ занимала весь Балканскій полуостровъ на сѣверъ вплоть до р. Истра (Дуная), всю Малую Азію, Верхнюю Месопотамію, Сирію, Палестину и Египетъ съ Ливіей, при чемъ въ большей части, именно въ азіатской и африканской, господствовала эллинистическая культура, явившаяся результатомъ взаимныхъ вліяній древне-греческой (эллинской) и восточныхъ, азіатскихъ культуръ, напр., культуры персидской. Это сближеніе древне-греческой культуры съ культурами древняго Востока началось съ IV вѣка до Р. Хр., со времени походовъ Александра Македонскаго на Востокъ, и создало эллинизмъ или эллинистическую культуру, которая пышно расцвѣла послѣ смерти македонскаго владыки, при сирійскихъ властителяхъ Селевки-

дахъ и особенно въ египетскомъ царствѣ Птолемеевъ, столица которыхъ Александрія стала главнымъ центромъ эллинистической образованности и науки. Постепенно страны эллинистическаго Востока вошли въ составъ Римской державы и, вліяя на нее, создали такъ называемую греко-римскую культуру.

Византійская имперія, представлявшая собою продолженіе Восточной Римской Имперіи и владѣвшая, подобно послѣдней, до VII вѣка странами эллинистическаго Востока, получила въ наслѣдство отъ Римской имперіи эллинистическую культуру. Итакъ, одной изъ составныхъ частей византійской культуры является эллинизмъ, унаслѣдованный Византіей отъ Римской имперіи.

Но эллинистическая культура была культура языческая. Съ IV вѣка Римская имперія становится государствомъ христіанскимъ. Христіанство, сначала преслѣдуемое и тайное, было признано Константиномъ Великимъ въ первой половинѣ IV вѣка, а въ концѣ того же вѣка объявлено Ѳеодосіемъ Великимъ религіей господствующей, государственной. Христіанство, ставшее неотъемлемымъ признакомъ Византіи, явилось другою составною частью византійской культуры.

Христіанство и языческій эллинизмъ слились въ одно цѣлое и создали христіанско-греко-восточную культуру, которая и получила названіе византійской культуры.

Центромъ послѣдней сдѣлалась новая столица—Константинополь. Одержавъ верхъ надъ языческою стороною эллинизма, христіанство сообщило византійской культурѣ характеръ церковности и выставило на первый планъ религіозные и церковные интересы. Подъ этимъ вліяніемъ языческая древность должна была занять второстепенное мѣсто. Но Византія не хотѣла уничтожать ее; въ теченіе многихъ столѣтій, несмотря на страшныя внѣшнія опасности, она сохраняла доставшееся ей наслѣдство древняго міра и передала его человѣчеству. Въ этомъ заключается громадная заслуга передъ міромъ этихъ «библіотекарей человѣческаго рода», какъ иногда называютъ византійцевъ. Являясь невольною продолжательницею прежней культуры, византійская культура не отличалась оригиналь-

ностью и иногда черезчуръ упорно придерживалась уже устарѣвшихъ обычаевъ и преданій. Несмотря на это, Византія была до XIII вѣка наиболѣе просвѣщенною страною Европы, и византійская образованность шла не только въ Западную Европу, но и въ славянскія страны Балканскаго полуострова, въ Россію и на Кавказъ (въ Арменію и Грузію).

1. Церковь и духовная культура.

Взаимныя отношенія свѣтской и духовной властей[1]). Въ исторіи Византіи церковь и духовная власть имѣли громадное значеніе и настолько тѣсно переплетались съ другими сторонами жизни, т.-е. съ жизнью свѣтской, политической и культурной, что очень часто невозможно отдѣлить церковную исторію отъ свѣтской.

Во главѣ государства стоялъ императоръ—царь. Главными представителями византійской церкви были епископы главнѣйшихъ городовъ имперіи, называемые патріархами, а именно: патріархи константинопольскій, александрійскій, іерусалимскій и антіохійскій. По постановленію второго Вселенскаго Собора первенствующее между ними положеніе занялъ столичный патріархъ; а остальные три восточныхъ патріарха въ VII вѣкѣ вошли въ составъ новаго мусульманскаго государства арабовъ, и послѣ этого ихъ жизнь пошла по другому пути. Крупную роль въ исторіи Византіи игралъ также епископъ или папа римскій.

Въ Византіи императоръ являлся главою церкви; онъ былъ представителемъ Бога на землѣ въ духовныхъ и свѣтскихъ дѣлахъ. Уже Константинъ Великій считалъ себя владыкою въ дѣлахъ церковныхъ. Императоръ назывался иногда равноапостольнымъ. Соборы V вѣка величали императора государемъ—высшимъ священникомъ (василевсомъ-архіереемъ) и учителемъ вѣры. Первый императоръ-иконоборецъ, Левъ III, въ VIII вѣкѣ писалъ римскому папѣ: «Знай, папа, что я императоръ и священникъ». Такое положеніе императора въ Византіи заста-

---

[1]) Для чтенія: *А. Лебедевъ*. Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви. Два тома.

вляло его не только вмѣшиваться въ дѣла внутренняго церковнаго управленія и смѣнять неугодныхъ ему духовныхъ лицъ, но и оказывать вліяніе на установленіе въ государствѣ того или другого религіознаго вѣроученія, которое въ данное время для императора было наиболѣе близкимъ. Самъ константинопольскій патріархъ находился въ полной зависимости отъ василевса, который не задумывался удалять непріятныхъ для него патріарховъ. Императоръ собиралъ и распускалъ Вселенскіе Соборы, руководилъ лично или черезъ своихъ представителей ихъ засѣданіями; только послѣ императорскаго утвержденія постановленія Вселенскихъ Соборовъ считались дѣйствительными.

Рис. 1. Константинъ Великій (Латеранская статуя).

То или другое религіозное направленіе императора имѣло большое значеніе какъ для внутренней жизни имперіи, такъ и для ея внѣшнихъ отношеній. Во второй половинѣ V вѣка императоръ Зинонъ чувствовалъ склонность къ монофиситству. Зная, что области, расположенныя по юго-восточному побережью Средиземнаго моря, т.-е. Сирія, Палестина и Египетъ, были населены, большею частью, монофиситами, онъ пожелалъ примириться съ ними, особенно съ Египтомъ. Для этого, при помощи послушнаго ему константинопольскаго патріарха Акакія,

онъ издалъ указъ или (какъ его обычно называютъ) «Актъ единенія» (по-гречески Энотиконъ), въ которомъ осужденіемъ ученія Несторія и Евтихія и умолчаніемъ о «двухъ природахъ» въ Іисусѣ Христѣ и о Халкидонскомъ соборѣ онъ надѣялся внести умиротвореніе въ церковь и соединить монофиситовъ съ православными. Но эта императорская мѣра не привела къ желанному результату, такъ какъ выраженія «Акта единенія» привели въ смущеніе послѣдователей Халкидонскаго собора, т.-е. православныхъ, и не удовлетворили монофиситовъ. На этомъ дѣло не остановилось. Западная церковь въ лицѣ римскаго папы не признала «Акта единенія» и предала патріарха Акакія анаѳемѣ. Такимъ образомъ, императорская политика Зинона въ области религіозныхъ отношеній привела къ разрыву съ западною церковью и къ возникновенію перваго раскола между нею и восточной церковью, который продолжался до вступленія на престолъ императора Юстина I Старшаго въ 518 году.

Въ VI вѣкѣ Юстиніанъ Великій, разсматривая себя какъ наслѣдника римскихъ цезарей, задался цѣлью возстановить не только **единую** римскую имперію въ ея прежнихъ размѣрахъ, но и установить **единую** вѣру, **единое** религіозное ученіе. Какъ въ рѣшеніи политическихъ вопросовъ, такъ и въ области религіозныхъ убѣжденій своихъ подданныхъ онъ хотѣлъ быть полновластнымъ распорядителемъ, такъ сказать, цезаремъ и папою, отчего очень часто Юстиніана и вообще византійскихъ императоровъ называютъ представителями цезарепапизма. Но Юстиніану, который въ теченіе большей части своего правленія придерживался православія, пришлось имѣть дѣло не только съ монофиситами, но и съ несторіанами, іудеями и съ остававшимися еще язычниками, жившими въ различныхъ областяхъ его обширной имперіи. Задача, поставленная себѣ Юстиніаномъ, оказалась недостижимой: примирить и объединить всѣхъ было невозможно. Возникавшія на религіозной почвѣ возстанія подавлялись жестокими мѣрами. Самъ Юстиніанъ къ концу своего правленія измѣнилъ своимъ взглядамъ и сталъ склоняться на сторону монофиситовъ.

Преемники Юстиніана, являясь убѣжденными сторонниками православія, снова заставляли монофиситовъ переживать тяжелые дни. Эта религіозная политика Византіи была одной изъ главныхъ причинъ той легкости, съ какою въ первой половинѣ VII вѣка персы, а за ними арабы подчинили монофиситскія области Сиріи, Палестины и Египта, гдѣ населеніе предпочло суровой политикѣ константинопольскаго правительства иноземное владычество, не стѣснявшее ихъ вѣры. Попытки императора Ираклія и одного изъ его преемниковъ пойти по пути примиренія съ монофиситами запоздали и не имѣли значенія, такъ какъ юго-восточныя области уже не принадлежали имперіи.

Особенно ярко проявился раздоръ между свѣтскою и духовною властью въ VIII вѣкѣ, когда императоръ Левъ III открылъ своимъ эдиктомъ 726 года эпоху иконоборства. Большая часть духовенства и монашество открыто поднялись на защиту иконъ. Папа, а за нимъ итальянскія области Византіи также твердо стали на сторону иконопочитанія. Иконоборческое движеніе раздирало государство и сѣяло въ немъ большую смуту. Императоры-иконоборцы шли упорно по намѣченному пути, не обращая вниманія на то, что большинство населенія не сочувствовало ихъ политикѣ. Первый и наиболѣе жестокій періодъ иконоборства окончился въ 787 году седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ. Возобновившееся въ IX вѣкѣ иконоборческое движеніе было окончательно прекращено въ 843 году императрицей Ѳеодорой, когда на соборѣ въ Константинополѣ православіе было возстановлено.

Партія иконопочитателей выставила знаменитыхъ борцовъ за иконы Іоанна Дамаскина и Ѳеодора Студита, о которыхъ рѣчь будетъ ниже.

Во второй половинѣ X вѣка императоръ Никифоръ Фока запретилъ основывать новые монастыри и отказывать имъ по завѣщаніямъ земли. Политика вмѣшательства императоровъ въ дѣла церкви продолжалась до паденія имперіи въ 1453 году. Чтобы спасти государство отъ завоеванія турками, императоры въ эпоху Палеологовъ сдѣлали рядъ попытокъ заключить уніи восточной церкви съ западной, изъ ко-

торыхъ наиболѣе извѣстна флорентійская унія 1439 года. Но всѣ эти попытки встрѣчали рѣшительный отпоръ въ большей части духовенства и въ народѣ и поэтому успѣха не имѣли.

Духовенство далеко не всегда мирилось съ властью императора надъ церковью и иногда ставило этой власти довольно серьезныя преграды. Уже Юстиніанъ Великій въ одной изъ своихъ новеллъ (такъ назывались указы византійскихъ императоровъ) вынужденъ былъ признать постановленія первыхъ четырехъ Вселенскихъ Соборовъ равными по значенію Священному Писанію. Съ IX вѣка постановленія всѣхъ семи Вселенскихъ Соборовъ сдѣлались закономъ, который императоръ не могъ измѣнять. Въ томъ же IX вѣкѣ Ѳеодоръ Студитъ открыто высказывалъ мысль о полной свободѣ церкви отъ свѣтской власти. Наконецъ, патріархъ могъ въ случаѣ крайности отлучить императора отъ церкви, что случалось чрезвычайно рѣдко, или передъ коронаціей взять съ будущаго императора какія-либо опредѣленныя обѣщанія.

Но всѣ указанныя мѣры со стороны духовенства большого значенія не имѣли и не пускали глубокихъ корней въ народѣ, который привыкъ разсматривать своего государя, какъ полновластнаго главу церкви.

Византійская церковь представляетъ собою яркій примѣръ государственной церкви, гдѣ власть государя распространялась и на всѣ стороны духовной жизни.

Подобнымъ положеніемъ византійская церковь совершенно не походитъ на средневѣковую церковь западную, гдѣ наиболѣе выдающіеся папы, Григорій VII и Иннокентій III, утверждали, что они держатъ въ рукахъ всю полноту власти духовной и свѣтской и имѣютъ право смѣщать государей. На Западѣ была теократія, т.-е. царство Божіе на землѣ; на Востокѣ въ Византіи — цезарепапизмъ, т.-е. сосредоточеніе въ рукахъ государя, наслѣдника римскихъ цезарей, высшей власти надъ церковью.

Изъ изложеннаго видно, насколько тѣсно были связаны судьбы государства и византійской церкви; безъ изученія послѣдней исторія Византіи осталась бы непонятной.

Важную роль въ жизни Византіи играло также монашество.

Монашество. Монашество играло большую роль въ исторіи Византіи, вліяя не только на церковную, но и на гражданскую жизнь того времени. Въ культурномъ отношеніи монашество также имѣло немаловажное значеніе. Свое начало монашество получило въ Египтѣ въ III вѣкѣ; а развитіе его относится уже къ вѣку IV. Религіозные споры IV вѣка, возникшіе благодаря ереси Арія и другимъ нѣкоторымъ лжеученіямъ, разстраивали церковь и вносили смуту въ сердца вѣрующихъ. Кромѣ того, многіе язычники, принявшіе христіанство, продолжали жить жизнью удовольствій и не слѣдовали правиламъ чистоты и воздержанія первоначальныхъ христіанъ. Наиболѣе усердные ревнители благочестія не могли съ этимъ помириться и, чтобы не видѣть религіозной смуты и мірскихъ соблазновъ, удалялись въ пустыни, гдѣ вдали отъ міра предавались посту, молитвѣ и размышленіямъ о Богѣ.

Основателемъ монашества былъ Антоній Великій, жившій болѣе ста лѣтъ, съ половины III до половины IV вѣка. Родившись въ Египтѣ отъ родителей христіанъ, Антоній послѣ ихъ смерти роздалъ свое унаслѣдованное отъ нихъ имѣніе и зажилъ жизнью подвижника сначала у дверей своего дома, затѣмъ въ окрестностяхъ своего селенія и, наконецъ, вдали отъ него въ одной пустой гробницѣ. Пятнадцать лѣтъ провелъ онъ въ постѣ и молитвахъ, питаясь хлѣбомъ съ солью и водою и находясь въ сношеніяхъ съ сосѣдними отшельниками и своими односельчанами. Уступая своему влеченію къ совершенно уединенной жизни, Антоній удалился въ египетскую пустыню, гдѣ въ полномъ уединеніи поселился въ развалинахъ одной крѣпости, около которой билъ источникъ. Прошло еще двадцать лѣтъ уединенной и благочестивой жизни отшельника. Слава о немъ распространилась за предѣлы пустыни, и къ Антонію стали приходить христіане, прося совѣта и утѣшенія; многіе же изъ нихъ, покинувъ родной городъ и семью, селились около Антонія въ пещерахъ сосѣднихъ горъ и подъ его руководствомъ вели такую же подвижническую жизнь. Два раза Антоній изъ своего уединенія возвращался въ міръ. Въ первый разъ онъ появился въ Александріи во время жестокаго гоненія Максимина. Антоній съ нѣкоторыми изъ своихъ учениковъ

утѣшалъ и ободрялъ вѣрующихъ. Во второй разъ Антоній, будучи уже почти девяностолѣтнимъ старцемъ, прибылъ снова въ Александрію, когда тамъ была сильная аріанская смута, и своимъ вліяніемъ обратилъ многихъ еретиковъ и язычниковъ на путь правой вѣры. Послѣднюю часть своей жизни Антоній провелъ еще въ болѣе удаленной мѣстности, въ горахъ недалеко отъ берега Краснаго моря, гдѣ была вода, пальмы и немного воздѣланной земли. Тамъ въ 356 году Антоній окончилъ свои дни.

Антоній былъ основателемъ **отшельническаго**, **скитскаго** иночества, или, какъ иногда называютъ послѣднее, **анахоретства** (слово греческаго происхожденія). Подвижники, слѣдуя указаніямъ Антонія, жили отдѣльно другъ отъ друга въ пещерахъ или хижинахъ, гдѣ и предавались посту, молитвѣ и благочестивымъ размышленіямъ. Находились они подъ руководствомъ одного старца—аввы (отца). Такія общины подвижниковъ назывались **лаврами.**

Основателемъ иного вида монашества, а именно **общежительнаго,** былъ современникъ Антонія Великаго, Пахомій Великій, также изъ Египта. Родившись въ крестьянской языческой семьѣ къ югу отъ Ѳивъ и самъ будучи въ юности язычникомъ, Пахомій довольно короткое время состоялъ на военной службѣ, во время которой познакомился съ христіанскою благотворительностью. Это обстоятельство вселило въ душу Пахомія желаніе сдѣлаться христіаниномъ. Дѣйствительно, по окончаніи военной службы онъ принялъ крещеніе и подъ руководствомъ пустынника старца Палемона въ теченіе нѣкотораго времени жилъ жизнью подвижника. Вскорѣ вокругъ него собрались другіе подвижники, которые, по указанію Пахомія, стали жить общею жизнью. Для этого въ мѣстности, называемой Тавенниси, на правомъ берегу Нила, онъ основалъ первый монастырь, въ которомъ подвижники жили вмѣстѣ. За первымъ монастыремъ стали появляться другіе, съ трудомъ вмѣщавшіе всѣхъ пришельцевъ. При жизни Пахомія было основано, по крайней мѣрѣ, девять монастырей. Монастырь обычно обносился оградой, внутри которой находились отдѣльныя зданія; въ каждомъ изъ нихъ, въ

келліяхъ, жило до сорока монаховъ. Пахомій ввелъ для нихъ опредѣленныя правила монашескаго общежитія, которое часто называется греческимъ словомъ **киновія.** Главное наблюденіе за выполненіемъ введеннаго иноческаго устава братіею всѣхъ монастырей лежало на обязанности аввы, которымъ былъ Пахомій. Каждый монастырь въ отдѣльности имѣлъ своихъ начальниковъ, **игуменовъ и настоятелей,** подчинявшихся аввѣ. Монахи собирались на общую молитву, присутствовали на богослуженіи, занимались различною работою, у себя въ кельѣ усердно читали Священное Писаніе; всѣ они сходились за общей трапезой и ѣли въ молчаніи, покрывъ голову своимъ капюшономъ, чтобы другіе не видѣли, какъ и что монахъ ѣстъ. Пища была, конечно, самая простая. Пришедшая къ Пахомію его сестра, по совѣту брата, основала женскій монастырь.

Такимъ образомъ, въ Египтѣ основалось и быстро распространилось на ряду съ отшельничествомъ **общежительное монашество.**

Отшельническое и общежительное монашество изъ Египта перешло въ другія страны, въ Палестину и Сирію. Св. Василій Великій изъ Каппадокіи, жившій въ IV вѣкѣ, совершилъ путешествіе по Палестинѣ и Египту и, посѣтивъ тамъ многихъ отшельниковъ, насадилъ монашество въ своей родной Каппадокіи и далъ монахамъ уставъ, распространившійся на всемъ христіанскомъ Востокѣ и существующій во многихъ монастыряхъ до сихъ поръ. Халкидонскій соборъ 451 года узаконилъ монашество и надѣлилъ его всѣми преимуществами, которыя государство давало въ то время церкви и духовенству; но зато, основаніе монастырей съ тѣхъ поръ могло происходить лишь съ разрѣшенія мѣстнаго епископа, и монахи уже болѣе не могли свободно ходить изъ одной страны въ другую, а были подвѣдомственны также мѣстному епископу.

Въ V вѣкѣ въ Сиріи появился очень интересный видъ подвижничества, а именно стояніе на столпѣ или **столпничество.** Первымъ столпникомъ былъ Симеонъ, извѣстный обычно подъ именемъ св. Симеона Столпника. Онъ происходилъ изъ крестьянской сирійской семьи, въ юные годы удалился въ монастырь, гдѣ подвергалъ себя самымъ суровымъ истяза-

ніямъ и лишеніямъ. Затѣмъ, оставивъ моныстырь, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ пустынной мѣстности, въ одной хижинѣ, предаваясь посту и молитвѣ. Слава о немъ распространилась далеко по Сиріи; къ нему стали приходить люди, ищущіе утѣшенія; отовсюду приносили больныхъ, чающихъ исцѣленія. Симеонъ рѣшилъ порвать связи съ внѣшнимъ міромъ и сдѣлалъ высокій столпъ, на который поднялся для молитвы, поста и уединенія; на этомъ столпѣ онъ оставался около 40 лѣтъ. Къ

Рис. 2 Южный видъ церкви св. Симеона.

подножію столпа стекались толпы народа не только изъ Сиріи, но и изъ сосѣднихъ областей. Подвижникъ съ вершины столпа молился за пришедшихъ, утѣшалъ и поучалъ ихъ, исцѣлялъ больныхъ. Самъ императоръ Ѳеодосій и его сестра Пульхерія, имѣвшая главное вліяніе на государственныя дѣла, переписывались съ Симеономъ и спрашивали у него совѣтовъ по различнымъ церковнымъ вопросамъ. Иногда при помощи веревочной лѣстницы поднимались къ святому, съ его разрѣшенія, лица, желавшія повѣдать ему какую-либо тайну, или друзья во время его болѣзни. По смерти Симеона тѣло его было торжественно перенесено въ Антіохію; весь городъ вышелъ на

встрѣчу похоронному шествію, и тѣло святого было погребено въ главной церкви. На мѣстѣ подвижничества Симеона былъ построенъ въ концѣ V вѣка монастырь, величественныя развалины котораго до сихъ поръ еще поражаютъ путешественниковъ. Родъ подвижничества Симеона нашелъ немало подражателей.

Основаніе монастырей въ Палестинѣ въ V и VI вѣкахъ связано съ дѣятельностью св. Евѳимія и его любимаго ученика Саввы Освященнаго.

Рис. 3. Лавра св. Саввы.

Монастыри основывались не только въ провинціяхъ. Въ самой столицѣ монастырей также было немало. Константинъ Великій и его мать Елена въ IV вѣкѣ построили въ Константинополѣ болѣе десяти монастырей. Примѣру императора слѣдовали богатые и знатные люди, которые жертвовали большія средства на основаніе новыхъ монастырей, церквей и больницъ. Въ V вѣкѣ благочестивая Пульхерія, сестра императора Ѳеодосія II, особенно заботилась объ увеличеніи числа монастырей. Одинъ историкъ замѣчаетъ, что самый дворецъ Ѳеодосія II и Пульхеріи имѣлъ видъ настоящаго монастыря. При нихъ

въ столицѣ и ея окрестностяхъ было построено много новыхъ монастырей. Изъ константинопольскихъ монастырей особенно прославился и сталъ позднѣе играть видную роль въ жизни имперіи Студійскій монастырь.

Студійскій монастырь. Около половины V вѣка изъ Рима въ Константинополь переселился богатый патрикій и консулъ Студій. Въ Константинополѣ онъ построилъ храмъ во имя св. Іоанна Предтечи и передалъ его въ распоряженіе монаховъ **неусыпающихъ** (по-гречески **акимитовъ**). Послѣдніе получили это прозваніе потому, что въ ихъ монастырѣ церковная служба совершалась непрерывно въ теченіе цѣлыхъ сутокъ; чтобы дать монахамъ возможность присутствовать на богослуженіи, ихъ раздѣляли на три смѣны. Поселившись около основаннаго Студіемъ храма, акимиты устроили монастырь, который, благодаря щедрымъ вкладамъ самого Студія и другихъ жертвователей, сталъ быстро расширяться и обстраиваться. Отъ имени Студія монастырь и сталъ называться Студійскимъ. Среди другихъ монастырей столицы онъ съ первыхъ временъ своего существованія занялъ почетное мѣсто; его игуменъ пользовался особымъ уваженіемъ. Многія знатныя свѣтскія лица погребались въ немъ; другія при жизни искали успокоенія въ мирной обители и принимали монашество. Когда въ Византіи въ VIII вѣкѣ вспыхнуло иконоборческое движеніе, монахи Студійскаго монастыря твердо стали на защиту почитанія иконъ. Со времени наиболѣе яростнаго императора-иконоборца, Константина V Копронима, царствовавшаго въ половинѣ VIII вѣка и открывшаго сильное гоненіе на монастыри, Студійскій монастырь пришелъ въ запустѣніе; монахи были изгнаны изъ него.

Въ такое тяжелое время во главѣ запустѣвшаго монастыря сталъ Ѳеодоръ Студитъ, подъ управленіемъ котораго монастырь достигъ цвѣтущаго состоянія.

Преподобный Ѳеодоръ родился въ половинѣ VIII вѣка въ богатой и знатной семьѣ, принадлежавшей къ землевладѣльческому и служилому классу и пропитанной идеями ревностнаго служенія христіанству, подвижничества и благочестія. Отецъ Ѳеодора, отказавшись отъ занимаемаго имъ почетнаго

мѣста, продалъ имущество и отпустилъ рабовъ; за нимъ и вся его семья удалилась отъ міра; мужчины основали монастырь Саккудіонъ на азіатскомъ берегу Мраморнаго моря, недалеко отъ лежавшей въ Виѳиніи горы Олимпа; мать же Ѳеодора съ дочерью и съ одною родственницею подвизались въ кельѣ на европейскомъ берегу. Ѳеодоръ сразу сталъ выдаваться въ новомъ монастырѣ своимъ рвеніемъ въ вѣрѣ и аскетическихъ подвигахъ, такъ что слава его и вліяніе стали далеко распространяться. Выступивъ открыто съ осужденіемъ

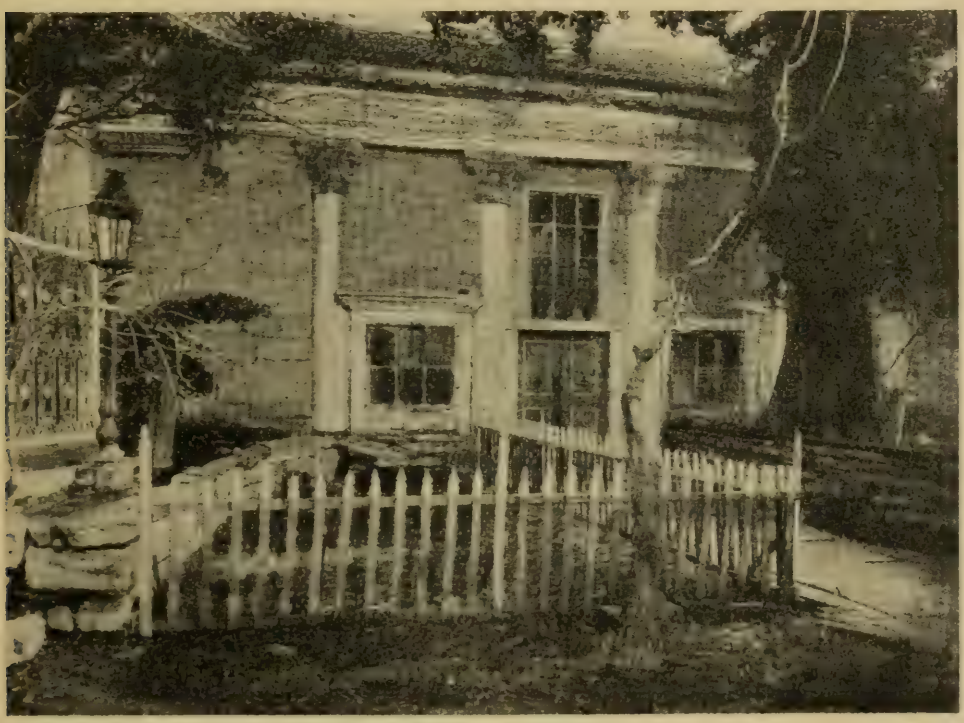


Рис. 4. Видъ базилики Студія съ запада.

брака императора, Ѳеодоръ вынужденъ былъ отправиться на нѣкоторое время въ ссылку, изъ которой возвратился въ Саккудіонъ при первой возстановительницѣ православія, императрицѣ Иринѣ. Однако, не долго остался Ѳеодоръ въ Саккудіонѣ. Опасаясь все болѣе приближавшихся нападеній арабовъ, онъ въ самомъ концѣ VIII вѣка со своими иноками переѣхалъ въ столицу и былъ сдѣланъ игуменомъ Студійской обители. Во время его управленія монастырь процвѣталъ; число монаховъ увеличилось. Ѳеодоръ выработалъ для него уставъ на основахъ общежитія (киновіи), утверждавшій правила цер-

ковной службы и жизни. Для удовлетворенія умственныхъ потребностей братіи, при монастырѣ была устроена школа, гдѣ иноки обучались грамотѣ, списывали книги, читали Св Писаніе и отцовъ церкви, составляли пѣснопѣнія и исполняли ихъ при богослуженіи.

Но мирная жизнь обители продолжалась недолго. Со вступленіемъ на престолъ Льва V Армянина (въ 813 году) возобновилось иконоборческое движеніе. Θеодоръ и его послѣдователи, прозванные студитами, ревностно выступили на защиту иконъ. Мало того, Θеодоръ открыто говорилъ и писалъ противъ вмѣшательства императорской власти въ дѣла церкви, отстаивая начала церковной независимости и свободы вѣры. Для достиженія своихъ цѣлей онъ искалъ поддержки на Западѣ у римскаго папы. Такая дѣятельность студійскаго игумена раздражала императора, и Θеодоръ долженъ былъ подвергнуться новой тяжелой ссылкѣ въ Малую Азію, откуда не переставалъ высказываться противъ преслѣдованія иконъ. Между тѣмъ здоровье Θеодора, изнуреннаго многолѣтними аскетическими подвигами, тяжелыми условіями жизни въ ссылкахъ и вообще многообразными трудами по устроенію монастырской жизни, стало слабѣть. Въ 826 году Θеодора, прозваннаго въ исторіи Студитомъ, не стало. Тѣло его было погребено на одномъ изъ Принцевыхъ острововъ въ Мраморномъ морѣ, около Константинополя, откуда послѣ возстановленія православія (въ 843 году), при императрицѣ Θеодорѣ, останки Θеодора Студита были торжественно перенесены въ родной ему монастырь.

Послѣ его смерти монастырь пережилъ трудныя времена въ IX вѣкѣ, особенно когда во время дѣла Фотія и Игнатія онъ сталъ на сторону низложеннаго патріарха Игнатія. Только со вступленіемъ на престолъ Македонской династіи въ 867 году и съ возстановленіемъ на патріаршемъ престолѣ Игнатія для монастыря и студитовъ настали спокойныя и свѣтлыя времена. Но зато церковно-политическая роль ихъ, какъ передовыхъ борцовъ за православіе и независимость церкви, окончилась. Студійскій монастырь до эпохи латинскаго завоеванія остался славнымъ и богатымъ монастыремъ и важнымъ очагомъ просвѣщенія, гдѣ искали успокоенія и

прибѣжища многіе знатные люди и даже императоры. Незадолго до взятія Константинополя въ 1204 году латинянами, разграбившими монастырь, русскій паломникъ Антоній Новгородскій поклонялся въ немъ мощамъ Іоанна Предтечи и гробницѣ св. Ѳеодора Студита. При Палеологахъ монастырь снова былъ возстановленъ. Въ турецкое время Студійскій монастырь былъ превращенъ въ мечеть, существующую и по сіе время въ одномъ изъ удаленныхъ уголковъ Стамбула. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ мечети русскимъ ученымъ были произведены раскопки, и, повидимому, были найдены могила и мраморный гробъ Ѳеодора Студита.

Аѳонъ [1]). Изъ другихъ монастырей особенную извѣстность и вліяніе получили аѳонскіе монастыри. На сѣверномъ берегу Эгейскаго моря лежитъ большой полуостровъ Халкидика, заканчивающійся въ свою очередь тремя далеко вдающимися въ море узкими полуостровами и извѣстный въ древней исторіи расположенными тамъ греческими колоніями. На восточномъ изъ этихъ трехъ полуострововъ, длиною около 80, а шириною около 20 верстъ, представляющемъ собою покрытую густыми лѣсами горную цѣпь, получили свое начало аѳонскіе монастыри. Высокая гора, которою заканчивался этотъ полуостровъ, со временъ античной древности называлась Аѳономъ (Athos); позднѣе, уже въ христіанское время, она была извѣстна также подъ именемъ «Святой Горы».

Отдѣльные подвижники жили на Аѳонѣ со времени начала монашества въ IV вѣкѣ. На ряду съ подвижниками въ VII вѣкѣ появились тамъ небольшіе и небогатые монастыри. Въ эпоху иконоборческихъ смутъ въ VIII вѣкѣ на Аѳонѣ, въ его малодоступныхъ мѣстностяхъ, искали спасенія многіе изъ преслѣдуемыхъ иконопочитателей, которые привозили съ собою церковную утварь, мощи и рукописи. Но спокойной жизни на Аѳонѣ не было изъ-за неоднократныхъ опустошительныхъ нападеній арабовъ съ моря; монаховъ убивали или увозили въ плѣнъ. Поэтому до половины X вѣка Святая Гора пережила

---

[1]) Для чтенія: *И. Соколовъ* Аѳонское монашество въ его прошломъ и современномъ состояніи. СПБ. 1904.

нѣсколько запустѣній. Укрѣпилось аѳонское монашество со второй половины X вѣка, когда при имп. Никифорѣ Фокѣ св. Аѳанасій Аѳонскій построилъ впервые большой монастырь въ юго-восточной части Аѳона, близъ моря, ввелъ въ немъ общежительное устройство и далъ своей киновіи новый уставъ, опредѣлявшій дальнѣйшую жизнь монастыря. Подвижники (анахореты), недовольные введеніемъ на Аѳонѣ общежительнаго (киновитскаго) монашества, подали жалобу императору Іоанну

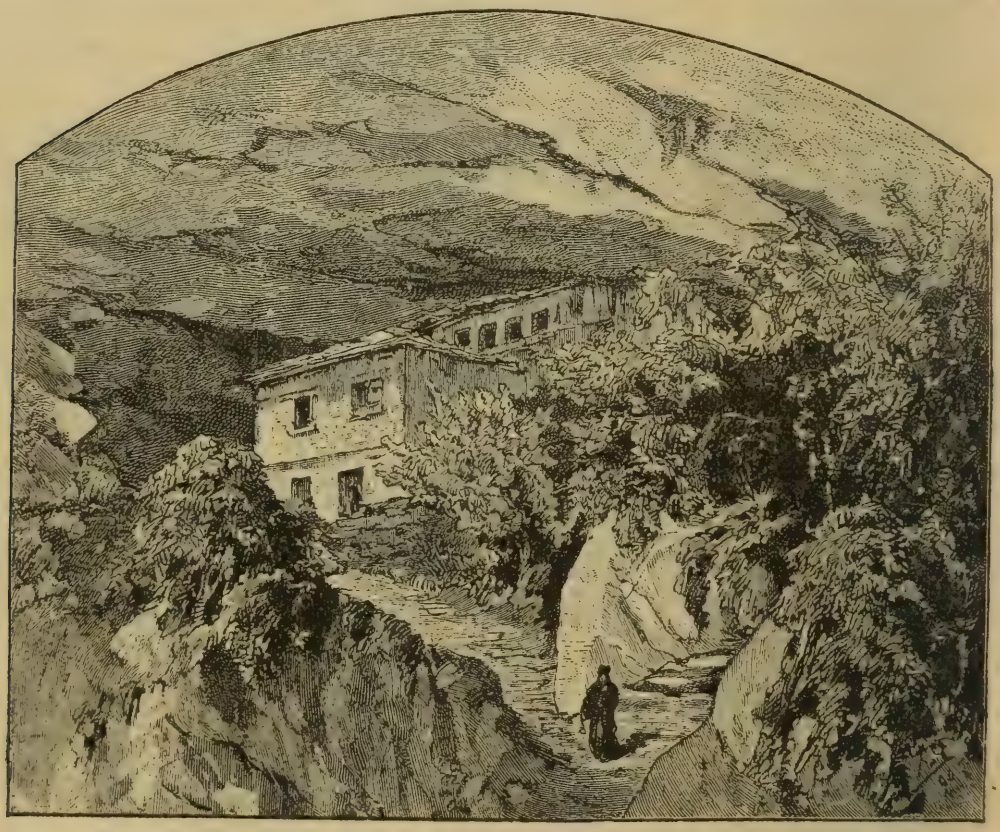


Рис. 5. Келлія преп. Аѳанасія на уступахъ лавры.

Цимисхію на Аѳанасія за то, что онъ нарушилъ древніе обычаи Св. Горы. Императоръ, разобравъ дѣло, утвердилъ древнѣйшій аѳонскій уставъ (по-гречески **типикъ**), который допускалъ на Аѳонѣ какъ анахоретство, такъ и киновитство. Примѣръ св. Аѳанасія нашелъ подражателей. Основывались другіе монастыри, и притомъ не только греческіе; былъ монастырь Иверскій или Грузинскій; выходцы изъ Италіи основали монастыри Римскій и Амальфитанскій (отъ итальянскаго города Амальфи). Къ году смерти св. Аѳанасія (ок. 1000 года) на

Аѳонѣ было уже до 3000 монаховъ; а въ половинѣ XI в. было до 180 монастырей съ громаднымъ числомъ монаховъ. Императоръ Алексѣй Комнинъ (въ концѣ XI вѣка) освободилъ Аѳонъ отъ всякаго подчиненія церковной или гражданской власти, подчинивъ монастыри только одному императору. Высшее управленіе монастырями поручалось совѣту игуменовъ во главѣ съ первымъ изъ нихъ—протомъ (по-гречески «протосъ» значитъ **первый**); совѣтъ же назывался **протатомъ.** Въ XI в. есть извѣстіе уже и о русской обители на Аѳонѣ. Тяжелое время пришлось

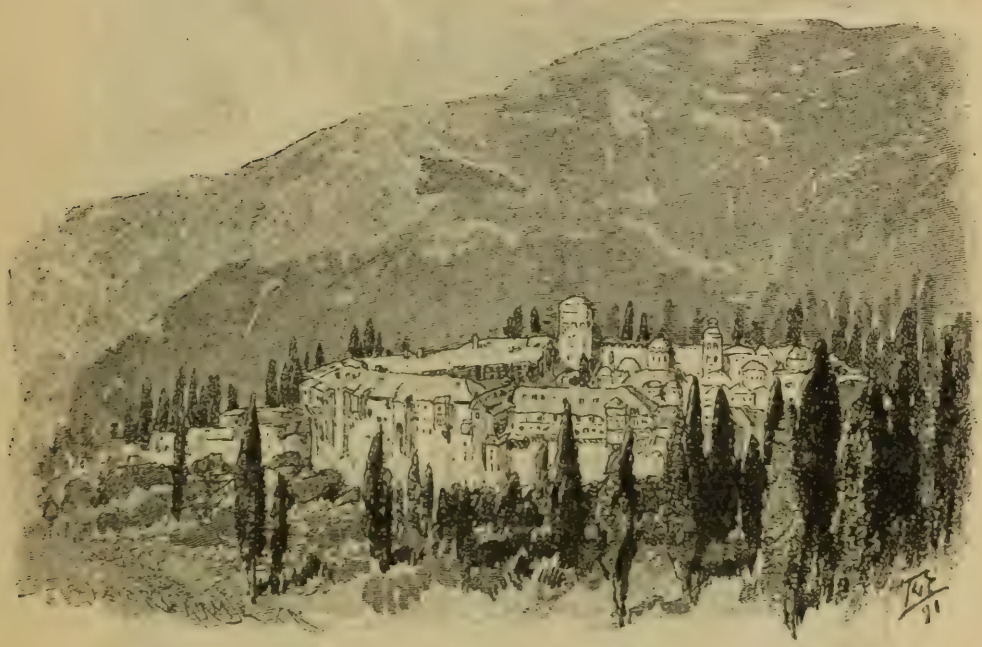


Рис. 6. Монастырь Хиландарь.

пережить Аѳону въ эпоху Латинской имперіи (1204—1261), когда высшее управленіе аѳонскими монастырями находилось въ рукахъ римскаго папы, а ближайшее попеченіе о нихъ было ввѣрено латинскому епископу. При послѣдней византійской династіи Палеологовъ Аѳонъ пользовался сравнительнымъ благополучіемъ. Одинъ изъ нихъ, отказавшись отъ непосредственнаго управленія монастырями, подчинилъ ихъ власти константинопольскаго патріарха. Вмѣстѣ съ византійской имперіей Аѳонъ перешелъ въ руки турокъ, которые его пощадили и позволили въ монастыряхъ совершать христіанское богослуженіе.

Оставаясь вѣрными хранителями завѣтовъ православной церкви, аѳонскіе монастыри вмѣстѣ съ тѣмъ были всегда очагами просвѣщенія, вліяніе котораго далеко заходило за предѣлы имперіи. Аѳонъ далъ много ученыхъ монаховъ, которые выдавались своими учено-литературными трудами. Монастырскія школы были многочисленны. Аѳонскіе храмы представляютъ громадный интересъ съ точки зрѣнія искусства. Стѣн-

Рис. 7. Монастырь Симопетра.

ная живопись, иконы и иконные оклады, мозаики, древняя утварь, самая архитектура храмовъ и пр. даютъ и теперь богатый матеріалъ для изслѣдователей. Особенно усердно монахи занимались перепиской рукописей различнаго содержанія и создали такимъ образомъ одно изъ богатѣйшихъ рукописныхъ собраній, для изученія котораго по настоящее время отправляются на Аѳонъ ученые различныхъ странъ. Аѳонскія би-

бліотеки имѣли громадное просвѣтительное значеніе не только для грековъ, но и для славянъ, а въ частности для русскихъ. При посредствѣ славянскихъ обителей наши предки получали свои познанія въ вопросахъ религіозныхъ, философскихъ, историческихъ; черезъ славянскія страны русскіе воспользовались культурнымъ наслѣдствомъ Византіи.

Церковная поэзія [1]). **Романъ Сладкопѣвецъ.** Среди многочисленныхъ твореній византійскаго духовенства особенно выдѣляются произведенія, относящіяся къ области церковной поэзіи.

Уже съ первыхъ вѣковъ нашей эры христіане имѣли обычай въ пѣснопѣніяхъ прославлять Бога. Затѣмъ содержаніе пѣснопѣній становилось все разнообразнѣе: величественная побѣда христіанства надъ язычествомъ, геройство и стойкость многочисленныхъ мучениковъ, высокая тайна новой религіи, культъ, т.-е. почитаніе, Христа, Богоматери и святыхъ, — все это давало многообразные и глубокіе сюжеты для пѣснопѣвцевъ, многими изъ которыхъ церковь можетъ по справедливости гордиться. Наиболѣе выдающіеся пѣснопѣвцы были родомъ изъ Сиріи. Церковная поэзія стала быстро развиваться и уже въ первой половинѣ VI вѣка дала величайшаго изъ пѣснопѣвцевъ, Романа, прозваннаго Сладкопѣвцемъ.

Романъ, по словамъ его житія, родомъ изъ Сиріи, въ теченіе нѣкотораго времени исполнялъ обязанности діакона въ одной изъ церквей приморскаго сирійскаго города Берита (теперь Бейрутъ); пріѣхавъ оттуда въ Константинополь, онъ пребывалъ въ храмахъ столицы въ постоянной и усердной молитвѣ. Однажды ночью, когда онъ уснулъ въ храмѣ, ему во снѣ явилась Богородица и, передавъ свитокъ пергамента, повелѣла его съѣсть, что Романъ и исполнилъ. Это былъ канунъ праздника Рождества. Проснувшись, Романъ почувствовалъ, что получилъ во снѣ чудесный даръ пѣснопѣній и, взойдя на амвонъ, запѣлъ знаменитую рождественскую пѣснь «Дѣва днесь пресущественнаго рождаетъ». Это было

---

[1]) Для чтенія: *Филаретъ (Гумилевскій)*. Историческій обзоръ пѣснопѣвцевъ и пѣснопѣнія греческой церкви.

началомъ поэтическаго творчества Романа, подарившаго церковь многочисленными произведеніями. Однихъ кондаковъ (такъ называется опредѣленный видъ церковныхъ пѣснопѣній), по свидѣтельству житія, св. Романъ сочинилъ до тысячи. Отличающіяся трогательною простотою пѣснопѣнія св. Романа посвящены Господнимъ и Богородичнымъ праздникамъ и знаменитымъ святымъ, напр. (кромѣ упомянутой рождественской пѣсни), пѣснопѣнія на Богоявленіе, на Срѣтеніе Господне, на Пасху, на Вознесеніе, всѣмъ святымъ, св. апостоламъ и т. д. Далеко не всѣ пѣснопѣнія св. Романа еще напечатаны. Церковная служба въ такихъ словахъ воспѣваетъ святого пѣвца: «Пресвѣтлый и свѣтозарный свѣтильникъ, цитра сладкогласная, струна преславныхъ словъ Духа, звучно поетъ и научаетъ концы славить неумолкаемыми пѣснями единый свѣтъ Божества». Поэтическое творчество св. Романа Сладкопѣвца заставляетъ удивляться, до какого совершенства и до какой глубины дошла церковная поэзія уже въ первой половинѣ VI вѣка, т.-е. во время Юстиніана Великаго [1]).

Андрей Критскій. Въ VII вѣкѣ выдѣлился своими пѣснопѣніями Андрей Критскій. Родился Андрей въ половинѣ VII вѣка въ сирійскомъ городѣ Дамаскѣ. Получивъ первоначальное образованіе дома, онъ на 14-мъ году удалился для подвижнической жизни въ знаменитую палестинскую обитель св. Саввы. Строгая, полная лишеній жизнь Андрея сдѣлала его извѣстнымъ въ Іерусалимѣ.

Въ то время Сирія и Палестина находились подъ властью арабовъ-мусульманъ, которые терпимо относились къ христіанамъ. Послѣ смерти іерусалимскаго патріарха Софронія, передавшаго святой городъ халифу Омару, патріаршій престолъ въ Іерусалимѣ довольно долго оставался незанятымъ. Во время юности Андрея дѣлами патріархіи управлялъ Ѳеодоръ, который, услышавъ о подвижнической жизни Андрея, пригласилъ его въ Іерусалимъ и приблизилъ къ себѣ. Оттуда Андрей сдѣлалъ свое первое путешествіе въ Константинополь, гдѣ

---

[1]) Нѣкоторыя произведенія Романа Сладкопѣвца переведены на русскій языкъ *Мироносицкимъ* въ журналѣ «Приходское Чтеніе» за 1912 и 1913 г.

присутствовалъ на засѣданіяхъ шестого Вселенскаго Собора (въ 680—681 году), осудившаго, какъ извѣстно, ересь монофелитовъ. Привезя въ Іерусалимъ соборныя постановленія, онъ продолжалъ жить тамъ въ постѣ и молитвѣ, ревностно изучая Священное Писаніе и творенія св. отцовъ. Долговременное пребываніе Андрея въ Іерусалимѣ сохранило за нимъ навсегда прозваніе Іерусалимлянина. Снова вызванный въ Константинополь, онъ въ храмѣ св. Софіи былъ посвященъ патріархомъ въ діаконы, а въ концѣ VII вѣка поставленъ архіепископомъ острова Крита, гдѣ усердно проповѣдывалъ слово Божіе своей паствѣ и своими молитвами защищалъ островъ отъ нападеній арабовъ, опустошавшихъ острова и побережья Средиземнаго и Эгейскаго морей. Умеръ Андрей на пути изъ Константинополя на островѣ Митиленѣ (Лесбосѣ), у береговъ Малой Азіи, гдѣ и погребенъ. Время смерти Андрея точно неизвѣстно; можетъ-быть, онъ дожилъ до начала тяжелаго времени иконоборства, т.-е. до двадцатыхъ годовъ VIII вѣка.

Благодаря дѣятельности на о. Критѣ, онъ чаще всего и называется Андреемъ Критскимъ.

Андрей обогатилъ церковную литературу, какъ прозаическую, такъ и поэтическую, многочисленными твореніями. Прозаическія его творенія состоятъ изъ словъ на большіе праздники и въ честь святыхъ. Какъ церковный пѣснопѣвецъ, онъ прежде всего извѣстенъ своимъ великимъ канономъ, обширнымъ церковнымъ пѣснопѣніемъ, которое до сихъ поръ читается въ церквахъ два раза въ теченіе Великаго поста, на великомъ повечеріи первыхъ четырехъ дней его — по частямъ, и весь — на утрени въ четвергъ пятой недѣли. Въ великомъ канонѣ Андрей съ глубокимъ чувствомъ и высокимъ полетомъ мысли вспоминаетъ главнѣйшія событія Ветхаго Завѣта, начиная съ грѣхопаденія Адама, и божественныя слова и дѣянія Спасителя. Проникнутый то глубокою скорбью о грѣхахъ, то сладостною надеждою на всепрощающую любовь Бога, великій канонъ, какъ нельзя лучше, выражаетъ всю силу того покаяннаго настроенія, которое должно создаваться въ человѣческомъ сердцѣ въ Великомъ посту. Начало великаго канона таково:

«Съ чего начну оплакивать злосчастной моей жизни дѣянія? Какое начало положу, Христе, настоящему сѣтованію? Но Ты милосердъ; оставь мнѣ прегрѣшенія».

Андрей Критскій написалъ немало пѣснопѣній на праздники Господніе и Богородичные, въ честь апостоловъ и мучениковъ. О священныхъ пѣснопѣніяхъ Андрея церковь поетъ: «Блаженный Андрей, сіяющій свѣтомъ св. Троицы, ты воспѣлъ священныя пѣсни благозвучно, явился міру свѣтиломъ свѣтлѣйшимъ солнца... Матерь Господа воспѣлъ ты медоточивыми словами, святыхъ апостоловъ и сословіе блаженныхъ мучениковъ».

Іоаннъ Дамаскинъ. Самымъ извѣстнымъ пѣснопѣвцемъ слѣдующей эпохи является жившій въ VIII вѣкѣ Іоаннъ Дамаскинъ, современникъ перваго періода иконоборческаго движенія и ревностный защитникъ иконопочитанія.

По словамъ житія Іоаннъ родился въ концѣ VII вѣка въ сирійскомъ городѣ Дамаскѣ, отчего онъ и получилъ прозваніе Дамаскина; онъ былъ сыномъ Мансура или Сергія, министра при дворѣ арабскаго халифа изъ династіи Омайядовъ, столица которыхъ находилась именно въ Дамаскѣ. Желая дать сыну прекрасное и всестороннее образованіе, Сергій искалъ подходящаго наставника и, наконецъ, нашелъ его въ лицѣ инока изъ южно-итальянской области Калабріи Козьмы, который въ качествѣ плѣннаго невольника подлежалъ продажѣ. Убѣдившись въ его глубокихъ познаніяхъ, Сергій выкупилъ его, привелъ въ свой домъ и поручилъ ему воспитаніе Іоанна и своего пріемнаго сына Козьмы. Одаренный богатыми способностями Іоаннъ быстро усвоилъ преподаваемыя ему науки, послѣ чего учитель его инокъ Козьма удалился въ монастырь св. Саввы. Іоаннъ же былъ приближенъ ко двору халифа и послѣ смерти отца занялъ высокое положеніе послѣдняго. Въ это время византійскій императоръ Левъ III открылъ гоненіе на иконы. Возмущенный Іоаннъ написалъ сочиненіе въ защиту иконъ и отправилъ его въ Константинополь, гдѣ оно произвело большое впечатлѣніе. Императоръ рѣшилъ погубить Іоанна въ глазахъ халифа, приказалъ одному изъ своихъ писцовъ изучить почеркъ Іоанна и написать послѣ

этого отъ имени послѣдняго письмо къ византійскому императору съ предложеніемъ передать ему Дамаскъ. Это поддѣланное письмо было переслано халифу, который въ порывѣ гнѣва, не обратилъ вниманія на оправданія Іоанна и повелѣлъ отсѣчь ему правую руку, какъ написавшую это измѣнническое посланіе къ императору. Получивъ отсѣченную руку для погребенія, Іоаннъ упалъ съ пламенной мольбою, въ слезахъ, передъ образомъ Богоматери. Въ утомленіи и изнеможеніи отъ страданій онъ заснулъ. Во снѣ явилась ему Богоматерь и объявила, что рука исцѣлена. Проснувшись съ приросшею рукою, Іоаннъ въ порывѣ благодарнаго чувства запѣлъ «О Тебѣ радуется, благодатная, всякая тварь».

О чудесномъ исцѣленіи Іоанна узналъ халифъ. Убѣдившись въ своей опрометчивости, онъ обѣщалъ богато наградить Іоанна и просилъ занять его прежнее положеніе при дворѣ. Но Іоаннъ, рѣшившій уже распроститься съ міромъ и его утѣхами, не внялъ просьбамъ халифа, раздалъ все имущество бѣднымъ и, отпустивъ рабовъ на волю, удалился въ палестинскую обитель св. Саввы. Монастырскіе старцы, зная, что пришедшій къ нимъ Іоаннъ—ученый и высокопоставленный человѣкъ, отказывались быть его наставниками въ подвижнической жизни. Наконецъ, одинъ самый простой и строгій инокъ взялъ на себя это нелегкое дѣло: онъ предписалъ ему полное послушаніе во всемъ и, что особенно было тяжело Іоанну, запретилъ ему что-либо писать. Въ теченіе нѣкотораго времени новый подвижникъ, несмотря на всю свою любовь къ наукѣ, твердо соблюдалъ запрещеніе. Но однажды умеръ одинъ изъ старцевъ монастыря. Братъ усопшаго, зная о прежнихъ пѣснопѣніяхъ Іоанна, обратился къ нему съ просьбою написать что-нибудь для облегченія его горя. Послѣ долгихъ отговорокъ Іоаннъ написалъ превосходные надгробные стихи, которые и до сихъ поръ поются въ церкви. Но этимъ была нарушена заповѣдь старца, наставника Іоанна. Разгнѣванный старецъ выгналъ Іоанна изъ кельи и лишь послѣ долгой мольбы его и всей монастырской братіи согласился простить на томъ условіи, чтобы Іоаннъ выполнилъ въ монастырѣ наиболѣе грязную работу. Съ пол-

нымъ смиреніемъ исполнилъ Іоаннъ указанную работу. Тогда растроганный старецъ облобызалъ его и, по внушенію явившейся къ нему во снѣ Богоматери, разрѣшилъ ему писать и пѣть. Послѣ краткаго пребыванія въ Іерусалимѣ, гдѣ онъ былъ посвященъ въ пресвитеры, Іоаннъ возвратился въ любимую обитель св. Саввы и продолжалъ тамъ въ своей кельѣ ученые труды. Годъ смерти Іоанна точно неизвѣстенъ; умеръ онъ въ обители св. Саввы во второй половинѣ VIII вѣка и былъ свидѣтелемъ наиболѣе тяжелыхъ временъ иконоборчества, при императорѣ Константинѣ V Копронимѣ. Мощи Іоанна въ концѣ XIII вѣка были перевезены въ Константинополь. Въ монастырѣ же св. Саввы до сихъ поръ монахи показываютъ могилу, гдѣ когда-то лежалъ Іоаннъ Дамаскинъ.

Литературное наслѣдство Іоанна очень велико и разнообразно. Отъ него дошли до насъ произведенія догматическія, полемическія, историческія, философскія, ораторскія и поэтическія. Изъ догматическихъ его сочиненій пользуется извѣстностью «Изложеніе православной вѣры», гдѣ главныя основанія христіанской вѣры приведены въ систему; изъ полемическихъ — три слова «противъ порицающихъ св. иконы», гдѣ Іоаннъ смѣло и твердо выступилъ на защиту иконопочитанія; какъ ораторъ Іоаннъ оставилъ нѣсколько проповѣдей на большіе праздники. Но особенно прославился Іоаннъ Дамаскинъ своими церковными пѣснопѣніями. По формѣ и содержанію они нѣсколько сложнѣе подобныхъ же произведеній св. Романа Сладкопѣвца, но по глубокой поэтической силѣ и по догматическому содержанію представляютъ собою наилучшіе образцы изъ всѣхъ, которые существуютъ въ церковной поэтической литературѣ. За свои пѣснопѣнія Іоаннъ получилъ названіе «Златоструйнаго». Онъ написалъ много прекрасныхъ каноновъ на Господніе праздники, Богородицѣ, въ честь пророковъ, апостоловъ, мучениковъ. Особенною торжественностью дышетъ его пасхальная служба, въ пѣснопѣніяхъ которой выражается глубокая радость по поводу побѣды Христа надъ смертью и адомъ. Всѣмъ бывавшимъ на пасхальной заутрени памятны слова дивнаго

пѣснопѣнія Іоанна: «Воскресенія день просвѣтимся, людіе. Пасха, Господня пасха!» [1]).

Іоаннъ написалъ такое множество разнообразныхъ церковныхъ пѣснопѣній, что они должны были произвести большую перемѣну въ кругѣ церковнаго служенія. Церковный уставъ былъ пересмотрѣнъ и измѣненъ Іоанномъ, который включилъ вновь составленныя пѣснопѣнія въ кругъ богослуженія; весь порядокъ церковной службы былъ имъ изложенъ болѣе подробно и опредѣленно. Церковныя пѣснопѣнія при Іоаннѣ Дамаскинѣ достигли наивысшаго развитія и красоты. Послѣ него византійская церковная поэзія уже не дала особенно выдающихся представителей.

Разразившееся еще при жизни Іоанна иконоборческое движеніе, съ разрушеніемъ многихъ церквей, школъ, библіотекъ и преслѣдованіемъ иконопочитателей, не могло благопріятно отразиться на развитіи церковной поэзіи. Въ это время, вѣроятно, и были забыты чудныя пѣсни Романа Сладкопѣвца, о которыхъ вспомнили сравнительно въ недавнее время. Въ началѣ IX вѣка центромъ церковной поэзіи сдѣлался Студійскій монастырь въ Константинополѣ. Самъ знаменитый настоятель его, Ѳеодоръ Студитъ, составилъ немало пѣснопѣній. Но ни его пѣснопѣнія, ни произведенія другихъ пѣснопѣвцевъ IX, X и XI вѣковъ не могли достигнуть высокихъ и совершенныхъ образцовъ Романа Сладкопѣвца, Андрея Критскаго и Іоанна Дамаскина. Зато въ XIII и XIV вѣкахъ стала развиваться музыкальная сторона пѣснопѣній, и выработался тотъ родъ церковнаго пѣнія, который и до сихъ поръ существуетъ въ греческихъ церквахъ.

2. Школа, наука и литература [2]).

Въ эпоху Римской языческой имперіи школа, наука и литература въ государствѣ находились подъ греческимъ влія-

---

[1]) Для чтенія: Тропарь І. Дамаскина въ поэмѣ гр. *А. Толстого* «Іоаннъ Дамаскинъ». Этотъ тропарь напечатанъ также у *Нейкирха* и *Кулжинскаго*. Историч. хрестоматія. Средняя исторія.

[2]) Для чтенія: *А. Лебедевъ*. Очерки внутренней исторіи византійско-восточной церкви.

ніемъ. Несмотря на то, что Греція, какъ самостоятельное государство, перестала существовать уже давно и въ 146 году до Р. Хр. была обращена въ римскую провинцію, однако— греческая культура распространилась по восточному и юго-восточному побережью Средиземнаго моря, въ странахъ, которыя позднѣе вошли въ составъ римскаго государства, и имѣла какъ въ восточной, такъ и западной его части очень большое вліяніе. Особенно славнымъ просвѣщеннымъ центромъ стала Александрія, бывшая столица египетскихъ Птолемеевъ. Затѣмъ, другимъ центромъ науки и литературы сдѣлался императорскій Римъ при Августѣ; этотъ просвѣщенный человѣкъ сумѣлъ собрать около себя выдающихся ученыхъ и писателей и покровительствовалъ научнымъ занятіямъ. Многіе изъ послѣдующихъ императоровъ также благосклонно относились къ наукѣ. Греческій языкъ и вообще греческое образованіе продолжали считаться при императорахъ, какъ и въ концѣ римской республики, необходимою принадлежностью настоящаго просвѣщенія. Сами императоры и приближенныя къ нимъ лица любили говорить по-гречески. Особенною любовью къ греческому знанію отличались во II вѣкѣ императоры Адріанъ, Антонинъ Пій и Маркъ Аврелій, авторъ извѣстнаго, написаннаго на греческомъ языкѣ, философскаго сочиненія «Къ самому себѣ».

Аѳины, бывшія въ V вѣкѣ до Р. Хр. главнымъ центромъ науки и искусства, не имѣли въ императорское время своего былого исключительнаго значенія. Тѣмъ не менѣе, современникъ Цезаря и Августа, знаменитый географъ Стравонъ (Страбонъ) называетъ Аѳины «общимъ училищемъ для всѣхъ людей», а въ IV вѣкѣ св. Григорій Богословъ говоритъ въ одной изъ своихъ рѣчей о «золотыхъ Аѳинахъ, обители наукъ». Въ первые вѣка христіанской эры Аѳины были извѣстны своею языческою философскою школою.

Смутный періодъ III вѣка, когда своеволіе солдатъ, частыя смѣны императоровъ и нападенія внѣшнихъ враговъ изнуряли государство, былъ очень неблагопріятенъ для дѣла образованія и науки. Только со времени Діоклетіана и Константина Великаго обстановка для умственной жизни стала лучше. Констан-

тинъ Великій освободилъ медиковъ и профессоровъ отъ общественныхъ должностей и отъ военной службы, чтобы они имѣли болѣе времени для обученія другихъ наукамъ и искусствамъ. При императорѣ Валентѣ, во второй половинѣ IV вѣка, преподавателямъ наукъ стали выдавать казенное жалованье, а большіе города получили право сами выбирать профессоровъ.

Очень важно было, какія отношенія установятся между языческой мудростью, языческой философіей и христіанствомъ.

Въ первыя времена христіане подвергались гоненіямъ, должны были скрываться и не были въ состояніи заботиться о христіанскихъ школахъ. Состоятельные люди могли имѣть для своихъ дѣтей домашнихъ учителей, а бѣдные христіане посылали своихъ дѣтей въ языческія школы.

Отцы церкви первыхъ вѣковъ обсуждали нерѣдко вопросъ о греческомъ, т.-е. языческомъ, образованіи. Одни изъ нихъ находили въ языческой наукѣ нѣкоторыя достоинства и говорили, что въ ней не все противорѣчитъ христіанской религіи; другіе же, наоборотъ, безусловно порицали греческое образованіе и не считали возможнымъ хоть сколько-нибудь примирить его съ христіанствомъ; по мнѣнію послѣднихъ, между философомъ и христіаниномъ нѣтъ ничего общаго. На примирительной точкѣ зрѣнія стояла Александрія, гдѣ главные христіанскіе писатели признавали за философіей нѣкоторое значеніе для христіанства, говоря, что она должна только находиться въ служебномъ отношеніи къ богословію. Въ IV вѣкѣ отцы церкви, Василій Великій и Григорій Богословъ, позволяли умѣло пользоваться языческими произведеніями, и Іоаннъ Златоустъ допускалъ литературное свѣтское образованіе.

Несмотря на разные взгляды, существовавшіе среди христіанъ по вопросу о языческой наукѣ, въ жизни сложилось такое убѣжденіе, что для полнаго образованія человѣка необходимо было знакомство съ древней литературой и съ древней философіей. Многіе изъ знаменитыхъ писателей и отцовъ церкви первыхъ вѣковъ христіанства были знакомы съ языческой философіей, и послѣднее обстоятельство нисколько не вредило чистотѣ ихъ христіанской вѣры.

Какъ въ римское время, такъ и въ византійское **школы** могутъ быть раздѣлены на три типа: школа высшая, средняя и низшая.

Высшая школа. Константинопольскій университетъ. Главными предметами высшаго образованія считались риторика, т.-е. наука краснорѣчія, и философія. Греческіе учителя этихъ предметовъ назывались обыкновенно софистами. До V вѣка однимъ изъ главныхъ центровъ процвѣтанія языческихъ наукъ въ Римской имперіи были Аѳины, гдѣ находилась, какъ сказано было выше, языческая философская школа. Туда изъ разныхъ странъ собирались софисты, изъ которыхъ одни желали блеснуть своими знаніями и ораторскимъ искусствомъ, другіе надѣялись хорошо устроиться въ качествѣ профессоровъ-учителей. Послѣдніе частью получали жалованье изъ императорской казны, частью изъ суммъ того или другого города. Частные уроки и лекціи также оплачивались въ Аѳинахъ лучше, чѣмъ въ другихъ городахъ. Умственная жизнь въ Аѳинахъ была нарушена въ самомъ концѣ IV вѣка, когда Греція подверглась опустошенію отъ вторгнувшихся туда подъ предводительствомъ Алариха вестготовъ. Послѣ ихъ удаленія аѳинскія школы опустѣли; философовъ стало мало. Еще болѣе сильный ударъ аѳинской школѣ былъ нанесенъ основаніемъ при Ѳеодосіи II Маломъ (или Младшемъ) высшей школы или университета въ Константинополѣ.

Въ 425 году Ѳеодосій II издалъ указъ объ основаніи въ Константинополѣ высшей школы. Профессоровъ было 31; они преподавали грамматику, риторику, законовѣдѣніе и философію. Преподаваніе велось какъ на латинскомъ языкѣ, такъ и на греческомъ. Хотя государственнымъ языкомъ оставался все еще языкъ латинскій, тѣмъ не менѣе разрѣшеніе преподавать нѣкоторымъ профессорамъ риторики и грамматики на греческомъ языкѣ указываетъ на то, что самъ императоръ начиналъ признавать въ новой столицѣ права и за этимъ языкомъ, который въ восточной половинѣ имперіи былъ, конечно, болѣе понятенъ, чѣмъ латинскій. Для новой высшей школы, которую можно назвать университетомъ, было отведено особое зданіе съ обширными залами для аудиторій, гдѣ читались лекціи. Профессора этого университета не имѣли права обучать

кого-либо дома, но все свое вниманіе и время должны были посвящать преподаванію въ зданіи высшей школы. Профессора пользовались опредѣленнымъ содержаніемъ изъ государственныхъ средствъ и могли дослужиться до очень высокихъ чиновъ. Новый центръ христіанскаго просвѣщенія въ Константинополѣ явился важнымъ и опаснымъ соперникомъ для аѳинскаго языческаго университета, который приходилъ все въ большій упадокъ. Наконецъ, императоръ Юстиніанъ Великій въ 529 году закрылъ этотъ послѣдній оплотъ отжившаго язычества. Профессора подверглись изгнанію; имущество университета было конфисковано. Съ этихъ поръ Аѳины утратили окончательно свое былое значеніе культурнаго центра и превратились въ глухой провинціальный городъ.

Въ эпоху Ираклейской династіи въ VII вѣкѣ, когда все главное вниманіе государства было обращено на трудную борьбу сначала съ персами, а затѣмъ съ арабами, а также и въ эпоху Исаврійской (Сирійской) династіи въ VIII и въ первой половинѣ IX вѣка, когда государство было раздираемо иконоборческими смутами, вопросы науки и образованія отходили на задній планъ. И только въ половинѣ IX вѣка кесарь Варда, дядя императора Михаила III, устроилъ въ Константинополѣ высшую школу, которая явилась, по всей вѣроятности, возрожденіемъ пришедшей въ упадокъ въ предыдущіе вѣка высшей школы Ѳеодосія II. Школа Варды помѣщалась во дворцѣ. Въ ней проходились семь главныхъ наукъ, установленныхъ еще въ языческое время и принятыхъ какъ въ Византіи, такъ и въ школахъ Западной Европы. Это были такъ называемыя «семь свободныхъ искусствъ» (septem artes liberales), дѣлившіяся на двѣ группы: trivium — грамматика, риторика и діалектика—и quadrivium—ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка Изучались также философія и древніе классическіе писатели. Знаменитый Фотій (о которомъ рѣчь ниже) былъ однимъ изъ учителей въ школѣ Варды. Желая сдѣлать образованіе общедоступнымъ, Варда объявилъ его безплатнымъ. Профессора же получали щедрое вознагражденіе изъ государственныхъ суммъ. Во главѣ учителей этой школы былъ поставленъ извѣстный математикъ и философъ Левъ.

Начиная со второй половины X вѣка и въ началѣ XI, когда, во времена императоровъ Никифора Фоки, Іоанна Цимисхія и Василія II Болгаробойцы, имперія была занята обширными военными предпріятіями на всѣхъ своихъ границахъ, высшая школа, основанная Вардою, пришла въ упадокъ: на нее правительство вниманія не обращало.

Наконецъ, въ половинѣ XI вѣка, при императорѣ Константинѣ IX Мономахѣ, дѣло высшаго образованія въ Константинополѣ снова возродилось. Прежняя единая высшая школа при немъ была раздѣлена на двѣ школы, или на два отдѣла. Первая школа при церкви св. Петра обучала философіи, т.-е. имѣла своею цѣлью дать желающимъ общее образованіе; во главѣ ея былъ поставленъ знаменитый ученый и писатель Михаилъ Пселлъ. Другая школа, помѣщавшаяся въ монастырѣ св. Георгія, выстроенномъ въ оградѣ дворца, преслѣдуя цѣли практическія, преподавала, главнымъ образомъ, науки юридическія. Это былъ родъ юридическаго лицея или юридической академіи. Государство чувствовало большой недостатокъ въ образованныхъ и опытныхъ чиновникахъ, особенно въ юристахъ. За неимѣніемъ спеціальныхъ юридическихъ школъ молодые люди черпали свои свѣдѣнія отъ юристовъ-практиковъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, которые сами не отличались ни глубиною, ни обширностью знаній. Основанный при Константинѣ Мономахѣ юридическій лицей и долженъ былъ помочь этой настоятельной государственной потребности. Во главѣ лицея былъ поставленъ извѣстный въ то время Іоаннъ Ксифилинъ, другъ Михаила Пселла. Какъ и раньше, преподаваніе велось совершенно безплатно. Профессора же получали отъ правительства хорошее жалованье, шелковую одежду, пасхальный подарокъ и пищевое довольство. Доступъ въ лицей былъ открытъ для всѣхъ желающихъ, имѣвшихъ соотвѣтственную подготовку, безъ различія происхожденія или состоянія, для знатныхъ и незнатныхъ, для богатыхъ и бѣдныхъ. Итакъ, юридическая академія XI вѣка должна была доставлять государству опытныхъ и знающихъ законы чиновниковъ. Такова была организація константинопольской высшей школы, или университета, въ половинѣ XI вѣка.

Начиная съ XII вѣка и до конца имперіи высшая школа въ Константинополѣ находилась въ состояніи упадка, и о ея судьбѣ за это время дошли до насъ самыя скудныя извѣстія.

Средняя и низшая школа. Низшія и среднія учебныя заведенія въ византійское время какъ по своему внутреннему устройству, такъ и по способу преподаванія мало отличались отъ подобныхъ же школъ римской имперіи и даже римской республики. Новымъ въ нихъ явилось ознакомленіе учениковъ со Священнымъ Писаніемъ, т.-е., другими словами, прежнія языческія школы превратились въ христіанскія. Преподаваніе въ низшихъ и среднихъ школахъ носило церковный характеръ. Школы основывались при патріархіи, монастыряхъ и частными лицами; школы были не только въ столицѣ, но и въ провинціи. Изъ монастырскихъ столичныхъ школъ особою извѣстностью пользовалась школа при Студійскомъ монастырѣ, гдѣ учились не только дѣти константинопольской аристократіи, но и члены царской семьи.

Подготовительное ученіе въ низшей и средней школѣ къ наукамъ высшей школы продолжалось около десяти лѣтъ. Въ низшую школу мальчики поступали въ возрастѣ около семи лѣтъ. Тамъ его около двухъ лѣтъ учили читать по церковнымъ книгамъ, немного писать и считать. На ряду съ чтеніемъ, писаніемъ и счетомъ стояло и пѣніе, носившее также церковный характеръ. Средняя школа подготовляла учениковъ къ высшей школѣ, и потому ея программы являлись какъ бы упрощенной и сокращенной программой нѣкоторыхъ предметовъ высшаго образованія. Для средняго свѣтскаго образованія считалось совершенно достаточнымъ знакомства съ грамматикой и діалектикой. Чтеніе книгъ Священнаго Писанія и музыка, подъ которой обычно разумѣлось пѣніе, также преподавались въ средней школѣ. Образцы для грамматическихъ и діалектическихъ упражненій брались изъ классической литературы. Изъ поэтовъ особеннымъ вниманіемъ пользовался Гомеръ; но его старались толковать, какъ писателя, у котораго можно найти скрытыя указанія на будущую христіанскую религію. Среднюю школу мальчики кончали приблизительно въ возрастѣ 16—17 лѣтъ. Дальнѣйшій школьный возрастъ, съ 16 до

25 лѣтъ, посвящался уже изученію наукъ высшей школы, наукъ университетскихъ.

Женское образованіе въ Византіи стояло на очень низкой ступени развитія. Женщина въ Византіи была прежде всего мать и хозяйка дома. Грамотѣ дѣвочки учились дома. Можетъ-быть, были первоначальныя женскія школы при нѣкоторыхъ монастыряхъ. Во всякомъ случаѣ, хорошее образованіе могли получать женщины только изъ состоятельнаго круга. Несмотря на подобныя тяжелыя условія женскаго образованія, Византія имѣла немало женщинъ, выдающихся какъ по своимъ политическимъ способностямъ, напр., Ѳеодора, супруга Юстиніана Великаго, или другая Ѳеодора, возстановительница православія, такъ и по своему образованію, напр., извѣстная писательница Анна Комнина, дочь императора Алексѣя Комнина.

Наука и литература. Прокопій Кесарійскій. Фотій. Константинъ Багрянородный. Михаилъ Пселлъ. Византія получила въ наслѣдство отъ римской имперіи богатую греко-римскую культуру, въ которой наука и литература занимали одно изъ первыхъ мѣстъ. Поэтому на долю Византіи выпало сохранить полученныя ею научныя и литературныя сокровища и примирить старую языческую мудрость съ новыми вѣяніями христіанства.

Однимъ изъ отличительныхъ признаковъ византійской науки и литературы является сближеніе свѣтскаго элемента съ богословіемъ. Когда въ Византіи называли кого-либо образованнымъ человѣкомъ, послѣднее означало, что этотъ человѣкъ свѣдущъ не только въ свѣтскихъ наукахъ, но и въ богословіи. Вначалѣ христіане какъ бы боялись языческой науки и литературы, думая, что онѣ могутъ повредить чистотѣ христіанскаго ученія; но затѣмъ, мало-по-малу, это опасеніе прошло, и христіанскіе ученые поняли, что, при умѣломъ пользованіи языческой наукой и литературой, послѣднія не только не будутъ вредны для христіанства, но даже смогутъ способствовать успѣхамъ и развитію науки и литературы богословскихъ. Примѣромъ учрежденія, гдѣ мірская наука прекрасно уживалась съ богословіемъ, была упомянутая уже высшая школа-академія Варды. Лицомъ же, которое особенно содѣйствовало подобному сближенію свѣтской и богословской

наукъ, былъ ученѣйшій мужъ своего времени, патріархъ Фотій.

Другою отличительною чертою византійской науки и образованности является отсутствіе оригинальности. Научное наслѣдство древняго Рима и Греціи было настолько обширно и многообразно, что Византія могла только сохранять полученное. Дѣйствительно, въ византійской наукѣ и литературѣ мы не находимъ много оригинальныхъ трудовъ. Умственная дѣятельность въ Византіи была направлена на собираніе матеріала, унаслѣдованнаго отъ древности; византійскіе ученые ставили себѣ задачей сохранить для потомства древнюю науку и литературу. Для этого многія лица переписывали древнихъ авторовъ, дѣлали изъ нихъ извлеченія и составляли обширные, но не оригинальные сборники, такъ называемыя компиляціи или энциклопедіи. Такимъ образомъ, благодаря этимъ труженикамъ до насъ дошли многочисленныя произведенія античной науки и литературы, которыя безъ ихъ просвѣщенной помощи могли легко погибнуть. Въ этомъ охраненіи памятниковъ древней культуры заключается крупная заслуга Византіи передъ человѣчествомъ.

Третьей отличительной чертой византійской образованности и научности является универсальность знаній византійскихъ ученыхъ: византійскіе ученые знали не одну какую-либо науку, не одну спеціальность, но были знакомы со многими, а иногда даже, какъ, напр., Фотій или Михаилъ Пселлъ, со всѣми процвѣтавшими тогда науками. Византійскій ученый былъ въ одно и то же время филологомъ, историкомъ, археологомъ и т. д. Конечно, эти ученые не могли всего охватить основательно, и поэтому ихъ знанія, по большей части, глубиною не отличались.

Въ тѣ времена въ Византіи, какъ, впрочемъ, и на Западѣ, научное часто смѣшивалось съ ненаучнымъ; такъ, напр., астрономію превращали въ астрологію, т.-е. въ умѣнье по звѣздамъ узнавать будущее. Но подобные недостатки не могутъ быть поставлены въ вину Византіи, такъ какъ смѣшенія такого рода продолжали существовать и въ новое время.

Въ византійской исторической литературѣ, помимо писателей, посвящавшихъ свои труды опредѣленнымъ эпохамъ, по-

явилось немало хронистовъ, т.-е. лицъ, сообщавшихъ краткія свѣдѣнія о событіяхъ во всѣхъ странахъ, начиная отъ сотворенія міра. Византія оставила также богатую литературу житій святыхъ, такъ называемую **житійную** или, пользуясь греческимъ словомъ, **агіографическую** литературу, очень важную не только съ точки зрѣнія церковной, но и общеисторической, такъ какъ житія даютъ иногда очень интересныя свѣдѣнія какъ о внѣшнихъ событіяхъ, такъ и о внутренней, особенно бытовой исторіи.

Современники Византіи очень высоко ставили ея цивилизацію. Константинополь былъ тѣмъ центромъ науки и образованности, куда западные варвары стремились, чтобы изучить тамъ древнюю литературу и философію. Изъ Франціи, изъ Италіи молодые люди пріѣзжали въ Византію для своего образованія. Знаменитый болгарскій царь Симеонъ получилъ воспитаніе въ Византіи. Вліяніе византійской науки и литературы не ограничивалось Западной Европой, но распространялось и на Востокъ. Арабскіе халифы признавали культурное превосходство Византіи, и пышный расцвѣтъ культуры арабской при Аббасидахъ многимъ былъ ей обязанъ. Арменія и Грузія на Кавказѣ находились подъ вліяніемъ византійской культуры. Византійская наука и литература проникли на Балканскій полуостровъ въ молодое болгарское государство и оттуда уже перешли въ предѣлы русскаго государства. Когда мы вспоминаемъ разгромъ Константинополя въ 1204 году латинскими крестоносцами, то мы должны помнить, что въ этомъ году западноевропейское варварство побѣдило самое культурное государство среднихъ вѣковъ.

Изъ византійскихъ историковъ особенною извѣстностью пользуется Прокопій Кесарійскій.

Родился Прокопій въ концѣ V вѣка въ палестинскомъ городѣ Кесаріи. Получивъ юридическое образованіе и будучи очень способнымъ человѣкомъ, Прокопій прибылъ въ Константинополь, гдѣ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе. Ему была поручена должность совѣтника и секретаря при знаменитомъ полководцѣ Юстиніана Великаго, Велизаріи, съ которымъ онъ

и совершилъ походы въ сѣверную Африку противъ вандаловъ, въ Италію противъ остготовъ и на Востокъ противъ персовъ. Годъ смерти его точно неизвѣстенъ; вѣроятно, онъ жилъ еще въ шестидесятыхъ годахъ VI вѣка. Исключительное положеніе у Велизарія давало Прокопію возможность знать и видѣть многое, что для большинства было недоступно. Дѣйствительно, сочиненія его хорошо и полно рисуютъ эпоху Юстиніана Великаго. Въ своей большой «Исторіи въ восьми книгахъ» Прокопій подробно описывалъ войны Византіи съ персами, вандалами и готами, сообщая попутно драгоцѣнныя свѣдѣнія по внутренней исторіи государства. Это сочиненіе, написанное, по большей части, на основаніи собственныхъ переживаній и наблюденій автора, а также офиціальныхъ документовъ, является наиболѣе безпристрастнымъ произведеніемъ Прокопія. Вторымъ сочиненіемъ его была такъ называемая «Тайная исторія», родъ тайнаго дневника, наполненнаго тяжелыми обвиненіями и оскорбленіями противъ Юстиніана и его супруги Ѳеодоры, противъ Велизарія и его супруги. Несмотря на явныя преувеличенія въ отрицательной оцѣнкѣ времени Юстиніана, это сочиненіе Прокопія, при умѣломъ пользованіи имъ, также даетъ богатый матеріалъ для внутренней исторіи. Наконецъ, третьимъ сочиненіемъ Прокопія былъ его трудъ «О постройкахъ», являющійся по своему тону полною противоположностью «Тайной исторіи». Въ немъ авторъ уже чрезмѣрно восхваляетъ Юстиніана. Главное значеніе послѣдняго произведенія заключается въ богатыхъ данныхъ по географіи Византіи и о тѣхъ многочисленныхъ постройкахъ, которыя Юстиніанъ возвелъ на всемъ протяженіи обширной территоріи своего государства. Итакъ, сочиненія Прокопія, несмотря на ихъ нѣкоторыя преувеличенія въ худую или хорошую сторону при оцѣнкѣ дѣяній Юстиніана, представляютъ собою въ высшей степени важный современный источникъ для знакомства съ эпохой этого великаго государя Прокопій имѣетъ значеніе и какъ писатель; онъ писалъ по-гречески яснымъ и образнымъ языкомъ, подражая въ своемъ изложеніи и планѣ древнимъ греческимъ историкамъ. Геродоту и Ѳукидиду.

Среди лицъ, которыя выдѣлялись многосторонностью своихъ познаній, обращаютъ на себя особенное вниманіе патріархъ Фотій, императоръ Константинъ Багрянородный и ученый Михаилъ Пселлъ.

Фотій. Фотій родился въ двадцатыхъ годахъ IX вѣка въ знатной семьѣ, которая въ эпоху иконоборчества пострадала за свою приверженность къ иконопочитанію. Онъ обладалъ выдающимися способностями и любознательностью и получилъ прекрасное образованіе. Какъ только окончились годы ученія, Фотій самъ всею силою своей души устремился на обученіе другихъ. Имѣя разностороннія познанія не только въ области богословія, но и грамматики, философіи, естественныхъ наукъ, права и медицины, Фотій собралъ около себя кругъ лицъ, стремившихся къ знанію. Онъ сдѣлался центромъ учено-литературнаго движенія въ Византіи въ IX вѣкѣ. Когда въ половинѣ IX вѣка, при императорѣ Михаилѣ III, былъ низложенъ патріархъ Игнатій, на патріаршій престолъ Константинополя былъ возведенъ волею императора Фотій, свѣтскій человѣкъ; послѣ постриженія онъ въ четыре дня былъ сдѣланъ послѣдовательно чтецомъ, иподіакономъ, діакономъ, священникомъ и на пятый день былъ посвященъ въ епископы. Возведеніе Фотія въ патріархи вызвало вмѣшательство въ дѣла восточной церкви папы Николая I, который высказался за низложеннаго Игнатія и обвинялъ Фотія въ нарушеніи церковныхъ законовъ. Тѣмъ не менѣе, на соборѣ въ Константинополѣ, въ присутствіи папскихъ легатовъ (представителей папы), Игнатій былъ признанъ низложеннымъ, а Фотій— законнымъ патріархомъ. Начались раздоры между Константинополемъ и Римомъ. На соборѣ въ Римѣ Фотій былъ проклятъ, и возстановленъ Игнатій; на это рѣшеніе римскаго собора въ Константинополѣ не обратили вниманія, и Фотій оставался патріархомъ до 867 года, когда вступившій на престолъ основатель Македонской династіи, Василій I, низложилъ его и возстановилъ Игнатія, чѣмъ возобновилъ прерванныя сношенія съ папой. Однако, Фотій вновь добился расположенія Василія, который не только поручилъ ему воспитаніе своего сына и

будущаго императора Льва, но послѣ смерти Игнатія вторично сдѣлалъ его патріархомъ, вслѣдствіе чего отношенія съ Римомъ снова порвались. Вступившій на престолъ послѣ смерти Василія, сынъ послѣдняго Левъ VI, прозванный Философомъ или Мудрымъ, низложилъ снова своего воспитателя патріарха Фотія и отправилъ его въ изгнаніе, въ которомъ тотъ и умеръ въ концѣ IX вѣка.

Фотій былъ ученѣйшимъ мужемъ своего времени и оставилъ послѣ себя большое литературное наслѣдство. Труды его касались различныхъ наукъ и предметовъ. Особенно важною работою Фотія является его «Библіотека» или, какъ она часто называется греческимъ словомъ, «Миріобиблонъ» (т.-е. тысячи книгъ). Въ «Библіотекѣ» Фотій сообщаетъ краткія или подробныя извлеченія изъ множества прочитанныхъ имъ сочиненій, иногда даетъ на основаніи ихъ рефераты или дѣлаетъ свои критическія къ нимъ замѣчанія. Въ этомъ громадномъ трудѣ мы находимъ длинный рядъ извѣстій о грамматикахъ, ораторахъ, историкахъ, естествоиспытателяхъ, врачахъ, о соборахъ, житіяхъ святыхъ и т. д. Главное значеніе «Библіотеки» Фотія заключается въ томъ, что въ ней до насъ дошли отрывки произведеній такихъ авторовъ, которые послѣ Фотія пропали и съ которыми мы знакомы, хотя и не въ полномъ видѣ, только благодаря этому труду. Помимо «Библіотеки» Фотій оставилъ другіе труды въ области богословія, грамматики, проповѣдей и писемъ. Для насъ особенно интересны его двѣ проповѣди, въ которыхъ онъ, какъ очевидецъ, говоритъ о первомъ нападеніи русскихъ на Константинополь въ 860 году и въ яркихъ краскахъ рисуетъ охватившій столицу ужасъ передъ «сѣверною страшною грозою», передъ «скиѳскимъ грубымъ и варварскимъ народомъ», по выраженію проповѣди.

Фотій поражалъ обширностью, универсальностью своихъ знаній и настаивалъ на изученіи древнихъ писателей; онъ является выразителемъ того умственнаго движенія въ Византіи, которое замѣчается въ ней, особенно въ столицѣ, начиная съ половины IX вѣка, и однимъ изъ показателей котораго надо считать уже ранѣе упомянутую высшую школу, организованную Вардою, гдѣ самъ Фотій былъ усерднымъ преподавателемъ. Въ

его время и благодаря ему особенно замѣтно стремленіе сблизить и примирить свѣтскія науки съ науками духовными.

Научная дѣятельность Фотія создала ту культурную обстановку, въ которой въ X вѣкѣ могъ появиться вѣнценосный писатель и ревнитель просвѣщенія, императоръ Константинъ VII Багрянородный.

Константинъ Багрянородный. Константинъ VII былъ сыномъ Льва VI Философа, ученика Фотія. Левъ VI уже продолжалъ дѣло своего учителя и покровительствовалъ ученымъ и вообще образованнымъ людямъ; при немъ иногда, по словамъ одного писателя, «царскій дворецъ превращался въ новую академію и лицей». Гораздо болѣе сильною литературною и ученою дѣятельностью отличается время его сына, Константина VII Багрянороднаго или Порфиророднаго.

Константинъ VII большую часть времени своего правленія стоялъ въ сторонѣ отъ государственныхъ дѣлъ, такъ какъ настоящимъ императоромъ, руководившимъ этими дѣлами, былъ Романъ I Лекапинъ. Но Константинъ VII сумѣлъ сдѣлаться центромъ живого литературнаго и ученаго движенія, въ которомъ лично принималъ дѣятельное участіе, при чемъ онъ писалъ самъ и побуждалъ писать другихъ, старался лучше организовать народное образованіе. Съ его именемъ связана постройка многихъ великолѣпныхъ зданій; онъ увлекался живописью и музыкой и тратилъ крупныя средства для составленія обширныхъ сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ многочисленные отрывки изъ древнихъ писателей.

До насъ дошло немало произведеній X вѣка, т.-е. времени Константина VII; одни изъ нихъ были написаны имъ самимъ, другіе при его личномъ участіи и, наконецъ, третьи составлены, по его предложенію, въ видѣ выше названныхъ сборниковъ древнихъ текстовъ и энциклопедій съ извлеченіями по разнообразнымъ вопросамъ. Константину принадлежитъ хвалебная біографія его дѣда, императора Василія I. Въ другомъ его сочиненіи «Объ управленіи государствомъ», посвященномъ его сыну и наслѣднику, Константинъ сообщаетъ интересныя и важныя свѣдѣнія о географіи чужихъ странъ и о сношеніяхъ Византіи съ сосѣдними народами. Въ этомъ сочиненіи даются

названія днѣпровскихъ пороговъ и интересныя сообщенія о нашихъ ближайшихъ сосѣдяхъ на югѣ въ первыя времена русской исторіи, а именно о печенѣгахъ. Много географическаго матеріала содержится и въ третьемъ его сочиненіи «О ѳемахъ», т.-е. «Объ областяхъ». Затѣмъ къ его же времени относится большое сочиненіе «О церемоніяхъ византійскаго двора», представляющее собою подробное описаніе сложныхъ обычаевъ жизни византійскаго императорскаго двора, т.-е., другими словами, «Придворный уставъ». Это есть сборникъ, составленный, большею частью, изъ офиціальныхъ придворныхъ записей различныхъ эпохъ. Всѣ разнообразныя собранныя тамъ свѣдѣнія о жизни двора, какъ, напр., о крещеніи государей, бракѣ, коронованіи, похоронахъ, о различныхъ церковныхъ торжествахъ, о пріемахъ иностранныхъ пословъ и т. д., имѣютъ очень важное значеніе и представляютъ большой интересъ. Византійскій придворный обиходъ выросъ и развился изъ придворныхъ церемоній поздней римской имперіи временъ Діоклетіана и Константина Великаго и имѣлъ вліяніе на придворную жизнь Западной Европы и славянскихъ государствъ, включая и Россію; даже въ нѣкоторыхъ придворныхъ церемоніяхъ современной Турціи, грубой побѣдительницы Византіи, можно замѣтить византійскія вліянія. Для древней русской исторіи «Придворный уставъ» времени Константина въ высшей степени интересенъ еще тѣмъ, что содержитъ подробное описаніе пріема въ Константинополѣ нашей великой княгини Ольги[1]).

Вѣнценосный писатель и вѣрный другъ просвѣщенія, императоръ Константинъ VII является наиболѣе яркимъ примѣромъ умственнаго движенія въ Византіи X вѣка. Византійская цивилизація переживала блестящее время, и представители варварскаго Запада шли учиться на берега Босфора.

Послѣ нѣкотораго упадка культурной дѣятельности въ концѣ X и началѣ XI вѣка, когда все вниманіе Византіи было поглощено, при императорахъ Никифорѣ Фокѣ, Іоаннѣ Цимисхіи и Василіи II Болгаробойцѣ, веденіемъ войнъ, воз-

---

[1]) Въ русскомъ переводѣ разсказъ о пріемѣ Ольги можно найти въ Книгѣ для чтенія по русской исторіи, подъ ред. *Довнаръ-Запольскаго* или въ Исторической хрестоматіи *Нейкирха* и *Кулжинскаго*.

ведшихъ имперію на вершину ея военной славы, въ XI вѣкѣ снова замѣчается нѣкоторое умственное оживленіе, доказательствомъ котораго служитъ преобразованіе высшей школы при Константинѣ IX Мономахѣ, о чемъ рѣчь была выше. Интереснымъ представителемъ этой культурной эпохи былъ Михаилъ Пселлъ.

Михаилъ Пселлъ. Родившійся въ первой четверти XI вѣка Константинъ Пселлъ, обычно называемый по его монашескому имени Михаилъ, получилъ прекрасное образованіе и, отличаясь обширными познаніями и выдающимися способностями, настолько выдвинулся въ Константинополѣ, что сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ людей въ государствѣ. Императоръ Константинъ IX Мономахъ назначилъ его профессоромъ философіи въ основанную имъ юридическую академію. Приглашенный ко двору, онъ занималъ высокія должности и жалованъ былъ большими чинами. Слѣдуя примѣру своего друга, выше упомянутаго Іоанна Ксифилина, стоявшаго во главѣ константинопольскаго юридическаго лицея или академіи, Пселлъ принялъ монашество, назвался Михаиломъ и нѣкоторое время пробылъ въ монастырѣ. Но монастырская уединенная жизнь не подходила къ характеру Пселла. Онъ покинулъ монастырь и, появившись въ столицѣ, снова сталъ играть видную роль при дворѣ; въ концѣ своей жизни онъ занималъ даже постъ перваго министра. Умеръ Пселлъ, по всей вѣроятности, въ концѣ семидесятыхъ годовъ XI вѣка.

Живя въ эпоху смутъ и упадка имперіи, при частыхъ смѣнахъ императоровъ, что нерѣдко означало и смѣну направленій и политики, Пселлъ хорошо умѣлъ приспособляться къ мѣнявшимся обстоятельствамъ и, служа при девяти императорахъ, продолжалъ возвышаться въ чинахъ и пріобрѣтать все болѣе вліятельное положеніе. Пселлъ не задумывался ни передъ лестью, ни передъ заискиваньемъ, ни передъ взятками, чтобы создать свое благополучіе. Изъ этого видно, что онъ не отличался большими нравственными достоинствами, какъ, впрочемъ, и громадное большинство людей той смутной и тяжелой эпохи.

Но на ряду съ этими отрицательными чертами его натуры были и такія стороны, которыя ставили его головой выше

современниковъ. Пселлъ былъ высокообразованнымъ человѣкомъ; онъ много зналъ, читалъ и работалъ. Обладая обширными и разносторонними знаніями и большимъ трудолюбіемъ, онъ оставилъ обильное наслѣдство въ различныхъ областяхъ знанія и литературы: въ богословіи, философіи, гдѣ онъ особенно выдвигалъ Платона, въ естественныхъ наукахъ, филологіи, исторіи, правѣ, поэзіи, въ рѣчахъ и письмахъ. Исторія Пселла, описывающая событія со смерти Іоанна Цимисхія до послѣднихъ лѣтъ жизни автора, несмотря на нѣкоторое пристрастіе въ изложеніи, является однимъ изъ драгоцѣнныхъ источниковъ для исторіи XI вѣка. Для русскихъ эта исторія еще тѣмъ интересна, что въ ней Пселлъ, въ качествѣ очевидца, разсказываетъ о послѣднемъ нападеніи древней Руси на Константинополь, т.-е. о походѣ на Византію старшаго сына Ярослава Мудраго. Въ виду всего сказаннаго, Михаилъ Пселлъ можетъ смѣло занять первое мѣсто въ культурномъ движеніи Византіи XI вѣка подобно тому, какъ въ IX вѣкѣ занималъ его патріархъ Фотій, а въ X вѣкѣ императоръ Константинъ Багрянородный.

3. Государственное устройство. Развитіе законодательства.

Государственное устройство [1]). Въ основаніе Византійской имперіи легло государственное устройство, установленное въ Римской имперіи въ концѣ III и въ IV вѣкѣ императорами Діоклетіаномъ и Константиномъ Великимъ; главными отличительными чертами ихъ реформы было установленіе неограниченной (абсолютной) власти императора и строгое раздѣленіе военныхъ и гражданскихъ властей, что повлекло за собою учрежденіе громаднаго количества чиновниковъ. Въ византійское время сохранилась первая черта, т.-е. неограниченная власть монарха; вторая же черта подверглась сильному измѣненію.

Латинское названіе «императоръ» обычно передавалось греческимъ словомъ «автократоръ», т.-е. самодержецъ. Но визан-

---

[1]) Для чтенія: Очерки по исторіи Византіи, подъ редакціей *В. Бенешевича*. Вып. II.

тійскій императоръ очень часто также назывался греческимъ словомъ «василевсъ», т.-е. царь. Послѣднее названіе было офиціально введено только въ VII вѣкѣ при императорѣ Иракліи. Позднѣе, офиціальнымъ титуломъ византійскаго императора былъ соединенный титулъ «василевсъ и автократоръ».

Въ рукахъ императора находилась вся полнота власти, т.-е. власть законодательная, исполнительная и судебная. Византійскій василевсъ—государь неограниченный, отдававшій отчетъ въ своихъ дѣяніяхъ только передъ Богомъ, отъ котораго онъ получилъ свою власть. Онъ распоряжался свѣтскими и церковными дѣлами; онъ—помазанникъ Божій; его жизнь и личность священны.

Во время коронаціи на голову императора возлагалась діадема, т.-е. вѣнецъ, корона, окончательно введенная императоромъ Константиномъ Великимъ; короновалъ императора обыкновенно патріархъ. Красные сапоги и пурпуровая мантія были главными принадлежностями императорскаго одѣянія.

Опредѣленнаго закона о престолонаслѣдіи въ Византіи не было, и поэтому при смѣнѣ императоровъ часто происходили сильныя смуты. Но императоръ для предотвращенія возможныхъ смутъ назначалъ себѣ наслѣдникомъ при жизни или сына, или другое какое-либо ему близкое лицо. Дѣйствительно, эта мѣра помогала, и въ Византіи извѣстны очень продолжительныя династіи, державшія власть въ рукахъ одной фамиліи; напримѣръ: Македонская династія, царствовавшая около двухсотъ лѣтъ; династія Комниновъ, царствовавшая болѣе ста лѣтъ, и, наконецъ, послѣдняя династія Палеологовъ, занимавшая престолъ около двухсотъ лѣтъ. По византійскимъ обычаямъ женщина не могла быть самостоятельной императрицей; женщины иногда управляли государствомъ, но отъ имени императора, за его малолѣтствомъ или слабостью. Исключеніе представляла собою Ирина, возстановившая въ первый разъ иконопочитаніе на седьмомъ Вселенскомъ Соборѣ (въ 787 году): она была вполнѣ самостоятельной императрицей—василиссой; но это казалось настолько необыкновеннымъ, что въ офиціальныхъ документахъ она подписывалась не «Ирина—императрица», а «Ирина—императоръ» (василевсъ).

Повседневная жизнь императора была обставлена длиннымъ рядомъ пышныхъ церемоній, описаніе которыхъ можно найти въ составленномъ при Константинѣ Багрянородномъ «Придворномъ обрядникѣ». Почти каждый шагъ императора сопровождался опредѣленной церемоніей; различные императорскіе выходы, напримѣръ, въ церковь, на пріемъ иностранныхъ пословъ, въ театръ, отправленіе въ походъ, коронація, чинопроизводство и т. д.,—все это совершалось по строго установленной программѣ съ необычайною роскошью, въ присутствіи многочисленнаго штата придворныхъ. Наиболѣе извѣстна была лучшая и важнѣйшая часть Большого Дворца, тронная зала, называемая Золотою Палатою, гдѣ стоялъ прекрасный императорскій тронъ и гдѣ чаще всего происходили различные пріемы, производство въ чины, назначеніе на должности, а также давались пиры и обѣды. Для особенно же многолюдныхъ собраній и часто для пріема иностранныхъ пословъ была назначена другая, самая большая тронная и пріемная Палата, называемая Магнавра или Манавра, гдѣ также стоялъ роскошный тронъ; въ этой залѣ иностранцы дивились не только роскоши и блеску обстановки, но и другимъ необычайнымъ вещамъ; тамъ были искусственныя птицы, которыя пѣли, и такіе же звѣри, которые рычали. Въ этой залѣ была съ великимъ торжествомъ встрѣчена русская великая княгиня Ольга.

Многочисленный штатъ чиновничества, учрежденный реформами Діоклетіана и Константина Великаго, перешелъ въ Византію и съ довольно большими, правда, измѣненіями, какъ въ самихъ должностяхъ, такъ и въ названіяхъ ихъ, дожилъ до послѣднихъ временъ имперіи. Большинство названій чиновъ и должностей изъ латинскихъ превратились въ греческія; но немало было и новыхъ чиновъ и должностей.

Должности имѣли отношеніе къ придворному вѣдомству и къ управленію центральному и областному. Придворное вѣдомство при помощи многочисленнаго штата служащихъ, какъ показываетъ само названіе, вѣдало придворную жизнь, т.-е. касалось исключительно особы императора и его повседневной жизни. Дѣла по разнымъ отраслямъ управленія имперіи находились въ вѣдѣніи центральнаго управленія, состоявшаго изъ

ряда **секретовъ**, т.-е. приказовъ, подобія современныхъ министерствъ; секреты вѣдали опредѣленныя отрасли управленія, напримѣръ: финансы, военное дѣло, иностранныя сношенія, судъ и т. д.

Областное управленіе въ византійское время пережило большія измѣненія сравнительно съ эпохою Діоклетіана и Константина, при которыхъ въ областяхъ гражданская власть была отдѣлена отъ военной. Въ позднѣйшія времена, когда границамъ имперіи стали угрожать враги, почувствовалась необходимость усилить военную власть въ пограничныхъ областяхъ. Уже въ концѣ VI вѣка византійское правительство устроило два экзархата: равеннскій и африканскій или карѳагенскій. Равеннскій экзархатъ былъ основанъ въ Италіи особенно въ виду вторженія туда въ 568 году дикаго и жестокаго германскаго племени лангобардовъ. Африканскій или карѳагенскій (отъ главнаго города сѣверной Африки) экзархатъ, основанный на мѣстѣ покореннаго Юстиніаномъ Великимъ вандальскаго государства, былъ устроенъ для отраженія нападеній мѣстныхъ африканскихъ племенъ. Въ обоихъ экзархатахъ византійскіе намѣстники, такъ называемые экзархи, совмѣщали въ своихъ рукахъ, въ видахъ возможности болѣе скорыхъ и рѣшительныхъ дѣйствій въ случаѣ нужды, какъ военную, такъ и гражданскую власть. Позднѣе, въ VII вѣкѣ съ востока стали сильно грозить Византіи персы и арабы, а съ сѣвера болгары, славяне и авары. Въ такихъ обстоятельствахъ правительство рѣшило соединить военную власть съ гражданской и въ другихъ, особенно пограничныхъ, областяхъ, которыя стали называться **ѳемами.** Въ VII вѣкѣ уже было извѣстно нѣсколько такихъ крупныхъ военныхъ округовъ или ѳемъ, во главѣ которыхъ стояли обычно **стратиги;** такъ напримѣръ: на восточной границѣ Малой Азіи были ѳемы Анатоликъ и Арменіакъ, на Балканскомъ полуостровѣ—Ѳракійская ѳема. Впослѣдствіи ѳемы увеличивались въ своемъ числѣ и уменьшались въ размѣрѣ.

Развитіе законодательства. Въ исторіи права Византія имѣетъ первостепенное значеніе, не потерявшее своей силы и до настоящаго времени, такъ какъ она сохранила и привела въ

извѣстную систему римское право и въ знаменитомъ сводѣ императора Юстиніана завѣщала его человѣчеству.

Давно уже чувствовалась необходимость въ собраніи законовъ. Отдѣльные, не соединенные воедино указы римскихъ императоровъ, благодаря своей многочисленности, забывались и нерѣдко терялись. Наиболѣе выдающіеся законовѣды (юристы) не могли всѣхъ ихъ знать и часто не могли найти нужнаго закона; кромѣ того, со временемъ нѣкоторые законы теряли свою силу и замѣнялись новыми. Все это вмѣстѣ взятое очень задерживало судопроизводство и влекло за собою невѣрныя и слишкомъ медлительныя рѣшенія дѣлъ и порою создавало запутанную обстановку, изъ которой юристы не находили выхода.

Первыя попытки составить сборники указовъ римскихъ императоровъ были сдѣланы во время Діоклетіана въ IV вѣкѣ. До насъ эти сборники не дошли; но они облегчили задачу слѣдующимъ византійскимъ императорамъ-законодателямъ. Самый ранній, дошедшій до насъ, систематическій сводъ указовъ принадлежитъ императору первой половины V вѣка Ѳеодосію II Малому или Младшему и называется отъ его имени **Кодексъ Ѳеодосія** (Codex Theodosianus). Въ этотъ сборникъ вошли указы христіанскихъ императоровъ, начиная съ Константина Великаго. Указы эти были распредѣлены согласно ихъ содержанію по извѣстнымъ отдѣламъ въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что найти нужный указъ уже не было трудно.

Самымъ знаменитымъ императоромъ-законодателемъ является Юстиніанъ Великій (527—565), съ именемъ котораго связывается кодификація римскаго права, т.-е. собраніе указовъ римскихъ императоровъ въ одинъ кодексъ (сборникъ), называемый **Кодексъ Юстиніана** (Codex Justiniani). Въ этомъ кодексѣ изданы указы императоровъ со времени Адріана, т.-е. съ первой половины II вѣка, до Юстиніана Великаго. Въ своей сложной и трудной работѣ по кодификаціи римскаго права Юстиніанъ нашелъ себѣ превосходнаго помощника въ лицѣ опытнаго юриста и министра юстиціи Трибоніана, который всю тяжесть труда принялъ на себя. Работа была сдѣлана необыкновенно быстро. Въ теченіе шести лѣтъ кодексъ былъ не только составленъ, но даже два раза изданъ; при чемъ второе его изданіе явилось

исправленнымъ и дополненнымъ, и въ него были внесены указы до самаго года появленія второго изданія.

Подобная быстрота работы объясняется, конечно, тѣмъ, что большую помощь изданію Юстиніана оказали болѣе ранніе, упомянутые выше кодексы.

Кодексъ не охватываетъ всей работы Юстиніана въ области римскаго права. Въ тѣ же шесть лѣтъ, когда вышли два изданія кодекса, были изданы **дигесты,** т.-е. собраніе приведенныхъ въ систему мнѣній по различнымъ юридическимъ вопросамъ наиболѣе выдающихся римскихъ юристовъ, и **институціи,** т.-е. предназначенныя для молодежи и сообразно съ этимъ составленныя практическія руководства по римскому праву,— родъ учебниковъ права.

Какъ кодексъ, такъ и дигесты и институціи были изданы на латинскомъ языкѣ. Текущее же законодательство Юстиніана, такъ называемыя **новеллы** (novellae constitutiones—новые законы), издавались уже на языкѣ греческомъ, который на Востокѣ былъ гораздо болѣе понятенъ, чѣмъ латинскій. Новеллы стали служить дополненіемъ къ кодексу. Все законодательное дѣло Юстиніана, состоящее изъ **кодекса, дигестъ, институцій** и **новеллъ**, было впослѣдствіи названо **Corpus juris civilis,** т.-е. Сводъ гражданскаго права.

Значеніе законодательной работы Юстиніана чрезвычайно велико. Его труды служатъ до сихъ поръ главнымъ основаніемъ изученія римскаго права, содержащаго существенные принципы того права, которыми управляются современныя намъ общества.

Вотъ тѣ великія слѣдствія гигантской законодательной работы Юстиніана и его вѣрнаго помощника Трибоніана. За это одно Юстиніанъ вполнѣ заслужилъ прозваніе «Великій».

Но для общаго распространенія въ Византіи кодекса Юстиніана, несмотря на то, что онъ былъ сдѣланъ обязательнымъ для всей имперіи, являлось серьезное препятствіе въ его латинскомъ языкѣ, который для Византійскаго государства былъ въ то время уже почти мертвымъ, непонятнымъ языкомъ.

Первымъ памятникомъ систематическаго законодательства въ Византіи послѣ Юстиніана была **Эклога,** выпущенная въ первой половинѣ VIII вѣкѣ, при императорѣ Львѣ III. Изданная

на греческомъ языкѣ, эклога представляетъ собою въ своей большей части постановленія гражданскаго права, напримѣръ, о бракѣ, о приданомъ, завѣщаніяхъ, опекѣ и т. д.; но встрѣчаются постановленія и изъ области права уголовнаго. Заимствуя свое главное содержаніе изъ законодательныхъ трудовъ Юстиніана, эклога видоизмѣняетъ ихъ согласно съ требованіями времени; особенно надо отмѣтить стремленіе эклоги къ большей гуманности и справедливости.

Приблизительно около этого времени появился «Земледѣльческій законъ», сообщающій интересныя свѣдѣнія о томъ, что, на ряду съ крѣпостными крестьянами, въ Византіи существовали свободные крестьяне-собственники и крестьянскія общины.

Наконецъ, во второй половинѣ IX вѣка основатель Македонской династіи Василій I рѣшилъ сдѣлать юридическіе памятники эпохи Юстиніана болѣе доступными для населенія; для этого онъ отбросилъ всѣ отмѣненные указы, а содержаніе остальныхъ изложилъ на греческомъ языкѣ. Большая часть матеріала была собрана при немъ, а вся эта обширная компиляція, т.-е. собраніе выписокъ, въ 60 книгахъ была издана при его сынѣ и преемникѣ Львѣ VI Философѣ или Мудромъ и называется **Василики**. Василики пользовались большимъ вниманіемъ въ послѣдующей исторіи Византіи.

Изъ позднѣйшихъ новеллъ выдѣляются нѣкоторыя новеллы государей Македонской династіи, особенно Василія II Болгаробойцы (въ концѣ X вѣка), которые выступаютъ на защиту мелкаго крестьянства противъ все болѣе и болѣе притѣснявшихъ его крупныхъ земельныхъ собственниковъ.

Въ виду развитія церковныхъ учрежденій и общей важности въ исторіи Византіи духовной жизни, государство занималось, конечно, и вопросами церковнаго права, которое возникло съ христіанствомъ и было чуждо римскому языческому праву. Появилась серьезная потребность въ сборникахъ церковныхъ правилъ или **каноновъ**, напримѣръ, постановленій соборовъ. Уже при Юстиніанѣ Великомъ было составлено два сборника каноновъ. Впослѣдствіи къ нимъ прибавлялись наиболѣе нужныя для церкви извлеченія изъ свѣтскаго права (νόμοι—**номой**—**законы**). Изъ смѣшенія церковнаго и свѣтскаго элемента

возникли церковно-правовые сборники, такъ называемые **номоканоны.**

Нѣкоторые изъ законодательныхъ памятниковъ Византіи перешли потомъ въ славянскія страны и встрѣчаются въ древне-русской письменности.

4. Искусство [1]).

Византійское искусство создалось изъ трехъ элементовъ: христіанства, эллинизма и древняго Востока. Искусство эпохи эллинизма давно уже оказывало большое вліяніе на Римскую имперію. Восточное искусство ожило въ Сассанидскомъ ново-персидскомъ царствѣ, основанномъ въ первой половинѣ III вѣка по Р. Хр. Наконецъ, христіанство, сначала угнетаемое и преслѣдуемое, а затѣмъ побѣдоносное и торжествующее, воспользовавшись образцами, созданными въ различныхъ областяхъ эллинистическаго и восточнаго искусства, влило въ нихъ новую струю, приспособило ихъ къ своимъ новымъ христіанскимъ задачамъ и, въ концѣ концовъ, дало новое христіанское или византійское искусство. Это искусство обогатило міръ прекрасными памятниками и оказало глубокое вліяніе на Западную Европу, на славянскія земли вообще и на Россію въ частности и на кавказскія страны—Арменію и Грузію. Древній Римъ въ созданіи новаго христіанскаго искусства большой роли не игралъ; онъ самъ въ области искусства находился подъ вліяніемъ искусства эллинистическаго. Такимъ образомъ, главное мѣсто въ созданіи христіанскаго византійскаго искусства принадлежитъ не Западу, какъ прежде думали, а Востоку.

Первоначальное христіанское искусство въ первые вѣка преслѣдованія должно было скрываться, какъ и сами гонимые христіане, въ подземельяхъ (катакомбахъ) и, конечно, отличалось весьма скромными размѣрами и проявленіями. Изъ боязни быть уличенными въ своихъ христіанскихъ чувствахъ христіане подземнаго Рима, какъ иногда ихъ называли по

---

[1]) Для чтенія: Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. *Виноградова.* Вып. II, ст. 48.

многочисленнымъ и обширнымъ катакомбамъ, гдѣ они тайкомъ творили свои молитвы, совершали богослуженія и погребали умершихъ, на стѣнахъ дѣлали такія изображенія, которыя на первый взглядъ ничего общаго съ христіанствомъ не имѣли, но которыя сами христіяне толковали по-своему. Особенно распространенными изображеніями были слѣдующія: якорь, какъ символъ надежды на Бога; рыба, греческое названіе которой (ἰχθύς) въ его пяти буквахъ давало начальныя буквы словъ **Іисусъ Христосъ Божій Сынъ Спаситель;** добрый пастырь, пастухъ съ ягненкомъ на плечахъ, окруженный ягнятами, изображалъ Спасителя, Божественнаго пастыря, и нѣк. др.

Но когда въ IV вѣкѣ, особенно въ концѣ его при Ѳеодосіи Великомъ, церковь окончательно восторжествовала надъ язычествомъ, тогда христіане вышли изъ катакомбъ на Божій свѣтъ и могли открыто и свободно проявлять свои христіанскія чувства. Въ такихъ обстоятельствахъ усилилась и дѣятельность въ области искусства. Появились новыя постройки—храмы, образцами для которыхъ вначалѣ послужили формы языческихъ построекъ, а именно базилики и круглыя или осьмиугольныя зданія.

Базилика въ своемъ первоначальномъ видѣ представляетъ собою прямоугольное крытое зданіе, средина восточной стѣны котораго выдается обыкновенно полукругомъ; это мѣсто, предназначенное для священнослужителей и алтаря, было недоступно для молящихся. Полукруглый выступъ въ восточной стѣнѣ назывался **апсидой.** Самый храмъ, гдѣ собирались молящіеся, носилъ названіе **корабля** или **нефа.** Иногда рядами колоннъ, расположенными вдоль храма, базилика дѣлилась на три или на пять кораблей.

Въ церковь входили изъ крытаго притвора, называемаго **нартексъ,** передъ которымъ находился открытый дворъ—**атріумъ,** окруженный со всѣхъ сторонъ портиками; посреди атріума сооружался обыкновенно фонтанъ. Базилика покрывалась двухскатной крышей.

Часто архитекторы строили болѣе сложныя зданія для церкви, соединяя тѣмъ или инымъ способомъ форму базилики съ круглыми и осьмиугольными зданіями. На храмѣ появился куполъ, сначала одинъ въ центрѣ (купольная базилика), позднѣе

нѣсколько куполовъ меньшихъ размѣровъ по бокамъ. Наконецъ, планъ церкви принимаетъ видъ греческаго равноконечнаго креста съ возведеннымъ центральнымъ куполомъ или иногда съ нѣсколькими куполами.

Церкви украшаются внутри и снаружи. Внутреннія стѣны покрываются мраморомъ и богатыми мозаичными украшеніями [1]), расписываются фресками [2]). Въ IV вѣкѣ нѣкоторые отцы церкви пришли къ заключенію, что въ церковной живописи нельзя видѣть одного лишь простого украшенія храма; церковная живопись должна была служить цѣлямъ воспитанія и образованія вѣрующихъ. Стѣны церквей покрылись изображеніями различныхъ сценъ, заимствованныхъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта или житій наиболѣе выдающихся святыхъ и мучениковъ. Вѣрующіе, особенно не умѣвшіе читать, смотря на эти изображенія, поучались и въ своей жизни могли подражать высокимъ образцамъ, наблюдаемымъ на церковныхъ изображеніяхъ. Іисусъ Христосъ уже болѣе не имѣлъ вида Добраго Пастыря, который особенно извѣстенъ по катакомбамъ. Онъ изображался торжествующимъ владыкою міра, возвѣщающимъ міру благостную вѣсть о побѣдѣ христіанства.

Разнообразные элементы, подъ вліяніемъ которыхъ создалось византійское искусство, особенно гармонично слились въ новомъ центрѣ политической и культурной жизни Византіи, въ ея столицѣ Константинополѣ и создали въ эпоху Юстиніана (въ VI вѣкѣ) чудный памятникъ религіозной архитектуры, донынѣ существующій храмъ св. Софіи.

Византійское искусство проявило себя не только въ памятникахъ архитектурныхъ и живописи. Оно достигло большого совершенства въ выдѣлываніи тканей, особенно шелковыхъ, занавѣсей, ковровъ, обоевъ, покрывалъ, съ различными на нихъ

---

[1]) Мозаикой (греч. слово) обычно называется рисунокъ или картина, составленная изъ разноцвѣтныхъ небольшихъ кусковъ камней, плотно пригнанныхъ другъ къ другу; бываютъ мозаики изъ кусковъ другихъ твердыхъ тѣлъ, напр., стекла, дерева, раковинъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ мозаикой изъ камней.

[2]) Фресковою живописью называются изображенія на стѣнахъ, сводахъ и потолкахъ зданій водяными красками по свѣжей (по-итальянски fresco — свѣжій), еще сырой штукатуркѣ.

изображеніями духовныхъ и свѣтскихъ сюжетовъ,—въ рѣзьбѣ изъ слоновой кости, въ золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, въ рисункахъ на эмали и т. под. Очень интересными и важными для пониманія византійскаго искусства являются многочисленные дошедшіе до насъ небольшіе рисунки въ краскахъ разнообразнаго содержанія, такъ называемыя миніатюры, въ рукописяхъ.

Эпоха иконоборства, открывшая гоненія на священныя изображенія, нанесла большой уронъ искусству; много памятниковъ въ области живописи, скульптуры, рукописей съ миніатюрами погибло. Лишь послѣ возстановленія православія (въ 843 году) искусство снова ожило и достигло замѣчательнаго расцвѣта при Македонской династіи и династіи Комниновъ. Послѣ неблагопріятной для искусства эпохи латинскаго завоеванія искусство снова ожило при Палеологахъ.

Мы остановимся на нѣкоторыхъ наиболѣе важныхъ памятникахъ церковной архитектуры и на мозаичныхъ изображеніяхъ, которые сохранились до нашего времени. Изъ болѣе ранней эпохи мы возьмемъ св. Софію и нѣкоторые памятники Равенны.

Св. Софія. Константинопольская св. Софія, «Великая Церковь», какъ ее называли на всемъ средневѣковомъ Востокѣ, была сооружена, по повелѣнію Юстиніана Великаго, на мѣстѣ небольшой базилики св. Софіи (т.-е. Божественной мудрости), построенной въ IV вѣкѣ Константиномъ Великимъ и сожженной во время извѣстнаго возстанія «Ника» въ 532 году. Чтобы создать нѣчто великолѣпное и необыкновенное, Юстиніанъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ распоряженіе губернаторамъ провинцій о доставкѣ въ столицу наилучшихъ остатковъ античныхъ памятниковъ. Громадное количество мрамора различныхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ было свезено туда же изъ наиболѣе богатыхъ копей. Золото, серебро, слоновая кость и драгоцѣнные камни должны были придать еще болѣе блеска сооружаемому храму.

Для выполненія своего грандіознаго замысла императоръ пригласилъ двухъ архитекторовъ, Анѳемія и Исидора. Оба они были родомъ изъ западныхъ малоазіатскихъ городовъ: Анѳемій изъ Траллеса (Tralles), Исидоръ изъ Милета. Талантливые архитекторы дѣятельно принялись за работу, имѣя подъ

своимъ наблюденіемъ до 10.000 рабочихъ. Императоръ лично посѣщалъ постройку, наблюдая за ея ходомъ, давая совѣты и возбуждая усердіе строящихъ. Въ пять лѣтъ храмъ былъ оконченъ. На Рождествѣ 537 года, въ присутствіи императора, произошло торжественное освященіе св. Софіи. Извѣстны слова, произнесенныя восхищеннымъ Юстиніаномъ при входѣ въ храмъ: «Слава Богу, удостоившему меня совершить такое дѣло! Я побѣдилъ тебя, Соломонъ!» По случаю этого торжественнаго событія народу были дарованы великія милости и устроены празднества.

Рис. 8. Внѣшній видъ храма св. Софіи.

Внѣшній видъ св. Софіи, со стѣнами изъ голаго кирпича, очень простъ и лишенъ какихъ-либо украшеній; даже знаменитый куполъ кажется нѣсколько тяжелымъ и вдавленнымъ. Особенно теряется св. Софія въ настоящее время, когда она въ значительной степени застроена турецкими домами. Для того, чтобы понять и прочувствовать все величіе и великолѣпіе храма, надо въ него войти.

Въ былыя времена передъ храмомъ находился обширный дворъ-атріумъ, окруженный портиками, посреди котораго былъ прекрасный мраморный фонтанъ. Четвертая сторона

атріума, прилегавшая къ храму, представляла собою внѣшній нартексъ (притворъ), который пятью дверями сообщался со вторымъ внутреннимъ нартексомъ. Девять бронзовыхъ дверей вели оттуда въ храмъ; средняя болѣе широкая и высокая, царская дверь, предназначалась для императора. Самый храмъ образуетъ большихъ размѣровъ прямоугольникъ, съ великолѣпнымъ центральнымъ нефомъ, или кораблемъ, надъ которымъ высился громадный куполъ въ 31 метръ въ окружности, возведенный съ необыкновенными трудностями на высотѣ болѣе пятидесяти метровъ отъ поверхности земли. Изъ сорока большихъ оконъ, сдѣланныхъ у основанія купола, обильный свѣтъ

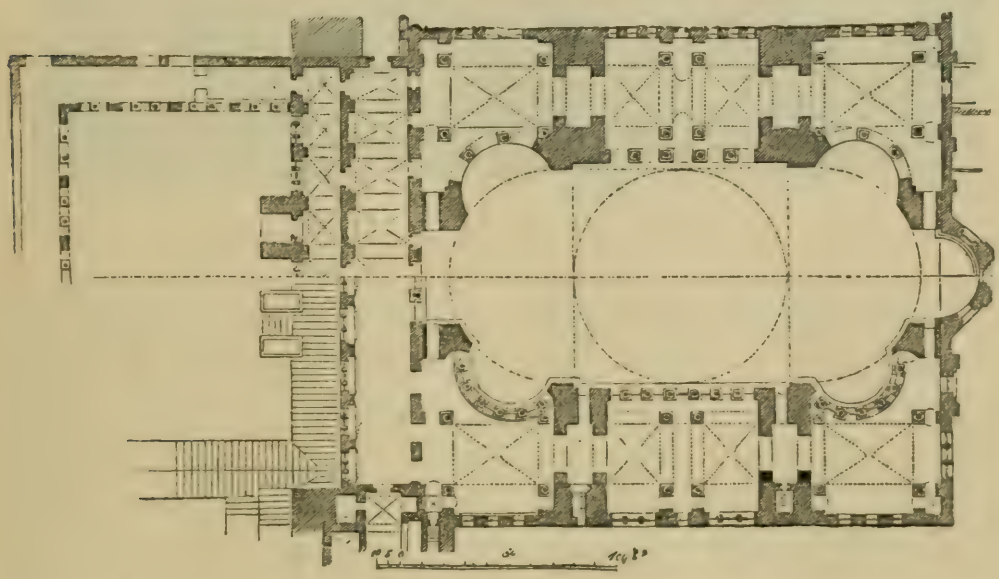


Рис. 9. Планъ храма св. Софіи.

разливался по всему храму. Апсида находилась на его восточной сторонѣ. По обѣимъ сторонамъ главнаго нефа были построены двухъэтажныя арки съ богато украшенными колоннами. Полъ и колонны были сдѣланы изъ многоцвѣтнаго мрамора; имъ же была выложена часть стѣны. Чудныя мозаики, замазанныя въ турецкое время, восхищали взоръ. Особенно глубокое впечатлѣніе производилъ на молящихся громадный крестъ у вершины купола, блистающій на мозаичномъ небѣ, усѣянномъ звѣздами. И теперь еще наверху ниже купола можно подъ турецкою замазкою различить крупныя фигуры крылатыхъ ангеловъ (рис. 10).

Рис. 10. Внутренній видъ храма св. Софіи

Главный трудъ, еще никѣмъ до сихъ поръ не превзойденный, для строящихъ св. Софію заключался въ возведеніи громаднаго и вмѣстѣ съ тѣмъ легкаго купола. Этотъ удивительный куполъ, однако, обрушился еще при Юстиніанѣ и къ концу его правленія отстроенъ вновь уже въ менѣе смѣлыхъ формахъ. Современники Юстиніана съ такимъ же восторгомъ говорили о св. Софіи, съ какимъ и послѣдующія поколѣнія до нашего времени. Несмотря на довольно частыя и сильныя землетрясенія, св. Софія стоитъ и понынѣ, обращенная съ 1453 года въ мечеть, съ изображеніемъ полумѣсяца вмѣсто креста и съ четырьмя возвышающимися по ея сторонамъ высокими минаретами, съ вершины которыхъ звонкій голосъ муэззина [1]) призываетъ въ опредѣленные часы правовѣрныхъ мусульманъ къ молитвѣ.

По своему архитектурному типу св. Софія приближается къ типу купольныхъ базиликъ. Надо удивляться тому, какъ Византія въ столь ранній періодъ, а именно въ VI вѣкѣ, смогла уже дать міру такой совершенный памятникъ архитектуры. Этотъ памятникъ появился въ Константинополѣ, и съ

[1]) Муэззинъ—арабское слово, означающее «призыватель къ молитвѣ».

тѣхъ поръ столица Византійской имперіи стала во главѣ византійскаго искусства.

Равенна. Св. Софія можетъ насъ теперь поражать и восхищать своимъ куполомъ, скульптурными украшеніями колоннъ, разноцвѣтною мраморною облицовкою стѣнъ и пола, наконецъ, общимъ геніальнымъ выполненіемъ смѣлаго плана. Чудныя же мозаики св. Софіи, будучи замазаны въ турецкое время, теперь для насъ недоступны. Но эта потеря нѣсколько возмѣщается въ другомъ мѣстѣ: мы можемъ имѣть прекрасное представленіе о византійскихъ мозаикахъ V и VI вѣковъ въ сѣверо-итальянскомъ городѣ Равеннѣ.

Полторы тысячи лѣтъ тому назадъ Равенна была цвѣтущимъ приморскимъ городомъ на Адріатическомъ морѣ. Въ V вѣкѣ находили въ Равеннѣ убѣжище послѣдніе западные римскіе императоры; въ VI вѣкѣ Равенна была столицею остготскаго королевства; наконецъ, съ половины VI до половины VIII вѣка Равенна была центромъ управленія византійской Италіи, отвоеванной Юстиніаномъ у остготовъ, гдѣ жилъ византійскій намѣстникъ-экзархъ. Это было лучшее время для Равенны, въ которой била могучимъ ключемъ политическая, торговая, умственная и артистическая жизнь. Съ половины VIII вѣка обстоятельства измѣнились къ худшему. Пипинъ Короткій, завоевавъ Равенну, отдалъ ее и всю область во владѣніе папѣ, послѣ чего Равенна потеряла значеніе центральнаго города. Съ разрѣшенія папы Карлъ Великій расхитилъ равеннскій дворецъ и увезъ къ себѣ въ Ахенъ для украшенія любимаго города мозаики, мраморъ и бронзу. Мало-по-малу море отходило отъ города, и въ настоящее время каналъ длиною около 10 верстъ соединяетъ Равенну съ Адріатикой. Изъ крупнаго торговаго и культурнаго центра Равенна превратилась въ заброшенный, захолустный, мертвый городъ, въ которомъ не было настоящаго. Равенна жила лишь въ прошломъ.

Но отъ эпохи своего расцвѣта, т.-е. отъ V и VI вѣковъ, Равенна сохранила, несмотря на постигшія ее расхищенія и разрушенія, цѣннѣйшія мозаики, которыя показываютъ, до какой степени совершенства дошло раннее византійское искусство въ этой области.

Памятники искусства въ Равеннѣ соединяются съ воспоминаніями о трехъ лицахъ: о Галлѣ Плацидіи, Теодорихѣ и Юстиніанѣ Великомъ.

Галла Плацидія, дочь Θеодосія Великаго, сестра Аркадія и Гонорія и мать западнаго императора Валентиніана III, имѣла, живя въ Равеннѣ въ первой половинѣ V вѣка, преобладающее вліяніе на управленіе государствомъ. Она особенно любила Равенну и украсила ее постройкою дворца и многочисленными мозаиками въ церквахъ. Дворецъ и большая часть мозаикъ времени Галлы Плацидіи, къ сожалѣнію, до насъ не дошли.

Изъ сохранившихся по настоящее время памятниковъ ея эпохи особенно выдѣляется небольшая часовня, усыпальница или такъ называемый мавзолей Галлы Плацидіи, построенный и украшенный ею при жизни. Снаружи этотъ памятникъ, построенный въ формѣ латинскаго креста [1]), ничѣмъ не выдѣляется. Зато внутри богатыя мозаики являются, можетъ-быть, лучшимъ памятникомъ христіанскаго искусства V вѣка. На темноголубомъ фонѣ купола горятъ золотыя украшенія; у вершины купола среди звѣздъ блеститъ крестъ. Верхнія части всѣхъ четырехъ стѣнъ покрыты мозаиками. Подъ куполомъ изображены апостолы, въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, съ глазами, поднятыми кверху, какъ бы поклоняющіеся кресту, символу Христа. Надъ входною дверью сдѣлано изображеніе Добраго Пастыря, сидящаго среди скалъ, растеній и цвѣтовъ и опирающагося на большой золотой крестъ; вокругъ него—ягнята, одного изъ которыхъ онъ ласкаетъ. По краскамъ и по исполненію эта мозаика превосходна. Интересно отмѣтить, что на ней Добрый Пастырь уже изображенъ не въ скромной роли пастуха, несущаго на своихъ плечахъ заблудившуюся овцу, какъ это было въ катакомбахъ, когда христіанство скрывалось, а въ величественной позѣ молодого владыки съ безбородымъ лицомъ, похожимъ на какое-нибудь античное божество. Это былъ уже Добрый Пастырь торжествующаго христіанства (рис. 11).

---

[1]) Латинскій крестъ въ архитектурѣ—четырехконечный неравносторонній †; греческій крестъ—четырехконечный равносторонній +.

Рис. 11. Мозаика въ мавзолеѣ Галлы Плацидіи въ Равеннѣ.

Ко времени же Галлы Плацидіи относится баттистерій православныхъ, т.-е часовня для крещенія, осьмиугольное зданіе, внутри богато украшенное мозаиками (рис. 12).

Теодорихъ Великій (493—526), основатель остготскаго владычества въ Италіи, былъ, какъ извѣстно, увлеченнымъ почитателемъ римской культуры. Сдѣлавъ свою столицу въ Равеннѣ, онъ сталъ усердно ее украшать постройками дворца и храмовъ, такъ какъ хотѣлъ, чтобы его новая столица была достойна Константинополя. Его дворецъ и многія церкви остготской эпохи до насъ не дошли. Но, къ счастью, погибло не все; и теперь мы можемъ судить объ искусствѣ времени Теодориха по двумъ памятникамъ: по церкви св. Аполлинарія Новаго (S. Apollinare Nuovo) и баттистерію аріанъ.

Рис. 12. Баттистерій православныхъ въ Равеннѣ

Внѣшній видъ церкви св. Аполлинарія Новаго не представляетъ ничего особеннаго; многое даже принадлежитъ эпохѣ болѣе поздней, чѣмъ VI вѣкъ, напр.: передѣланный въ XVI вѣкѣ фасадъ, стоящая рядомъ колокольня. По-

строена церковь въ видѣ базилики въ три нефа, отдѣленные другъ отъ друга рядомъ мраморныхъ колоннъ. Но что составляетъ гордость храма, это три ряда чудныхъ мозаикъ, расположенные одинъ надъ другимъ на стѣнахъ большого, центральнаго нефа. Въ нижнемъ ряду мозаикъ правой стѣны изображена длинная процессія святыхъ мужей, выходящихъ изъ Равенны и направляющихся къ сидящему Христу, по сторонамъ котораго стоятъ по два ангела. На лѣвой стѣнѣ главнаго нефа изображена подобная же процессія святыхъ женъ, выходящихъ изъ воротъ прежней равеннской гавани Классисъ (Classis) и направляющихся къ сидящей Богоматери съ Младенцемъ, по сторонамъ которой стоятъ также по два ангела. Особенно блестящи одѣянія святыхъ. Надъ нижнемъ рядомъ, между окнами обѣихъ сторонъ, изображены на золотомъ фонѣ фигуры святыхъ, пророковъ и апостоловъ. Наконецъ, наверху надъ окнами съ правой стороны находится рядъ картинъ, посвященныхъ исторіи Страстей Господнихъ, а съ лѣвой стороны изображены чудеса Іисуса Христа. Надо, однако, сказать, что не всѣ три ряда мозаикъ принадлежатъ одной и той же эпохѣ. Два верхнихъ ряда и изображенія въ нижнемъ ряду Равенны и гавани Classis относятся ко времени Теодориха, а обѣ процессіи святыхъ въ нижнемъ ряду принадлежатъ эпохѣ Юстиніана Великаго, а именно послѣдней части его правленія (рис. 13).

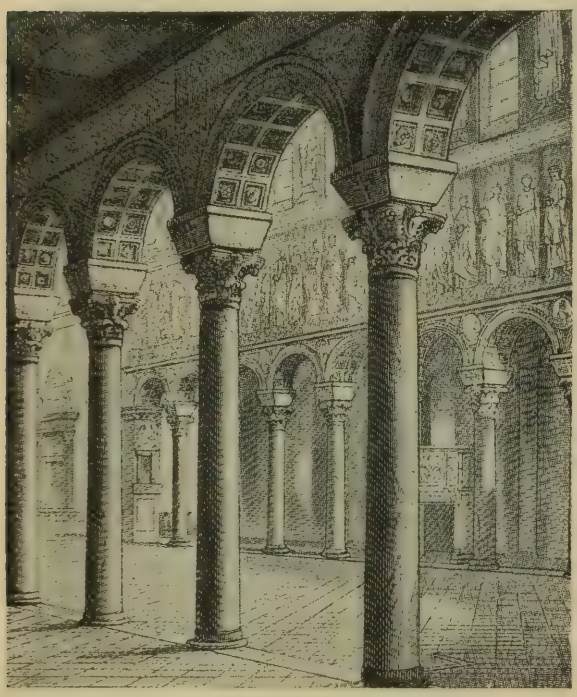


Рис. 13. Внутренній видъ церкви св. Аполлинарія Новаго въ Равеннѣ.

Ко времени же Теодориха Великаго относится баттистерій аріанъ, который какъ по своему плану, такъ и по мозаикамъ очень схожъ съ вышеупомянутымъ баттистеріемъ православныхъ

Подъ Равенной, за городскими стѣнами, находится также большое куполообразное зданіе, гдѣ былъ погребенъ Теодорихъ (могила или мавзолей Теодориха) (рис. 14).

Строительная дѣятельность продолжалась и при преемникахъ Теодориха. Когда Юстиніанъ Великій завоевалъ Равенну, то, будучи самъ усерднымъ строителемъ памятниковъ свѣтской и духовной архитектуры по всей территоріи своей обширной монархіи, онъ докончилъ тѣ церкви, которыя начаты были еще при остготскомъ владычествѣ. Изъ такихъ церквей, съ точки зрѣнія искусства, имѣютъ большое значеніе церковь св. Аполлинарія въ Классисѣ (S. Apollinare in Classe), т.-е. въ равеннской гавани Classis, и особенно церковь св. Виталія.

Рис. 14. Гробница Теодориха въ Равеннѣ.

Рис. 15. Мозаика въ храмѣ св. Аполлинарія in Classe въ Равеннѣ.

Приблизительно въ пяти верстахъ отъ Равенны, въ пустынной лихорадочной мѣстности, гдѣ въ средніе вѣка былъ богатый торговый портъ города, возвышается совершенно простая по внѣшности церковь св. Аполлинарія in Classe, представляющая собою по формѣ настоящую древнюю христіанскую базилику. Сбоку стоитъ круглая колокольня болѣе поздняго происхожденія. Внутри церковь имѣетъ три корабля (нефа). Въ древнихъ, украшенныхъ скульптурными изображе-

Рис. 16. Внѣшній видъ церкви св Виталія въ Равеннѣ.

ніями саркофагахъ, т.-е. каменныхъ гробахъ, вдоль церковныхъ стѣнъ, были погребены наиболѣе извѣстные архіепископы Равенны.

Мозаика VI вѣка находится въ глубинѣ апсиды и изображаетъ св. Аполлинарія, покровителя Равенны, стоящаго съ поднятыми руками на фонѣ мирнаго пейзажа и окруженнаго овцами; надъ святымъ, на голубомъ усѣянномъ золотыми звѣздами фонѣ большого медальона, красуется крестъ, осыпанный драгоцѣнными камнями (рис. 15). Другія мозаики относятся къ болѣе позднему времени.

Самымъ важнымъ монументомъ для сужденія объ искусствѣ эпохи Юстиніана является церковь св. Виталія въ Равеннѣ. Въ константинопольской св. Софіи мозаики, какъ извѣстно, замазаны въ турецкое время и пока недоступны для изученія. Въ равеннскомъ св. Виталіи мозаики VI вѣка сохранились до нашего времени въ полномъ блескѣ.

Купольная церковь св. Виталія (рис. 16) внутри почти вся, сверху донизу, покрыта чудными скульптурными и мозаичными украшеніями (рис. 17). Особенною извѣстностью пользуется апсида, на боковыхъ стѣнахъ которой находятся двѣ знаменитыхъ мозаики. На одной изъ нихъ изображенъ Юстиніанъ, окруженный епископомъ, священниками и свѣтскими лицами; на другой изображена Ѳеодора, его супруга, окруженная своимъ штатомъ (рис. 18). Одѣянія изображенныхъ на картинахъ фигуръ поражаютъ своимъ блескомъ и роскошью.

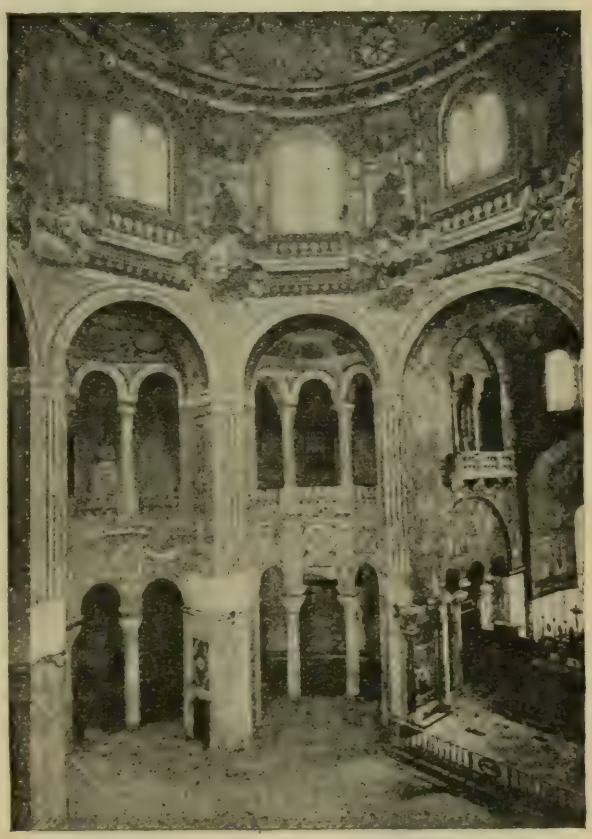


Рис. 17. Внутренность церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

VI-му же вѣку принадлежитъ хранящаяся въ Равеннѣ знаменитая такъ называемая каѳедра епископа Максиміана, сдѣланная изъ слоновой кости съ удивительными вырѣзанными на ней изображеніями.

Итакъ, Равенна является наиважнѣйшимъ центромъ для оцѣнки ранняго византійскаго искусства V—VI вѣковъ; поэтому на ней и пришлось довольно долго остановиться.

Для искусства XI вѣка имѣютъ большое значеніе мозаики монастырской церкви Дафни въ Греціи, недалеко отъ Аѳинъ.

Рис. 18. Мозаика, изображающая Өеодору со своимъ штатомъ въ церкви св. Виталія въ Равеннѣ.

Среди мозаикъ Дафни особенно надо выдѣлить изображенія Господнихъ и Богородичныхъ праздниковъ.

Для позднѣйшаго византійскаго искусства времени Палеологовъ интересны мозаики въ константинопольской монастырской церкви Хора, обращенной послѣ турецкаго завоеванія въ мечеть, которая теперь называется Кахріэ-Джами (рис. 19). Въ двухъ притворахъ (нартексахъ) Кахріэ-Джами довольно хорошо сохранились мозаики изъ жизни Христа и Богоматери и исторіи Ветхаго Завѣта. Большая часть мозаикъ, повидимому, относится къ XIV вѣку.

Рис. 19. Мечеть Кахріэ-Джами въ Константинополѣ.

Изъ интересныхъ примѣровъ вліянія византійскаго искусства на Западъ можно указать на знаменитый соборъ св.

Марка въ Венеціи. Соборъ этотъ былъ построенъ въ концѣ XI вѣка по плану константинопольской церкви свв. Апостоловъ, сооруженной и богато украшенной при Юстиніанѣ Великомъ въ VI вѣкѣ и разрушенной турками, которые на ея мѣстѣ выстроили мечеть. Несмотря на то, что соборъ св. Марка въ позднѣйшія времена, особенно послѣ четвертаго крестоваго похода, когда Венеція достигла апогея своего величія и славы, неоднократно расширялся и видоизмѣнялся (напр., былъ пристроенъ нынѣ существующій фасадъ), тѣмъ не менѣе какъ по своему первоначальному плану въ формѣ греческаго равноконечнаго креста, такъ и по нѣкоторымъ мозаикамъ онъ является копіей византійскаго образца.

Значеніе византійскаго искусства не ограничивается одною Византійскою имперіей; оно далеко заходитъ за ея предѣлы. Какъ было уже отмѣчено выше, византійское искусство оказало глубокое вліяніе на искусство Западной Европы, особенно Италіи и Сициліи, странъ Балканскаго полуострова и Россіи, а также на кавказскія страны — Арменію и Грузію. Во всемъ этомъ заключается его непреходящее значеніе въ исторіи.

II.

Культура ислама.

Для чтенія: *А. Мюллеръ.* Исторія арабовъ. 3-е изд. С.-Пб., 1911. *А. Крымскій.* Исторія мусульманства. Москва, 1903—4. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ. Подъ ред. *П. Г. Виноградова.* Вып. I, статьи 13, 14 и 15. Коранъ въ переводѣ *Саблукова.* Казань.

Происхожденіе и составъ культуры ислама. Ея центры. Когда въ началѣ тридцатыхъ годовъ VII вѣка арабы, выйдя изъ пустынь Аравійскаго полуострова, который уже не былъ въ состояніи ихъ прокормить, перешли византійскую и персидскую границу, то никто не могъ предполагать, что начинается совершенно новая эпоха средневѣковой исторіи. Арабы въ короткое время покорили Сирію, Палестину, Персію съ Арменіей и Египетъ. Затѣмъ, при Омайядахъ (661 — 750) границы халифата на востокѣ дошли до Индіи, а на западѣ халифатъ завоевалъ Сѣверную Африку до Атлантическаго океана и боль-

шую часть Испаніи. За это же время арабскій флотъ завоевалъ островъ Кипръ и дважды осаждалъ Константинополь. Оба раза арабскіе корабли должны были удалиться изъ-подъ стѣнъ «богохранимой» столицы Византійской имперіи благодаря энергичному отпору, встрѣченному мусульманами въ лицѣ императоровъ Константина IV Погоната и Льва III Сирійца (или Исаврійца) и благодаря дѣйствію «греческаго огня». Немного времени спустя послѣ этого, на Западѣ Карлъ Мартеллъ въ 732 году отразилъ арабовъ, вторгнувшихся въ Галлію изъ-за Пиренеевъ. Арабскимъ завоеваніямъ въ первой половинѣ VIII вѣка былъ, собственно говоря, положенъ предѣлъ. Завоеваніе при Аббасидахъ, напр., острововъ Сициліи, Крита или небольшихъ областей на востокѣ, въ предѣлахъ нашего Туркестана и на границѣ съ Индіей, уже не носятъ прежняго стихійнаго характера.

Итакъ, въ первой половинѣ VIII вѣка границы арабско-мусульманской державы Омайядовъ простирались отъ р. Инда на востокѣ до Атлантическаго океана на западѣ и отъ Кавказскихъ горъ и отъ сѣверной Испаніи на сѣверѣ до Индійскаго океана и пустыни Сахары на югѣ.

Арабы не принесли съ собою изъ Аравіи, можно сказать, никакой культуры, если не считать богатаго языка и обширной устной литературы; но съ ними была ихъ тогда еще совершенно молодая мусульманская религія, которая впослѣдствіи объединитъ арабовъ и цѣлый рядъ другихъ народностей на всей территоріи ихъ обширнаго и разноплеменнаго государства. Большая же часть земель, завоеванныхъ арабами, особенно восточныхъ, составляетъ страны съ древними, богатыми культурами. Прежнія византійскія провинціи были проникнуты эллинистическою и христіанскою византійскою культурою; персидскія области являлись носителями богатой культуры Сассанидовъ; съ крайняго востока вліяла древняя индійская культура; оказало нѣкоторое вліяніе и еврейство. Придя въ культурныя области и поселившись въ нихъ, арабы, хотя и подпали, не имѣя своей культуры, вполнѣ естественному вліянію древнихъ цивилизацій, однако, сумѣли, благодаря своему природному таланту и воспріимчивости, создать изъ

разнообразныхъ элементовъ своеобразную богатую культуру ислама или мусульманскую арабскую культуру. Итакъ, арабская культура не есть явленіе оригинальное; она составилась изъ прежнихъ богатыхъ цивилизацій. Эллинизмъ познакомилъ арабовъ съ произведеніями греческой науки. Византія и Персія оказали вліяніе на искусство. Индія и также Персія отразились на арабской литературѣ. Наконецъ, византійская и сассанидская государственныя формы послужили образцомъ для многихъ

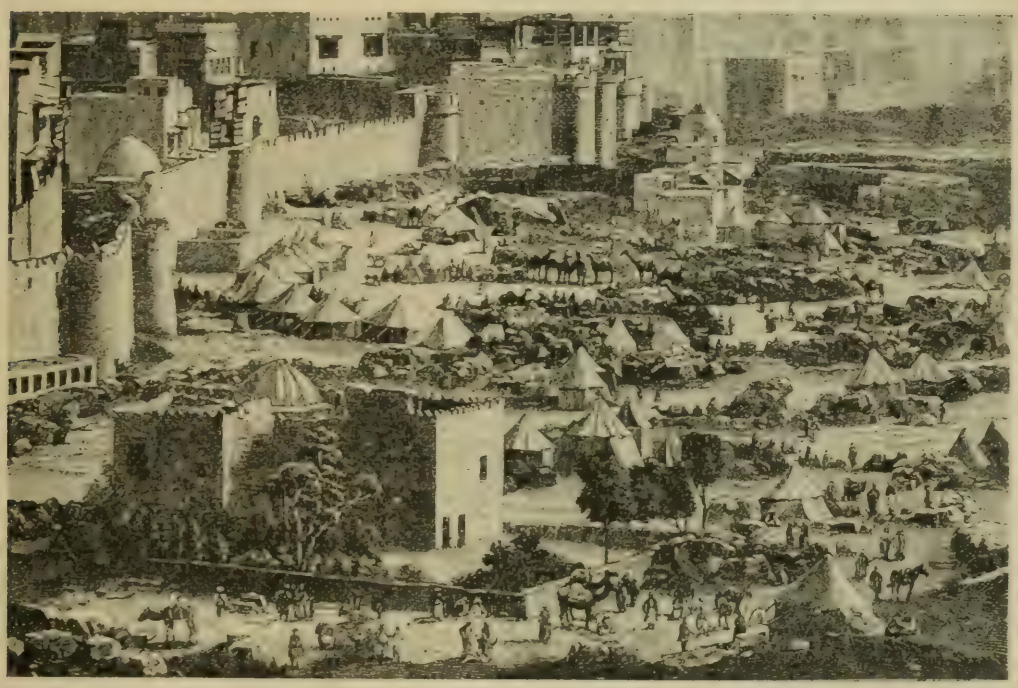


Рис 20. Медина.

сторонъ устройства арабскаго халифата. Подъ такими вліяніями при Аббасидахъ на востокѣ и Омайядахъ въ Испаніи халифатъ сдѣлался просвѣщеннымъ культурнымъ государствомъ, благодаря которому со многими вопросами наукъ и искусства Западная Европа, особенно черезъ Испанію, впервые познакомилась. Наибольшаго расцвѣта достигла арабская цивилизація въ IX—X вѣкахъ, и центромъ ея на востокѣ сдѣлался Багдадъ, а на западѣ Кордова.

Первоначальныя событія разыгрались около аравійскихъ городовъ Мекки и Медины. Когда въ первую эпоху завоеваній государственный центръ перешелъ на сѣверъ въ завоеванныя области, Омайяды сдѣлали столицею халифата

богатый сирійскій городъ Дамаскъ. За Меккою съ тѣхъ поръ осталось значеніе главнаго религіознаго центра мусульманъ, куда они должны были совершать паломничества. Дамаскъ сталъ спеціально политическимъ центромъ при Омайядахъ съ развитою торговлею и съ красивыми зданіями. Арабская цивилизація въ тѣ времена только еще создавалась. Когда въ 750 году власть въ халифатѣ отъ Омайядовъ перешла къ Аббасидамъ, послѣдніе перенесли столицу изъ Дамаска въ Месопотамію, гдѣ второй представитель этой династіи основалъ городъ Багдадъ, сдѣлавшійся столицею государства, а съ IX вѣка главнѣйшимъ центромъ блестящей арабской цивилизаціи.

Багдадъ или, какъ его офиціально называли арабы, «Городъ мира», былъ построенъ на плодородной равнинѣ на р. Тигрѣ, тамъ, гдѣ уже въ древности существовали такіе цвѣтущіе города, какъ Вавилонъ, Ктесифонъ, и гдѣ проходили важнѣйшіе торговые пути. Новая столица, окруженная стѣною, съ роскошнымъ зданіемъ дворца и мечетями, быстро разбогатѣла, развилась и превратилась въ міровой городъ, съ которымъ по богатству и блеску могъ соперничать лишь византійскій Константинополь. Наивысшаго расцвѣта достигъ Багдадъ въ первой половинѣ IX вѣка. Въ правленія Харун-ар-Рашида и аль-Мамуна, при дворѣ которыхъ, въ сказочно богатой обстановкѣ дворца, подъ покровительствомъ самихъ «эмировъ правовѣрныхъ», т.-е. халифовъ, работали многочисленные ученые и декламировали стихи искусные поэты. По мѣрѣ того, какъ распадался халифатъ на отдѣльныя самостоятельныя части, падало и значеніе Багдада. Въ половинѣ XIII вѣка монголы овладѣли имъ и нанесли его уже былой славѣ послѣдній ударъ. Изъ памятниковъ средневѣковаго Багдада до нашего времени ничего не дошло.

Соперницею Багдада являлся на западѣ южно-испанскій городъ Кордова (по-латыни Corduba), извѣстный въ римское и византійское время и отнятый у Византіи въ VI вѣкѣ вестготами.

Послѣдніе въ началѣ VIII вѣка вынуждены были уступить его арабамъ. Какъ извѣстно, въ половинѣ того же VIII вѣка одинъ изъ Омайядовъ, спасшійся отъ истребленія Аббасидами

въ Испанію, основалъ свой собственный халифатъ съ главнымъ городомъ Кордовой (кордовскій халифатъ). Съ этого времени и началось процвѣтаніе Кордовы какъ въ экономическомъ, такъ и культурномъ отношеніи.

У нея была живая торговля съ побережьемъ сѣверной Африки, заходившая глубоко внутрь Африки до Судана, и съ Западной Европой до славянскихъ странъ включительно. Болѣе 100.000 человѣкъ временами было занято шелковыми издѣліями, которыми славилась промышленность Кордовы.

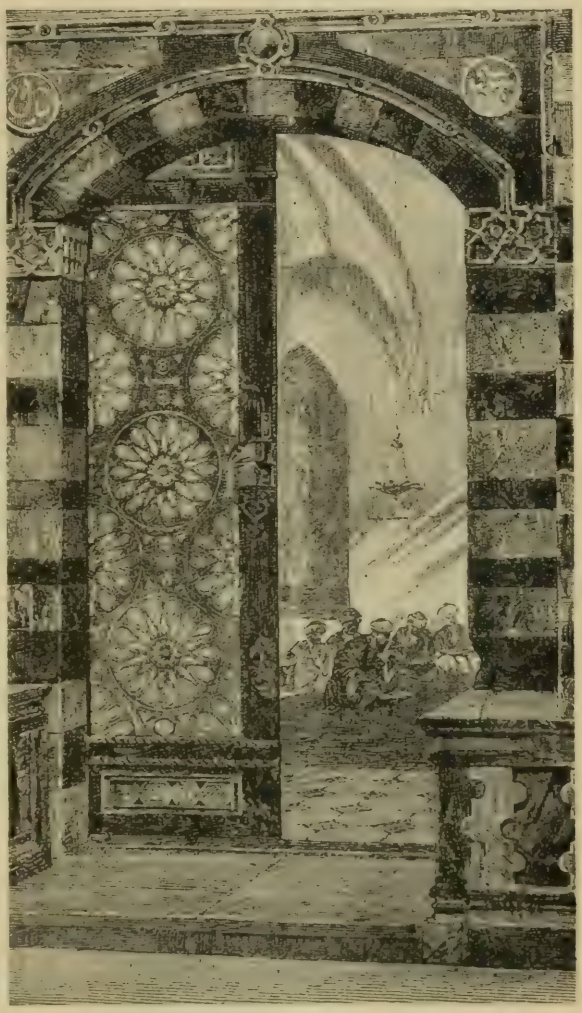


Рис. 21. Университетъ въ Каирѣ.

Поэзія, науки и искусства процвѣтали при дворѣ испанскихъ Омайядовъ до XI вѣка, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Севилья, Гранада и Толедо также были важными центрами арабской культуры въ Испаніи.

Багдадъ и Кордова на двухъ противоположныхъ концахъ мусульманскаго міра въ средніе вѣка были, можно сказать, міровыми культурными центрами.

Изъ другихъ важныхъ торговыхъ и культурныхъ центровъ можно назвать основанный въ X вѣкѣ въ Египтѣ на Нилѣ городъ Каиръ, получавшій товары изъ Индіи и негровъ-рабовъ и слоновую кость съ Мозамбикскаго побережья, а съ другой стороны поддерживавшій торговлю при помощи караванов съ западными мусульманскими странами до Танжера. Въ Каирѣ было также немало школъ, библіотекъ и прекрасныхъ мечетей. Знаменитая въ эллинистическое время своею умственною и торговою дѣя-

тельностью Александрія и въ арабскую эпоху оставалась важною гаванью Египта, поддерживавшею при помощи итальянскихъ судовъ торговыя сношенія Европы съ Востокомъ. Большое значеніе имѣлъ также городъ Басра на югѣ Месопотаміи у устьевъ Тигра и Ефрата, бывшій однимъ изъ важнѣйшихъ центровъ торговыхъ сношеній съ Африкой (Занзибаромъ), Индіей и Китаемъ.

Арабская торговля и промышленность. Въ завоеванныхъ арабами въ VII вѣкѣ странахъ еще до ихъ прихода, т.-е. въ римское и позднѣе въ византійское время, процвѣтала торговля. То же самое произошло при арабахъ, особенно при Аббасидахъ, когда халифатъ, окончивъ свои завоеванія, могъ предаться развитію внутреннихъ силъ государства. Арабская торговля заходила далеко за его предѣлы, и арабскіе купцы ѣздили морскимъ и сухимъ путемъ въ отдаленныя страны, доходя на востокѣ до Цейлона, Индіи, Индо-Китая и собственнаго Китая; на югѣ—до береговъ Краснаго моря, восточнаго берега Африки, до глубины Египта и Судана и въ сѣверной Африкѣ—до пустыни Сахары; на западѣ въ Африкѣ—до Танжера и Атлантическаго океана, въ Европѣ—до Испаніи и до другихъ западно-европейскихъ странъ. Наконецъ, на сѣверѣ арабскіе купцы вели торговлю по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, на Кавказѣ, въ Средней Азіи и, что особенно для насъ интересно, на большей части территоріи современной Европейской Россіи до ея сѣверныхъ предѣловъ, что доказывается многочисленными кладами съ арабскими монетами, находимыми не только въ средней Россіи, но и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, Финляндіи и далѣе въ Швеціи. Съ сѣвера арабы получали шкуры животныхъ, мѣха, славянскихъ невольниковъ, которыхъ было немало при Багдадскомъ дворѣ. Трапезундъ, гавань на юго-восточномъ берегу Чернаго моря, былъ главнымъ пунктомъ торговли халифата съ Византіей. Главными торговыми центрами внутри халифата были, какъ уже отмѣчено выше, Багдадъ, Дамаскъ, Басра, Кордова, Толедо, Каиръ.

Многія отрасли мусульманской промышленности пользовались вполнѣ заслуженною славою далеко за предѣлами халифата. Особенно были извѣстны разнообразныя ткани, бумажныя, по-

лотняныя, шерстяныя, шелковыя, изъ верблюжьяго волоса для палатокъ и нѣк. др.; на тканяхъ часто вышивались различные причудливые рисунки или изображенія животныхъ. Стеклянныя издѣлія, оружіе, особенно клинки Дамаска и Толедо, производство сахара, духи, бумага, изобрѣтенная въ Китаѣ, но приспособленная и переданная Европѣ мусульманами,— ясно показываютъ, какъ дѣятельно и съ какимъ успѣхомъ арабы двигали впередъ промышленную жизнь своей страны.

До эпохи крестовыхъ походовъ торговля мусульманскаго Востока съ Европою шла, по большей части, черезъ Византію, которая, являясь посредницей между Востокомъ и Западомъ, имѣла отъ этого большіе доходы. Но крестовые походы установили прямыя торговыя сношенія Европы съ Востокомъ, послѣ чего экономическое благополучіе Византіи окончилось, а главное торговое значеніе получили итальянскіе города, во главѣ съ Венеціей.

Наука и литература. Авиценна. Аверроэсъ. Масуди. Бируни. Уже при первыхъ халифахъ въ Аравіи и въ покоренныхъ земляхъ основывались школы, гдѣ ученики учились читать коранъ. При Аббасидахъ школы появились во всѣхъ уголкахъ халифата, и въ нихъ ученики, помимо чтенія корана, занимались грамматикой и каллиграфіей (умѣнье красиво писать). Посѣщеніе школы начиналось съ шестилѣтняго возраста. Это типъ низшей школы. Средней школы у арабовъ не было. Высшая школа, мѣстомъ для которой въ теченіе первыхъ четырехъ вѣковъ мусульманской эры (по-арабски **хиджры**) была мечеть, занималась также, главнымъ образомъ, кораномъ, а затѣмъ религіознымъ преданіемъ (сунною) и юриспруденціей (наукою о правѣ). Существовала полная свобода обученія;

Рис. 22. Арабская школа въ Дамаскѣ.

каждый способный человѣкъ могъ учить. Преподаваніе было вполнѣ публично; каждый мусульманинъ имѣлъ право присутствовать на лекціяхъ и обращаться съ вопросами къ лектору. Неспособный лекторъ весьма быстро долженъ былъ отказаться отъ преподаванія.

Многіе изъ арабовъ, а позднѣе подчиненныхъ имъ персовъ, не ограничивались прохожденіемъ школьной мудрости. Они продолжали заниматься, знакомились съ науками другихъ народовъ и достигали въ этомъ отношеніи очень важныхъ результатовъ. Въ халифатѣ развилась наука и при Аббасидахъ достигла наивысшаго расцвѣта. Но расцвѣтъ этотъ продолжался не особенно долго: не полныхъ два столѣтія.

Уже съ X и особенно съ XI вѣка, по мѣрѣ того, какъ сталъ распадаться халифатъ и исчезало государственное единство, начала падать духовная жизнь, и арабская наука, мало-по-малу, теряла свою оригинальность. Но, несмотря на это, арабы въ многочисленныхъ и разнообразныхъ отрасляхъ человѣческаго знанія достигли столь важныхъ результатовъ, что вліяніе ихъ по настоящее время чувствуется въ наукѣ.

Науки, въ которыхъ арабы особенно себя проявили, можно раздѣлить на два отдѣла: 1) науки, возникшія непосредственно для нуждъ арабскаго народа и его религіи, и 2) науки, которыми занялись арабы во имя общечеловѣческаго стремленія къ знанію. Къ наукамъ первой группы можно отнести теологію (богословіе), науку о правѣ, филологію, исторіографію. Теологія развилась благодаря стремленію арабовъ уяснить и укрѣпить главныя положенія ихъ религіи и священной книги корана; эти вопросы вызывали сильные споры и несогласія. На ряду съ кораномъ у арабовъ существовало и преданіе о словахъ и дѣйствіяхъ Мухаммеда, сначала устное, передаваемое отъ одного лица другому, а затѣмъ довольно безпорядочно записанное. По-арабски такія преданія назывались хадисами или сунною. Большое количество преданій потребовало разъясненія вопроса о томъ, какъ къ нимъ надо относиться, должно ли въ нихъ видѣть законъ, подобный корану, и т. п. Для этого нужны были люди, разъясняющіе такіе юридическіе вопросы; послѣднее обстоятельство и способствовало развитію науки о правѣ

у арабовъ. Филологія, или наука о языкѣ, выразилась прежде всего въ составленіи грамматикъ арабскаго языка. Если вначалѣ это дѣлалось изъ религіозныхъ побужденій лучшаго ознакомленія съ текстомъ корана, то позднѣе превосходно разработанный арабскій языкъ сослужилъ службу всему человѣчеству, такъ какъ на этомъ языкѣ была написана вся литература арабовъ. Что касается до исторіографіи, то арабскіе историки вначалѣ главное свое вниманіе обращали на исторію Мухаммеда и на описаніе древней арабской жизни; сравнительно поздно арабы стали писать лѣтописи и въ этомъ отношеніи выказали большое усердіе. Но за предѣлы лѣтописнаго изложенія арабскіе историки почти не заходили; исключеніе составляетъ историкъ XIV вѣка Ибн-Хальдунъ, давшій въ знаменитомъ «предисловіи» къ свому труду любопытный опытъ философіи исторіи.

Громадную услугу арабы оказали міру своими работами въ наукахъ второй изъ выше упомянутыхъ группъ, а именно: въ философіи, математикѣ, астрономіи и астрологіи, медицинѣ, естествознаніи и географіи.

Главнымъ основаніемъ для развитія наукъ у арабовъ служили занесенныя на востокъ, въ Сирію и Месопотамію, сокровища эллинистической культуры. Въ монастыряхъ Сиріи усердно переводили не только произведенія духовной литературы, но и свѣтской: изъ философовъ особенно—Аристотеля, изъ медиковъ—Гиппократа и Галена. Несторіане, преслѣдуемые византійскимъ правительствомъ и осужденные на третьемъ Вселенскомъ Соборѣ 431 года, нашли убѣжище въ сассанидской Персіи, куда также принесли съ собой греческую науку. При Аббасидахъ въ халифатѣ принялись усердно за переводы съ греческаго языка и за розыски новыхъ рукописей; богатые люди держали у себя большой штатъ переводчиковъ. Особенное вниманіе было посвящено переводамъ сочиненій философскихъ, математическихъ и медицинскихъ.

Многія сочиненія Аристотеля были переведены на арабскій языкъ, и Западная Европа въ средніе вѣка познакомилась со знаменитымъ греческимъ философомъ именно черезъ арабовъ, переводы которыхъ были въ свою очередь переведены на ла-

тинскій языкъ, особенно въ Испаніи, гдѣ переводчиками являлись обыкновенно евреи, знавшіе очень часто нѣсколько языковъ. Настоящій греческій Аристотель былъ тогда еще Европѣ неизвѣстенъ. Но кромѣ Испаніи, просвѣщенные государи среднихъ вѣковъ, Рожеръ II Сицилійскій и Фридрихъ II Гогенштауфенъ, имѣли при своихъ блестящихъ дворахъ выдающихся арабскихъ ученыхъ, которыхъ они заставляли переводить сочиненія Аристотеля на латинскій языкъ, чтобы потомъ распространять ихъ по европейскимъ университетамъ.

Много сдѣлали арабы въ математикѣ. До сихъ поръ мы пользуемся арабскими цифрами, которыя арабы первоначально заимствовали изъ Индіи; они же ввели въ употребленіе при вычисленіяхъ знакъ ноля; слово **алгебра**—арабскаго происхожденія. Арабскій учебникъ алгебры, переведенный на латинскій языкъ, служилъ еще въ XVI вѣкѣ для западно-европейскихъ ученыхъ главнымъ учебнымъ пособіемъ. Вліяніе арабовъ замѣтно въ геометріи, тригонометріи и механикѣ. Изобрѣтенный китайцами компасъ былъ примѣняемъ арабами въ ихъ путешествіяхъ и черезъ нихъ сдѣлался извѣстнымъ итальянскимъ мореходамъ, которые его усовершенствовали; благодаря этому стали возможны далекія морскія путешествія и открытія новыхъ странъ въ XV вѣкѣ.

Вмѣстѣ съ математикой любимой областью для изученія у арабовъ была астрономія, т.-е. наука о звѣздахъ. Съ незапамятныхъ временъ звѣзды указывали арабамъ путь въ ихъ пустыняхъ. Люди древнихъ восточныхъ монархій, еще задолго до Р. Х., изучали звѣзды и старались по нимъ узнать свое будущее. Познакомившись съ основами астрономіи изъ переводовъ сочиненій греческаго ученаго Птолемея и индійскихъ трудовъ по этому предмету, арабы быстро опередили своихъ учителей. Въ различныхъ областяхъ своего обширнаго государства халифъ аль-Мамунъ въ IX вѣкѣ построилъ обсерваторіи, напр., въ Багдадѣ, которыя, производя свои наблюденія надъ звѣзднымъ небомъ, достигали очень важныхъ ученыхъ результатовъ. Обсерваторія была и въ Испаніи, а именно въ Кордовѣ. До нашего времени нѣкоторыя астрономическія обозначенія происходятъ изъ арабскаго языка, напр.: зенитъ, на-

диръ, азимутъ и др., что указываетъ на зависимость нашего знанія отъ работъ средневѣковыхъ арабовъ. На ряду съ астрономіей на протяженіи всѣхъ среднихъ вѣковъ шла унаслѣдованная отъ сѣдой древности астрологія, т.-е. изученіе звѣздъ въ цѣляхъ узнать по нимъ будущее. Можетъ-быть, увлеченіе астрологіей и дало сильный толчокъ къ изученію настоящей науки астрономіи.

Арабамъ были извѣстны и нѣкоторые химическіе процессы, хотя въ средніе вѣка очень часто подъ химіей они разумѣли алхимію, которую тогда считали за настоящую науку; на самомъ дѣлѣ, это было стремленіе людей достичь при помощи химическихъ опытовъ невозможныхъ, фантастическихъ результатовъ, напр., сдѣлать искусственно золото, изобрѣсти лѣкарство отъ всѣхъ болѣзней и т. д. Во всякомъ случаѣ, арабы въ области химіи опередили грековъ, такъ какъ въ своихъ изысканіяхъ прибѣгали къ опыту.

Занятія арабовъ медициной не во всѣхъ областяхъ шли одинаково успѣшно, такъ какъ мусульманская религія не вполнѣ одобрительно смотрѣла на анатомическое изслѣдованіе человѣческаго тѣла. Поэтому они находились въ большой зависимости отъ ихъ греческаго образца, а именно сочиненій врача Галена (II вѣкъ по Р. Х.). Тѣмъ не мѣнѣе, арабы сдѣлали большіе успѣхи въ лѣченіи болѣзней и въ составленіи лѣкарствъ; особенно они были знакомы съ глазными болѣзнями.

Въ области естественныхъ наукъ арабы занимались минералогіей, ботаникой, нѣсколько менѣе зоологіей.

Арабы были большіе путешественники. Религія и торговля заставляли ихъ странствовать. Религія предписывала паломничества ко святымъ мѣстамъ, и мусульмане предпринимали отдаленныя путешествія въ Мекку, Іерусалимъ и позднѣе въ Кордову. На всемъ громадномъ протяженіи отъ границъ Индіи до Марокко и Испаніи путешественникъ не встрѣчалъ препятствій со стороны языка: гдѣ по-арабски не говорили, то понимали. Благодаря путешествіямъ и присущей арабамъ любознательности они оставили много географическихъ сочиненій, которыя описываютъ различныя страны Азіи, Африки, Европы и даже даютъ свѣдѣнія объ областяхъ современной Россіи. Такимъ

образомъ, средневѣковая географія очень многимъ обязана арабамъ.

Арабы дали прекрасные образцы поэтической и вообще изящной литературы. Еще въ домусульманское время арабы въ пустыняхъ Аравійскаго полуострова воспѣвали свою кочевую жизнь, своего вѣрнаго спутника верблюда, битвы между враждовавшими племенами и страданія любви. Съ образованіемъ большого государства при Омайядахъ и съ перенесеніемъ столицы въ сирійскій городъ Дамаскъ тонъ и сюжеты поэтическихъ произведеній измѣнились. Поэзія стала откликаться на различные случаи политической жизни; рамки прежняго содержанія оказались уже тѣсными. Но наибольшаго расцвѣта поэзія достигла въ Багдадѣ при дворѣ Аббасидовъ, когда въ поэзію, какъ и въ другіе роды литературы, стало обильно проникать персидское вліяніе. Большинство писателей въ эту эпоху были персы. Наиболѣе талантливые поэты писали свои произведенія въ различномъ духѣ: восхваляли вино и веселье, сочиняли элегіи, любовныя стихотворенія, сатиры, панегирики (т.-е. восхваленія въ честь кого-либо), поэмы съ описаніями охоты и, наконецъ, произведенія благочестиваго содержанія. Въ X вѣкѣ, когда уже халифатъ распался, въ сирійскомъ городѣ Алеппо, при дворѣ господствовавшей въ Сиріи династіи Хамданидовъ, образовался богатый центръ литературной и поэтической дѣятельности. Блестящіе поэты этой эпохи, которую современники называли «золотымъ вѣкомъ», въ своихъ произведеніяхъ развивали не только обычныя темы арабскаго поэтическаго творчества, но и касались такихъ историческихъ событій, какъ войны съ Византіей. Живое литературное движеніе замѣчается также у испанскихъ арабовъ; почти всѣ испанскіе халифы сочиняли стихи. Главными центрами были Кордова, Севилья и Толедо.

Изъ позднѣйшихъ произведеній арабской литературы наибольшею извѣстностью пользуется повсюду анонимный сборникъ «Тысяча и одна ночь», въ которомъ слились разнообразныя вліянія: персидскія, индусскія, арабскія, еврейскія, египетскія. Картинки разнообразныхъ сторонъ народной жизни, облеченныя часто въ форму сказки и чудесныхъ исторій, оку-

танныя дымкою восточной поэзіи, проходятъ одна за другой и даютъ до настоящаго времени занимательное чтеніе какъ для ребенка, такъ и для взрослаго человѣка. Это цѣлый народный эпосъ, отражающій въ себѣ нѣсколько народностей. Въ основѣ сборника лежитъ собраніе персидскихъ разсказовъ подъ названіемъ «Тысяча сказокъ». Съ особенною любовью рисуется въ сборникѣ блестящій дворъ и самая личность Харун-ар-Рашида, всегда мудраго и добродѣтельнаго халифа. Но надо помнить, что характеристика его въ сборникѣ «Тысяча и одна ночь» не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности; на самомъ дѣлѣ, этому халифу, какъ и другимъ, были присущи жестокость, обманъ и другія отрицательныя черты большинства арабскихъ государей.

Изъ арабскихъ наиболѣе выдающихся ученыхъ среднихъ вѣковъ можно, для примѣра, выдѣлить Авиценну, Аверроэса, Масуди и Бируни.

Авиценна. Авиценна (латинизированное арабское имя Ибн-Сина), жившій въ концѣ X и въ первой половинѣ XI вѣка, особенно былъ извѣстенъ въ средніе вѣка своими работами въ области философіи и медицины. Родившись около города Бухары и изучивъ въ самой Бухарѣ философію и медицину, онъ еще въ молодые годы сдѣлался извѣстнымъ врачемъ, успѣшно вылѣчилъ отъ болѣзни одного опасно больного мусульманскаго князя и въ награду получилъ доступъ ко двору. Однако вслѣдствіе происковъ Авиценна большую часть своей жизни провелъ въ вынужденныхъ странствіяхъ; онъ также участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. Напряженная дѣятельность, въ соединеніи съ усиленными научными трудами и жизненными лишеніями, подорвала его силы и свела въ могилу въ возрастѣ около шестидесяти лѣтъ.

Авиценна изучалъ Аристотеля; его объясненія къ сочиненіямъ великаго греческаго философа, переведенныя на латинскій языкъ, долгое время были для Западной Европы въ средніе вѣка главнымъ источникомъ знакомства съ его произведеніями. Мусульманство подозрительно относилось къ философскимъ трудамъ Авиценны и обвинило его въ отступленіи

отъ корана. Въ медицинѣ главный трудъ Авиценны назывался «Канонъ медицины», въ основу котораго онъ положилъ сочиненія греческаго врача Галена. Этотъ обширный трудъ арабскаго ученаго былъ переведенъ на латинскій языкъ и до XVI вѣка оставался главнымъ руководящимъ пособіемъ для лекцій по медицинѣ въ европейскихъ университетахъ. Насколько Авиценна стоялъ выше своей эпохи, видно изъ того, что онъ рѣшилъ покончить съ однимъ изъ самыхъ упорныхъ предразсудковъ средневѣковья, а именно: онъ отвергалъ астрологію.

Аверроэсъ. Наиболѣе знаменитымъ арабскимъ философомъ среднихъ вѣковъ, имѣвшимъ громадное вліяніе на Западную Европу, былъ Аверроэсъ (настоящее арабское имя—Ибн-Рошдъ), жившій въ XII вѣкѣ. Родился Аверроэсъ въ испанскомъ городѣ Кордовѣ, гдѣ и получилъ свое образованіе. Занимаясь усердно естественными науками, а также математикой, астрономіей и медициной, онъ посвящалъ много времени и мусульманскому праву, главнымъ основаніемъ котораго были коранъ и религіозное преданіе—сунна. Но особенно онъ увлекался сочиненіями великаго Аристотеля. Жизнь Аверроэса протекла частью въ родной Кордовѣ и Севильѣ, частью въ сѣверной Африкѣ, въ Марокко, куда онъ былъ приглашенъ въ качествѣ придворнаго врача къ мѣстному правителю. Обвиненный на родинѣ въ ереси за свои занятія философіей, онъ подвергся изгнанію. Снова призванный въ Марокко, Аверроэсъ въ концѣ XII вѣка окончилъ тамъ свою жизнь.

Не зная греческаго языка, Аверроэсъ могъ познакомиться съ Аристотелемъ лишь изъ его арабскихъ переводовъ, передѣлокъ или толкованій на его сочиненія; тѣмъ не менѣе, онъ сумѣлъ углубиться въ ученіе Аристотеля, составилъ къ трудамъ его комментарій (толкованіе) и, въ концѣ концовъ, далъ три собственныхъ философскихъ труда. Въ нихъ Аверроэсъ ставилъ на первое мѣсто разумъ, знаніе, что вовлекало его иногда въ противорѣчіе съ религіей и подвергало обвиненію въ нечестіи. Его философскія сочиненія были рано переведены на древне-еврейскій и латинскій языки и имѣли большое вліяніе какъ на Востокѣ, такъ и въ Западной Европѣ.

Въ Европѣ, особенно въ Италіи и Франціи, ученіе Аверроэса (аверроизмъ) получило большое распространеніе, и борьба между аверроистами и ихъ противниками временами принимала ожесточенный характеръ.

Авиценна и Аверроэсъ являются такими представителями арабской средневѣковой науки, которые, перейдя границы мусульманскаго міра, оказали большое вліяніе на развитіе средневѣковой мысли у народовъ Западной Европы.

Масуди. Въ области арабской историко-географической литературы выдѣляется, какъ одинъ изъ самыхъ важныхъ и разностороннихъ писателей, Масуди, родившійся въ Багдадѣ въ концѣ IX вѣка. Онъ обладалъ обширною ученостью и основательными познаніями въ исторіи и географіи, которыя пріобрѣлъ во время своихъ далекихъ странствованій. Масуди посѣтилъ Индію, островъ Цейлонъ, объѣхалъ Красное море, былъ на островѣ Мадагаскарѣ, въ Аравіи, проѣхалъ страну у Каспійскаго моря и нѣкоторое время провелъ въ Палестинѣ, Сиріи и Египтѣ, гдѣ въ половинѣ X вѣка, вѣроятно, и умеръ.

Благодаря разнообразію матеріала и умѣнью излагать его въ живой формѣ, сочиненія Масуди, особенно его трудъ «Золотые луга», имѣютъ одинаковый интересъ какъ для его единовѣрцевъ, такъ и для другихъ народностей. Масуди сообщаетъ громадное количество интересныхъ свѣдѣній въ различныхъ областяхъ жизни не только у мусульманъ, но и у другихъ народовъ, напр., по исторіи Персіи, Индіи, Византіи, о нравахъ и обычаяхъ, религіозныхъ вѣрованіяхъ, древнихъ сказаніяхъ и т. д. Для насъ Масуди имѣетъ особый интересъ, потому что въ его трудахъ, какъ и въ трудахъ нѣкоторыхъ другихъ арабскихъ географовъ, напр., у Ибн-Хордадбеха, Ибн-Фадлана, мы находимъ любопытнѣйшія свѣдѣнія о славянахъ и русахъ, т.-е. русскихъ, въ IX и X вѣкахъ [1]).

Бируни. Исключительное явленіе представляетъ собою въ арабской ученой литературѣ Бируни. Родившійся во второй половинѣ X вѣка въ одномъ изъ предмѣстій современной Хивы,

[1]) Русскій переводъ Ибн-Фадлана см. въ Исторической Хрестоматіи *Нейкирха и Кулжинскаго*. Средняя исторія. Петроградъ, 1912, с. 91—95.

въ персидской семьѣ, Бируни основательно изучилъ исторію, хронологію, математику, астрономію и медицину и въ молодые годы уже сталъ извѣстнымъ писателемъ. Онъ находился въ перепискѣ съ Авиценной. Въ зрѣломъ возрастѣ Бируни отправился въ Индію, гдѣ во время своего многолѣтняго пребыванія изучилъ науки индусовъ, преподавая самъ въ то же время греческія знанія. Результатомъ его работъ въ Индіи явился знаменитый трудъ «Индія», который по справедливости считается однимъ изъ наиболѣе важныхъ произведеній ислама въ области историко-географической. По возвращеніи изъ Индіи Бируни оставался въ теченіе нѣкотораго времени при дворѣ султана въ городѣ Газнѣ, въ Афганистанѣ, гдѣ въ то время была самостоятельная династія; въ половинѣ XI вѣка онъ тамъ и умеръ. Принадлежа по своему происхожденію къ персидской національности, т.-е. къ арійской расѣ, и будучи, какъ персъ, шіитомъ, Бируни не былъ расположенъ къ семитамъ-арабамъ, суннитамъ, противъ которыхъ онъ не разъ выступалъ въ своихъ произведеніяхъ.

«Индія» Бируни важна не только потому, что даетъ богатѣйшій матеріалъ для исторіи этой страны. Сочиненіе Бируни имѣетъ гораздо болѣе общее значеніе, какъ памятникъ, единственный въ своемъ родѣ и равнаго которому нѣтъ во всей средневѣковой научной литературѣ Запада и Востока. Трудъ Бируни пропитанъ духомъ безпристрастной критики, вполнѣ свободной отъ религіозныхъ, расовыхъ и національныхъ предразсудковъ и предубѣжденій, критики осторожной и осмотрительной. Бируни ясно понимаетъ предѣлы своего знанія и предпочитаетъ молчать тамъ, гдѣ у него нѣтъ достаточно многочисленныхъ и хорошо провѣренныхъ фактовъ; ширина его взглядовъ поистинѣ поразительна. Въ Бируни мы имѣемъ представителя настоящей науки въ современномъ намъ смыслѣ этого слова. Такихъ работъ въ тогдашней Западной Европѣ не было и не могло быть, такъ какъ въ X—XI вѣкахъ представители европейскаго знанія не были въ состояніи относиться безпристрастно къ чужой вѣрѣ, къ чужой культурѣ и къ чужой расѣ. Нѣкоторымъ подобіемъ Бируни могъ служить его современникъ на Западѣ, ученѣйшій мужъ своего времени, Гербертъ,

будущій папа Сильвестръ II, учитель германскаго государя Оттона III. Но Гербертъ не былъ оригиналенъ въ своей учености, которая, однако, настолько поражала людей среднихъ вѣковъ, что позднѣйшая легенда сдѣлала изъ Герберта волшебника и чародѣя, вступившаго въ сношенія съ нечистою силою. Работы Бируни сохранили во многихъ своихъ частяхъ большую цѣнность и свѣжесть до настоящаго времени.

Искусство [1]. Арабы до эпохи завоеваній въ VII вѣкѣ, т.-е. во время пребыванія ихъ на Аравійскомъ полуостровѣ, искусства въ нашемъ смыслѣ не имѣли. Кубообразное каменное сооруженіе Каабы въ Меккѣ, неизящное и безвкусное, служитъ лишь доказательствомъ этого. Слѣды культуры вообще и искусства въ частности можно лишь замѣтить въ юго-западномъ углу полуострова, въ Счастливой Аравіи или Іеменѣ, гдѣ задолго до появленія Мухаммеда и ислама было богатое царство. Но памятники послѣдняго пока еще мало изслѣдованы. Первая мусульманская мечеть, построенная въ Мединѣ, представляла собою просто четырехугольный дворъ, окруженный стѣною, и только въ сѣверной части его былъ родъ крытаго зданія, гдѣ молились первые мусульмане, обращаясь лицомъ на сѣверъ, по направленію къ Іерусалиму. Нѣсколько позднѣе, Мухаммедъ, завоевавъ Мекку и разочаровавшись въ поддержкѣ своему дѣлу со стороны евреевъ, на которыхъ онъ въ началѣ сильно расчитывалъ, предписалъ вмѣсто Іерусалима обращаться лицомъ во время молитвы къ Меккѣ, что и сохранилось до нашего времени.

Рис. 23. Черный камень въ Каабѣ.

Въ виду того, что мусульманская религія относилась неодобрительно къ изображенію одушевленныхъ существъ изъ

[1]) Книга для чтенія подъ ред. *П. Виноградова*. Вып. II, статья 48.

боязни впасть въ язычество, живопись и скульптура, по крайней мѣрѣ, изображающая людей, не могли развиться у арабовъ. Поэтому главныя произведенія арабскаго искусства принадлежатъ памятникамъ архитектуры, а именно—мечетямъ и дворцамъ.

Обычно мечеть состоитъ изъ большого двора съ фонтаномъ посрединѣ для омовенія; вокругъ двора строятся обширные портики. По сторонамъ этого зданія возвышаются высокія, тонкія башни; съ вершины одной изъ нихъ муэззинъ (призыватель къ молитвѣ) возвѣщаетъ мусульманамъ часы молитвы.

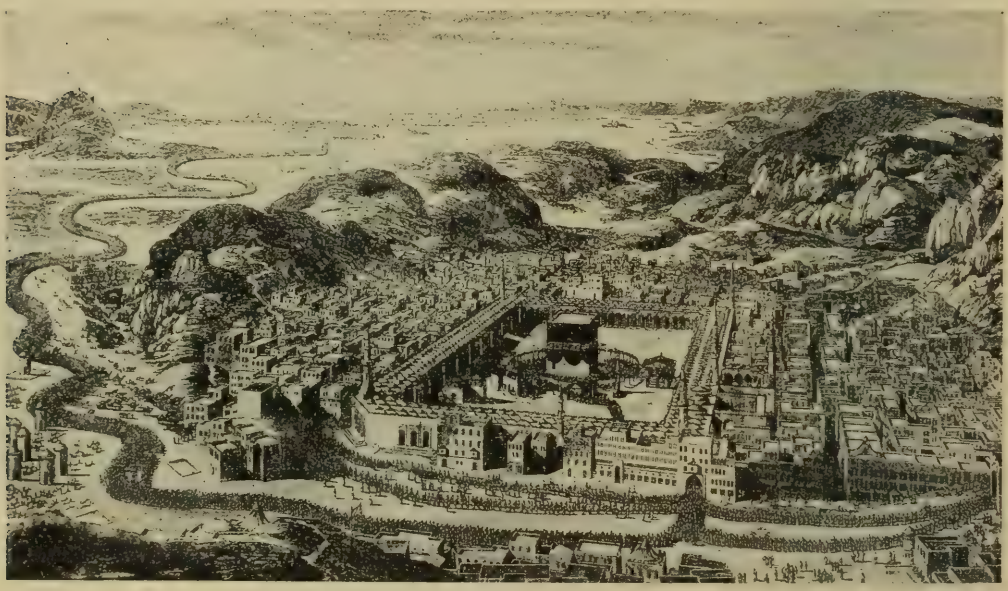


Рис. 24. Мекка во второй половинѣ XVIII в. (по серединѣ—Кааба).

Вмѣсто христіанскаго алтаря въ мечетяхъ дѣлается въ стѣнѣ ниша, по-арабски **михрабъ** или **кибла,** обращенная къ Меккѣ, и передъ ней мусульмане совершаютъ свои молитвы. Направо отъ михраба стоитъ **мимбаръ,** т.-е. каѳедра для проповѣди. Конечно, со временемъ видъ мечети измѣнялся подъ различными новыми вліяніями.

Нѣтъ ничего удивительнаго, что арабы, завоевавъ византійскія и персидскія области и познакомившись съ прекрасными памятниками ихъ архитектуры, подчинились ихъ вліянію и восприняли многія черты христіанско-византійскаго и персидскаго искусства. Мечети появились въ формѣ христіанской базилики, а позднѣе въ формѣ креста. Надо помнить, что не-

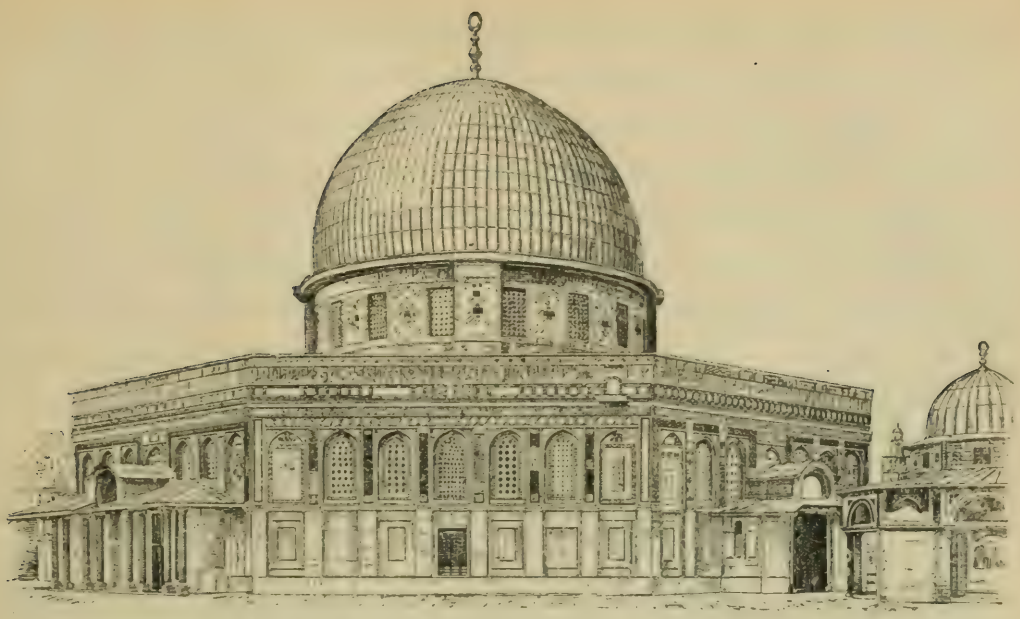


Рис. 25. Мечеть Омара въ Іерусалимѣ.

мало христіанскихъ храмовъ было обращено въ мечети. На мечетяхъ сталъ возвышаться куполъ; внутри мечетей воздвигались ряды колоннъ. Въ подражаніе византійскимъ церковнымъ

Рис. 26. Главная мечеть въ Дамаскѣ.

мозаикамъ нѣкоторыя мечети были украшены великолѣпными мозаиками. Не имѣя еще въ эпоху Омайядовъ своихъ собственныхъ архитекторовъ, арабы должны были обращаться къ помощи персидскихъ и византійскихъ мастеровъ, которые, являясь

къ арабамъ, конечно, вносили въ постройки свой стиль и вкусы. Но арабы не ограничились только подражаніемъ болѣе высокимъ образцамъ завоеванныхъ государствъ, но быстро внесли въ нихъ нѣчто свое, оригинальное, что, слившись съ другими формами искусства, создало арабское искусство, или, какъ его опредѣляютъ болѣе общимъ терминомъ, мусульманское искусство, памятники котораго постепенно стали появляться въ Сиріи, Египтѣ, Месопотаміи, Персіи, Туркестанѣ, мусульманской Индіи, Испаніи, Сѣверной Африкѣ, Сициліи, Малой Азіи и Европейской Турціи.

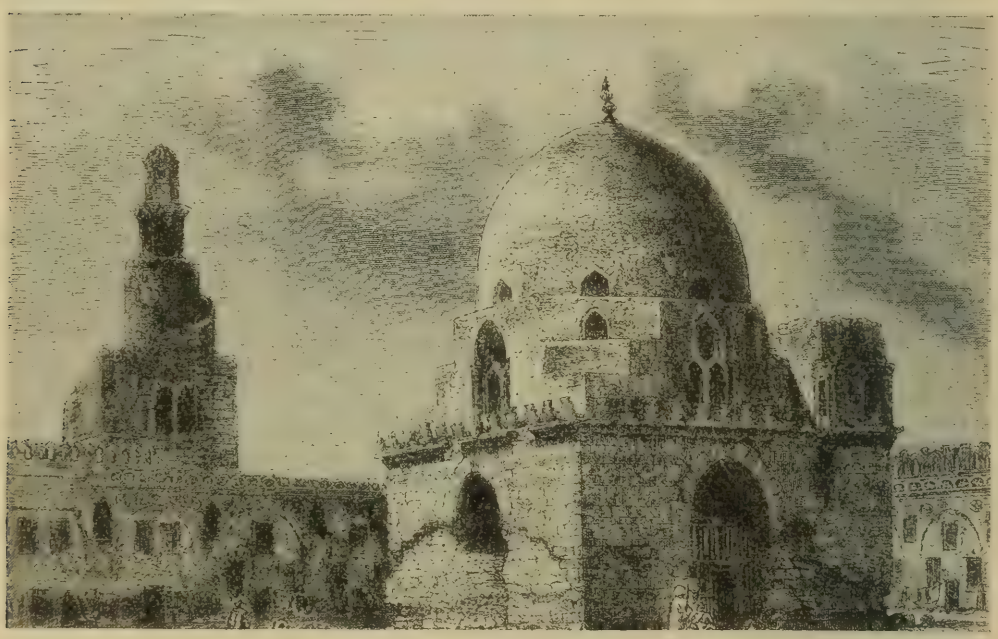


Рис. 27. Мечеть Тулуна въ Каирѣ.

Мы остановимся на арабскомъ средневѣковомъ искусствѣ. Арабы обратили главное свое вниманіе на подробности украшеній зданій. Стѣны были покрыты множествомъ причудливо переплетающихся между собою кривыхъ линій, что создавало очень красивые рисунки. Подобныя украшенія до сихъ поръ носятъ названіе **арабесокъ.** Между послѣдними часто вставлялись арабскія надписи, которыя по характеру арабскихъ буквъ и вообще арабскаго письма очень подходили къ стилю арабесокъ. Мечети и залы дворцовъ у арабовъ украшались, какъ и у персовъ, многочисленными легкими колоннами. Правильно изогнутыя полукруглыя арки превращаются у арабскихъ

архитекторовъ въ болѣе изогнутыя, въ подковообразныя арки. По сторонамъ мечетей стали возвышаться стройные минареты.

Древнѣйшими наиболѣе замѣчательными мечетями въ завоеванныхъ земляхъ были основанныя въ половинѣ VII вѣка мечеть Амру въ Египтѣ, на мѣстѣ будущаго Каира, и мечеть Омара въ Іерусалимѣ, построенная на мѣстѣ ветхозавѣтнаго храма (рис. 25). Но обѣ эти мечети съ теченіемъ времени под-

Рис. 28. Мечеть султана Хассана въ Каирѣ.

верглись столькимъ измѣненіямъ и перестройкамъ, что отъ VII вѣка въ нихъ почти ничего не осталось. Главная мечеть Дамаска была устроена въ древней христіанской церкви св. Іоанна Крестителя. Сразу послѣ завоеванія Дамаска и превращенія церкви въ мечеть мусульмане допускали и христіанъ въ ней совершать свое богослуженіе; но спустя нѣкоторое время, эта мечеть была отдана исключительно мусульманамъ. Мечеть Дамаска страдала особенно сильно отъ пожаровъ и поэтому неоднократно перестраивалась (рис. 26). Роскошные,

судя по описаніямъ, памятники средневѣкового Багдада, столицы Аббасидовъ, до насъ не дошли.

Особенно удобно прослѣдить исторію архитектуры мечетей въ Египтѣ, гдѣ до нашего времени сохранился рядъ памятниковъ различныхъ столѣтій. Совершенно передѣланная мечеть VII вѣка Амру сохранила лишь свой первоначальный планъ. Можно указать на три памятника средневѣкового Египта, которые даютъ возможность судить объ арабскомъ искусствѣ на берегахъ Нила. Отъ конца IX вѣка сохранилась въ Каирѣ мечеть Ибн-Тулуна, основателя самостоятельной египетской династіи Тулунидовъ, дворъ котораго отличался необычайною роскошью и блескомъ. Въ этой мечети византійское вліяніе уже незамѣтно. Архитекторъ взялъ себѣ за образецъ архитектуру месопотамской мечети (рис. 27).

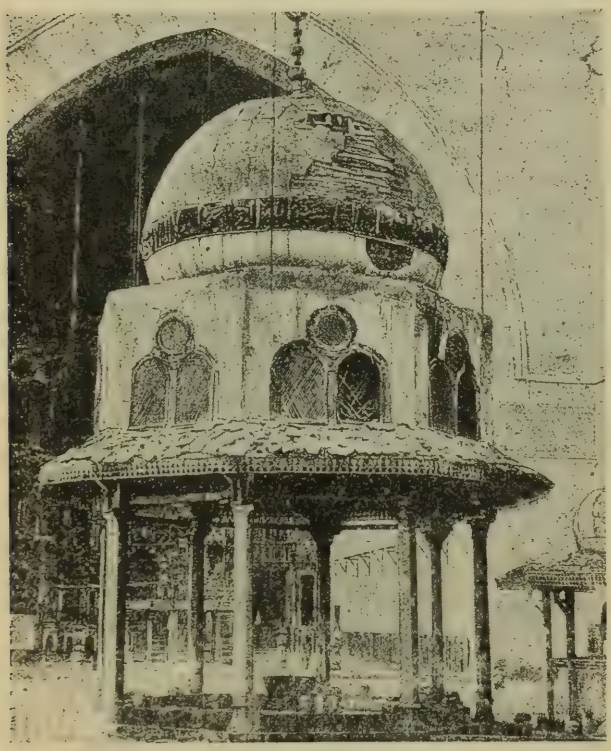


Рис. 29. Внутренній дворъ мечети Хассана.

Каирская мечеть Хассана, т.-е. султана Мухаммеда Хассана, построенная въ XIV вѣкѣ, представляетъ собою самую красивую мечеть, построенную по крестообразному плану, съ двумя минаретами по сторонамъ (рис. 28) и съ находящимся посрединѣ открытымъ дворомъ и фонтаномъ для омовеній (рис. 29).

Въ мечети Хассана замѣтно вліяніе какъ иностранныхъ, такъ и мѣстныхъ элементовъ, при чемъ полнаго ихъ сліянія еще не было. Мечеть эта превосходно украшена внутри разноцвѣтнымъ мраморомъ, мозаиками, переплетающимися съ арабскими надписями арабесками, бронзою и т. д. Наконецъ, удивительная по замыслу и совершенству выполненія мечеть

XV вѣка Каитъ-Бея въ Каирѣ съ его гробницей является однимъ изъ тѣхъ памятниковъ, гдѣ всѣ различные элементы, вліявшіе на его созданіе, слились въ единое однородное искусство (рис. 30). Какъ наружный видъ мечети съ ея главною дверью, минаретомъ и разукрашеннымъ куполомъ, такъ и удивительное внутреннее убранство заставляютъ видѣть въ мечети Каитъ-Бея одно изъ совершенныхъ проявленій арабскаго архитектурнаго искусства.

Есть нѣсколько интересныхъ мечетей изъ эпохи средневѣкового арабскаго искусства также въ сѣверо-западной Африкѣ. Но гдѣ арабское искусство оставило замѣчательные памятники, такъ это въ Испаніи.

Арабское искусство въ Испаніи воспринято въ себя, кромѣ уже извѣстныхъ составныхъ элементовъ, кое-что новое, а именно: 1) вліяніе сѣверо-африканское, берберское или, какъ его называютъ арабскимъ словомъ, магрибинское, и 2) вліяніе того искусства, которое арабы въ VIII вѣкѣ нашли въ Испаніи у вестготовъ, т.-е. римское или древне-романское. Изъ соединенія различныхъ вліяній въ Испаніи получился такъ называемый мавританскій стиль.

Рис. 30. Мечеть Каитъ-Бея въ Каирѣ.

Первымъ и древнѣйшимъ памятникомъ арабской архитектуры въ Испаніи является большая мечеть въ Кордовѣ. Основанная въ концѣ VIII вѣка, т.-е. въ томъ вѣкѣ, когда арабы завоевали большую часть Пиренейскаго полуострова, она строилась и украшалась въ теченіе двухсотъ лѣтъ. Интересно, что однимъ изъ строителей мечети и притомъ ея лучшей части, во второй половинѣ X вѣка былъ одинъ принявшій исламъ

славянинъ. Первый испанскій Омайядъ, основатель мечети, задался цѣлью построить такую мусульманскую святыню, которая сдѣлалась бы главнымъ религіознымъ центромъ въ Испаніи и отвлекала бы паломниковъ отъ Мекки, направляя ихъ въ Кордову. Несмотря на то, что послѣ завоеванія Кордовы христіанами мечеть была обращена въ церковь и подверглась поэтому большимъ измѣненіямъ, тѣмъ не менѣе и въ настоящее время кордовскій католическій соборъ даетъ ясное представленіе о томъ, чѣмъ была и какое впечатлѣніе производила мусульманская святыня.

Рис. 31. Соборъ въ Кордовѣ.

Суровый, похожій нѣсколько на крѣпость внѣшній видъ мечети не представляетъ ничего особеннаго. Внутренность мечети образуетъ какъ бы необъятный лѣсъ небольшихъ, изящныхъ колоннъ, число которыхъ даже въ настоящее время доходитъ почти до девятисотъ. Ряды подковообразныхъ типичныхъ для арабовъ арокъ надъ колоннами теряются въ полусумракѣ, который обычно царитъ внутри зданія, такъ какъ рѣдкія, небольшія окна не даютъ много свѣта (рис. 31). Въ арабское время съ роскошно разукрашеннаго потолка спускались, по нѣсколько, вѣроятно, преувеличеннымъ даннымъ арабскихъ писателей, болѣе 250 люстръ съ болѣе чѣмъ 7000 масляныхъ лампъ. Особенно изящно украшенъ сохранившійся до нашего времени михрабъ или кибла.

Въ Севильѣ сохранилась изъ религіозной архитектуры мусульманъ въ высшей степени изящная башня **Гиральда,** служившая прежде минаретомъ къ главной севильской мечети; на мѣстѣ послѣдней въ христіанское время была построена церковь; а минаретъ превратился въ ея колокольню и былъ нѣсколько передѣланъ (рис. 32).

Изъ памятниковъ свѣтской архитектуры въ Испаніи можно назвать дворецъ арабскихъ властителей въ Севильѣ **Алькасаръ** XII вѣка. Но надо сказать, что отъ постройки XII вѣка осталось очень немного. Тотъ же дворецъ, который мы видимъ теперь, со всѣми его разукрашенными тончайшими арабесками залами и красиво разбитыми садами есть постройка уже христіанскихъ государей (начиная съ XIV вѣка), возведенная въ мавританскомъ стилѣ.

Рис. 32. Гиральда.

Самымъ же извѣстнымъ свѣтскимъ памятникомъ арабскаго искусства въ Испаніи является дворецъ **Альгамбра** около Гранады (собственно «красная» — по-арабски «аль-Хамра»). Альгамбра, несмотря на передѣлки и подновленія, которымъ она подверглась въ христіанское время, представляетъ собою наиболѣе замѣчательный памятникъ мавританскаго искусства XIV—XV вѣковъ. Внѣшнему виду Альгамбры очень вредитъ построенный въ XVI вѣкѣ Карломъ V (I) большой неуклюжій дворецъ, для котораго онъ приказалъ снести часть мусульманскаго дворца. Причудливыя арабески, разбросанныя наподобіе драгоцѣнныхъ и цвѣтныхъ кружевъ по стѣнамъ, изящныя

колонны, потолки и двери изъ позолоченнаго и расписаннаго дерева, разноцвѣтныя окна, — все это указываетъ на вкусъ и богатыя средства строителей дворца. Изъ внутреннихъ частей дворца особенно замѣчательны слѣдующія: Миртовый дворъ съ прямоугольнымъ прудомъ, по узкимъ сторонамъ котораго построены галлереи съ изящными мраморными колоннами; названіе свое этотъ дворъ получилъ отъ миртъ, растущихъ у пруда. Зала пословъ — тронная зала мусульманскихъ властителей, гдѣ происходило послѣднее совѣщаніе мавровъ передъ сдачею Гранады въ 1492 году Фердинанду Католику. Львиный

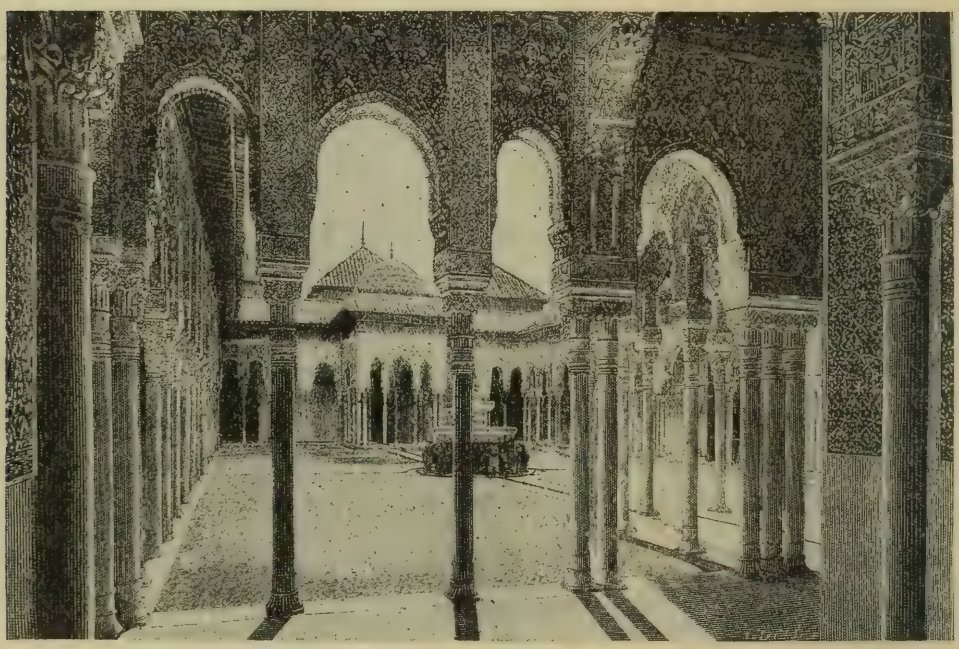


Рис. 33. Львиный дворъ въ Альгамбрѣ.

дворъ — центръ покоевъ семьи государя; онъ называется такъ потому, что посрединѣ двѣнадцать львовъ поддерживаютъ бассейнъ съ фонтаномъ (рис. 33). Зала двухъ сестеръ, названная такъ отъ двухъ совершенно одинаковаго размѣра большихъ мраморныхъ плитъ на полу. Сады Альгамбры должны были напоминать о садахъ Багдада. При дворцѣ была устроена и небольшая мечеть.

Послѣ паденія Гранады мавританская культура отступила въ Сѣверную Африку, гдѣ, однако, уже не переживала новаго подъема.

III.

Феодализмъ.

Для чтенія: Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. *П. Виноградова*, вып. II, статьи 19 и 22. Исторія Франціи въ раннее средневѣковье въ «Общей исторіи европейской культуры» (т. VII), подъ ред. *И. Гревса*, *Ѳ. Зѣлинскаго*, *Н. Карѣева и М. Ростовцева*. *Н. Карѣевъ*. Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Очень полезны: *А. Г. Вульфіусъ*. Конспектъ по феодализму и *И. М. Гревсъ*. Статья «феодализмъ» въ Энциклопедич. словарѣ Брокгауза и Ефрона.

Подъ феодализмомъ въ средніе вѣка разумѣется опредѣленный государственный (политическій) и сословный (соціальный) строй, установившійся въ Западной Европѣ и развившійся преимущественно въ IX, X и XI вѣкахъ и просуществовавшій до XIII вѣка включительно. Прежде думали, что феодализмъ есть явленіе, принадлежащее исключительно западно-европейской средневѣковой исторіи. Но чѣмъ больше вдумывались въ это сложное явленіе и чѣмъ глубже проникали въ его корни, тѣмъ яснѣе становилось, что феодальный строй, хотя бы и не въ столь законченныхъ формахъ, какъ на средневѣковомъ Западѣ, могъ появиться въ любой странѣ и въ любое время при наличности извѣстныхъ политическихъ и соціальныхъ условій. Когда стали обращаться съ этой точки зрѣнія къ исторіямъ другихъ странъ и эпохъ, то сочли возможнымъ говорить о феодальныхъ условіяхъ быта въ древнемъ Вавилонѣ, въ арабскомъ халифатѣ, древней Руси, въ Японіи и т. д.

Но нигдѣ феодализмъ не достигалъ такого развитія и не имѣлъ столь исключительнаго вліянія на весь историческій ходъ событій, какъ въ западно-европейской средневѣковой исторіи. Страною, гдѣ феодальный строй развился въ наиболѣе чистомъ видѣ, была Франція.

Въ феодализмѣ надо отличать двѣ главныя существенныя стороны: государственную (политическую) и сословную (соціальную). Подъ государственною стороною феодализма разумѣется раздробленіе верховной власти государя и распаденіе государ-

ственной территоріи на большое число независимыхъ государствъ, иногда очень малыхъ по размѣрамъ, гдѣ власть государя связана непремѣнно съ землевладѣніемъ; при чемъ устанавливается послѣдовательная зависимость такихъ болѣе слабыхъ государей-помѣщиковъ отъ болѣе сильныхъ, послѣднихъ— отъ еще болѣе крупныхъ и т. д. (такъ называемая **лѣстница сеньёрій**). Подобные феодалы-помѣщики въ эпоху расцвѣта феодализма пользовались въ предѣлахъ своихъ владѣній полными правами государя.

Сословная сторона феодализма состоитъ въ существованіи двухъ рѣзко отличающихся другъ отъ друга общественныхъ классовъ: 1) изъ полноправной землевладѣльческой аристократіи и 2) изъ безправныхъ крѣпостныхъ, крестьянъ-земледѣльцевъ, такъ называемыхъ **виллановъ** или **сервовъ.** Такимъ образомъ, сословное неравенство является также однимъ изъ существенныхъ признаковъ феодализма.

Духовныя лица, епископы и аббаты, владѣя землею наравнѣ со свѣтскими людьми, были, какъ и послѣдніе, государями-помѣщиками въ своихъ имѣніяхъ.

Не надо забывать и хозяйственной стороны феодализма. Въ лучшую эпоху существованія Римской имперіи, подъ ея покровительствомъ, при существованіи превосходныхъ путей сообщенія и установившейся въ имперіи безопасности, на всемъ протяженіи обширнаго государства процвѣтала промышленность и торговля. Со времени же варварскихъ нашествій, съ ослабленіемъ государственной власти и образованіемъ новыхъ германскихъ государствъ обстоятельства измѣнились къ худшему для торгово-промышленной жизни, которая, мало-по-малу, начала замирать. Въ эпоху же феодализма, когда безопасности въ сообщеніяхъ не было никакой и когда всякій феодалъ прежде всего заботился объ удовлетвореніи потребностей своего феода, торговля и промышленность въ Западной Европѣ совершенно остановились. Главною основою хозяйства и народнаго питанія сдѣлалось земледѣліе. Но и оно могло доставлять лишь столько продуктовъ, сколько нужно было для самихъ же производителей. Такимъ образомъ, въ феодальную эпоху образовалось хозяйство, въ которомъ все, что въ немъ производилось по-

треблялось самими же производителями, т.-е. такъ называемое замкнутое, домовое или **натуральное хозяйство.**

Въ эпоху феодализма надо различать три вида права собственности: **бенефицій**, **феодъ** или **ленъ** и **аллодъ.**

Бенефицій (лат. слово beneficium) обозначалъ раньше такое имущество, которое находилось только во временномъ пользованіи владѣльца, иногда пожизненномъ. Бенефиціями назывались, такимъ образомъ, и земли, отдаваемыя на извѣстныхъ условіяхъ тому или другому лицу во временное владѣніе, часто пожизненно. Но позднѣе, въ періодъ уже сложившагося феодализма, бенефицій превратился въ **феодъ** или **ленъ,** т.-е. въ землю, отданную въ наслѣдственное владѣніе при соблюденіи опредѣленныхъ условій; другими словами, въ эпоху феодализма бенефицій, феодъ или ленъ есть видъ условнаго наслѣдственнаго землевладѣнія. Лишь изрѣдка въ это время бенефицій имѣетъ значеніе владѣнія пожизненнаго. Наконецъ, **аллодъ** представлялъ собою землю, совершенно свободную отъ какой-либо службы или повинности и находившуюся въ полной собственности даннаго лица; аллодъ есть безусловная собственность.

Лицо, давшее другому бенефицій, феодъ или ленъ, называлось **сеньёромъ** или **сюзереномъ;** а лицо, получившее его—**вассаломъ.** Всѣ лица, владѣвшія условно землею, на какой бы они ступени «лѣстницы сеньёрій» ни находились, назывались **феодалами**.

Такимъ образомъ, характерными признаками феодализма можно считать: 1) Упадокъ государственнаго единства и раздробленіе государственной власти между государями-помѣщиками, т.-е., другими словами, соединеніе верховной власти съ землевладѣніемъ. 2) Замѣна полной земельной собственности собственностью условною, хотя бы и наслѣдственною. 3) Установленіе вассальной іерархіи между государями-помѣщиками, т.-е. послѣдовательная зависимость болѣе слабыхъ феодаловъ отъ болѣе сильныхъ. 4) Преобладаніе замкнутаго, домового (натуральнаго) хозяйства и проистекавшій отъ этого полный упадокъ торговли и промышленности.

Возникновеніе и развитіе феодализма. Роль Каролинговъ.

Такое сложное явленіе, какъ феодализмъ, не могло явиться сразу и неожиданно; простой указъ государя создать его не могъ. Феодализмъ образовался благодаря цѣлому ряду условій предшествующаго времени, постепенно, мало-по-малу, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ государственнаго и частнаго характера. Многое въ исторіи феодализма объясняется условіями внутренней жизни послѣднихъ вѣковъ Римской имперіи.

Общество Римской имперіи IV вѣка можетъ быть раздѣлено еще на три класса: внизу находилась простонародная масса прикрѣпленнаго къ землѣ крестьянства и городскихъ ремесленниковъ и торговцевъ; надъ ними, въ видѣ средняго слоя, былъ классъ мелкихъ земельныхъ собственниковъ; наконецъ, наверху была аристократія,—такъ называемые имперскіе сенаторы. Но уже въ томъ же IV и особенно въ V вѣкѣ, въ силу цѣлаго ряда сложныхъ причинъ, аристократическій классъ все усиливался и сдѣлался, въ концѣ концовъ, всемогущимъ, въ то время какъ средній классъ, не будучи въ состояніи выдерживать чрезмѣрной тяжести повинностей, мало-по-малу, бѣднѣлъ и впадалъ въ полную зависимость отъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Города также клонились къ упадку, а вмѣстѣ съ ними падала торговля и промышленность; промышленный классъ разорился. Такимъ образомъ, внутренній переворотъ имперіи въ IV и V вѣкахъ привелъ, можно сказать, къ образованію двухъ классовъ, вмѣсто прежнихъ трехъ: 1) высшій классъ, знать, представительница крупнаго землевладѣнія, и 2) низшій классъ рабовъ (servi) и колоновъ (coloni), изъ которыхъ первые были совершенно подчинены своему господину, а колоны, продолжая считаться лично свободными, были, тѣмъ не менѣе, особенно по причинѣ задолженности, прикрѣплены къ землѣ, на которой они жили и которая имъ не принадлежала. Колоны также, конечно, находились въ полной зависимости отъ своего господина-землевладѣльца.

Прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ было удобно и для правительства, которое, желая установить точную смѣту своихъ

доходовъ, получаемыхъ отъ податей римскихъ подданныхъ, предпочитало имѣть прикрѣпленныхъ къ мѣсту крестьянъ, которые бы не могли для уклоненія отъ уплаты налоговъ куда-либо скрыться.

Въ то время какъ классъ крупныхъ собственниковъ усиливался и распоряжался большею частью территоріи имперіи, императорская власть и императорское правительство слабѣли. Знать постепенно уходила изъ-подъ дѣйствительнаго контроля центральной власти и начала проявлять относительно людей своихъ помѣстій такія права, которыя прежде принадлежали императорскимъ чиновникамъ. Въ руки крупнаго землевладѣльца перешло мѣстное управленіе; онъ исполнялъ у себя въ имѣніи обязанности судьи, собиралъ подати и т. д. Въ такихъ условіяхъ люди слабые стали стремиться найти для себя защиту въ частномъ покровителѣ, получить себѣ **патрона** (patronus), т.-е. защитника, заступника. Одинъ писатель V вѣка сообщаетъ: «Слабый отдается вельможѣ, чтобы тотъ защищалъ его и покровительствовалъ ему». Этотъ сильно распространившійся обычай отдавать себя подъ защиту болѣе сильнаго человѣка назывался въ римское время **патронатомъ.**

Такимъ образомъ, еще въ римское время существовала уже крупная земельная аристократія, которая захватывала нѣкоторыя государственныя права въ свои руки и подъ защиту которой отдавались болѣе слабые люди. Эти условія подготовляли феодальную обстановку и вошли позднѣе въ составъ феодализма.

Важную роль въ образованіи средневѣкового западно-европейскаго феодализма сыграли германцы, особенно франки, завоевавшіе большую часть Галліи и устроившіе большое государство.

Какъ извѣстно, настоящимъ основателемъ единаго, сильнаго франкскаго государства былъ **Хлодвигъ** (481—511), изъ династіи Меровинговъ: онъ обратилъ франковъ въ христіанство, подчинилъ остатки римскихъ владѣній въ Галліи, присоединилъ часть вестготскаго королевства и привелъ въ зависимость часть аллемановъ и Бургундію. Въ рукахъ Хлодвига были сосредоточены сильная королевская власть и богатыя земельныя пріобрѣтенія въ завоеванныхъ областяхъ

прежней Галліи; онъ являлся самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ своемъ государствѣ, и управленіе послѣднимъ находилось всецѣло въ его рукахъ.

Послѣ смерти Хлодвига, при его преемникахъ, въ государствѣ начались междоусобія, грабежи, раздѣлы земель между дѣтьми, и эта гибельная для Меровинговъ смута продолжалась почти сплошь до начала VIII вѣка. Франкскіе короли во время частыхъ походовъ и при разрѣшеніи внутреннихъ недоразумѣній должны были искать поддержки у своихъ дружинниковъ-антрустіоновъ, которые помогали королю, но требовали за эту помощь вознагражденія. Главнымъ источникомъ королевскихъ доходовъ была земля, при помощи которой король вознаграждалъ нужныхъ и полезныхъ ему лицъ. Землею онъ оплачивалъ дружинниковъ - антрустіоновъ за ихъ военную помощь; землю въ качествѣ жалованья давалъ онъ своимъ чиновникамъ; наконецъ, землю жаловалъ онъ церквамъ и монастырямъ, которые должны были за это молиться о его грѣхахъ и о будущемъ спасеніи.

Къ началу VII вѣка франкское государство раздѣлилось на четыре области: Нейстрію на западѣ, по обѣимъ сторонамъ Сены; Австразію на востокѣ, по обѣимъ сторонамъ Рейна; Бургундію на юго-востокѣ, по Ронѣ и Сонѣ, и Аквитанію на юго-западѣ, между Луарой и Пиренеями. Король Хлотарь II въ началѣ VII вѣка временно объединилъ королевство но путемъ весьма существенныхъ уступокъ въ пользу сильной уже земельной знати. Данный Хлотаремъ II эдиктъ 614 года ограничивалъ его королевскую власть. По этому эдикту король подтвердилъ всѣ земельныя пожалованія прежняго времени, обязался выбирать графовъ изъ лицъ той области, гдѣ они будутъ управлять, призналъ себя подчиненнымъ закону и всякое рѣшеніе свое, сдѣланное почему-либо вопреки закону, повелѣвалъ считать не имѣющимъ силы и т. д. Эдиктъ 614 года уже ясно показываетъ, насколько королевская власть ослабла со времени Хлодвига и насколько возросла сила крупныхъ землевладѣльцевъ. Возникшія послѣ эдикта 614 года, новыя смуты продолжались до начала VIII вѣка, въ конецъ ослабили власть Меровинговъ и позволили выдвинуться **майордомамъ** или палат-

нымъ мэрамъ, которые, опираясь, главнымъ образомъ, на большое число своихъ вассаловъ, забрали въ свои руки дѣйствительную власть. Уже въ концѣ VII вѣка оставалась лишь тѣнь Меровинговъ. Итакъ, королевская власть династіи Меровинговъ пришла въ упадокъ вслѣдствіе двухъ причинъ: 1) щедрой раздачи королями своихъ земель дружинникамъ, чиновникамъ и церкви и 2) непрекращавшихся смутъ и распрей въ государствѣ и въ самой семьѣ Меровинговъ.

Одновременно съ постепеннымъ упадкомъ королевской власти Меровинговъ, во внутренней жизни франкскаго королевства происходили измѣненія, очень важныя въ исторіи развитія феодализма.

Во-первыхъ, крупные земельные собственники, свѣтскіе и духовные, пользуясь слабостью королевской власти, добились отъ нея уступки различныхъ государственныхъ правъ и освобожденія отъ различныхъ государственныхъ обязанностей. Они имѣли право суда въ своихъ земляхъ, собирали налоги; съ другой стороны, сами же не платили королю ни судебныхъ пошлинъ, ни податей. Подобная уступка государственныхъ правъ частнымъ лицамъ и освобожденіе ихъ отъ несенія государственныхъ обязанностей назывались латинскимъ словомъ **иммунитетъ** (immunitas). Обычай иммунитетовъ, какъ мы видѣли выше, былъ уже въ IV и V вѣкахъ въ Римской имперіи.

Во-вторыхъ, областные правители франкскаго государства, т.-е. герцоги и графы, назначаемые прежде королемъ и вполнѣ отъ него зависимые (напр., при Хлодвигѣ), воспользовались тѣмъ же ослабленіемъ центральной королевской власти, мало-по-малу, отъ нея освобождались и сдѣлались не только почти независимыми правителями, но иногда даже передавали свою власть по наслѣдству своимъ родственникамъ. Подобная наслѣдственность областныхъ правителей наносила новый ударъ и безъ того уже ослабленной королевской власти и разбивала единую территорію государства. Но при Меровингахъ это явленіе не имѣло еще общаго значенія.

Въ-третьихъ, крупные земельные собственники, облеченные нѣкоторыми государственными правами, и независимые наслѣд-

ственные герцоги и графы должны были имѣть въ своихъ рукахъ собственную силу, такъ какъ имъ часто приходилось, какъ и государямъ, защищать свои пріобрѣтенныя права силою оружія. Въ виду этого они выбирали изъ бывшихъ около нихъ людей наиболѣе способныхъ и подходящихъ для военной службы и дѣлали ихъ своими дружинниками, которыхъ оплачивали, подобно королю, землею. Итакъ, у крупныхъ собственниковъ и областныхъ правителей появилось свое войско, вознаграждаемое ими изъ ихъ земельныхъ владѣній. Такое земельное пожалованіе подъ условіемъ военной службы стало обычно называться латинскимъ словомъ **бенефицій** (beneficium), а нѣсколько позднѣе германскимъ словомъ **ленъ** или **феодъ.** Отсюда видно, что крупные собственники и областные правители превратились почти уже въ государей съ собственнымъ судомъ, со сборомъ налоговъ, со своимъ войскомъ, при освобожденіи отъ цѣлаго ряда государственныхъ повинностей.

Въ-четвертыхъ, при постоянныхъ смутахъ, охватившихъ франкское государство послѣ смерти Хлодвига, особенно должны были страдать слабые, мелкіе люди, которые не были въ состояніи сами защитить себя. Въ такихъ обстоятельствахъ они невольно должны были искать покровительства болѣе сильныхъ и становиться, если не ихъ настоящими подданными, то все-таки лично зависимыми. Подобное обращеніе слабаго къ покровительству болѣе сильнаго называлось латинскимъ словомъ коммендація (commendatio, т.-е. препорученіе), или иногда германскимъ словомъ **мундіумъ** (mundium). Подобное же явленіе намъ уже извѣстно изъ временъ Римской имперіи подъ названіемъ патроната.

Такимъ образомъ, въ меровингское время, при полной слабости королевской власти, существовали три наиболѣе существенныя составныя части феодализма, а именно: бенефицій, иммунитетъ и патронатъ или коммендація.

Но при Меровингахъ эти элементы дѣйствуютъ еще отдѣльно другъ отъ друга; такъ напр., бенефицій и коммендація еще не связаны между собою, т.-е. лицо, получавшее бенефицій, не должно было непремѣнно коммендироваться, и наоборотъ. При Меровингахъ еще существовало немало свободныхъ людей;

аллодовъ было больше, чѣмъ бенефиціевъ; немало было еще и чиновниковъ, которые отъ имени короля управляли большими территоріями.

Теперь возникаетъ важный вопросъ о томъ, какую роль сыграли въ дальнѣйшемъ развитіи феодальнаго процесса Каролинги, смѣнившіе на престолѣ Меровинговъ.

Каролинги начали играть преобладающую роль въ государствѣ въ качествѣ майордомовъ, или палатныхъ (дворцовыхъ) мэровъ. Должность эта, благодаря близости носителей ея къ особѣ короля и ко дворцу, пріобрѣла исключительное значеніе, особенно со второй половины VII вѣка, когда майордомъ Австразіи Пипинъ Средній или Геристальскій, одержавъ побѣду надъ майордомами Нейстріи и Бургундіи и совершенно отстранивъ отъ дѣлъ слабыхъ Меровинговъ, фактически захватилъ всю власть въ государствѣ, имѣлъ большое число вассаловъ и, что особенно важно отмѣтить, сдѣлалъ должность майордома наслѣдственною въ своей семьѣ. Благодаря своей же исключительной власти Пипинъ Геристальскій сумѣлъ собрать въ своихъ рукахъ большія земельныя владѣнія. Въ такихъ условіяхъ онъ сдѣлался самымъ сильнымъ человѣкомъ въ странѣ и привлекалъ къ себѣ громадное число людей менѣе сильныхъ и слабыхъ, отдававшихся путемъ коммендаціи подъ его защиту.

Сынъ и преемникъ Пипина, Карлъ Мартеллъ, въ первой половинѣ VIII вѣка, велъ удачныя войны на востокѣ и сѣверѣ съ баварами, аллеманами, фризами и на югѣ съ арабами и нуждался прежде всего въ многочисленномъ войскѣ, которое должно было имъ оплачиваться. Земель, собранныхъ его отцомъ, не хватило. Нужно было откуда-нибудь пополнить земельный запасъ. Для этого Карлъ Мартеллъ отобралъ въ казну (конфисковалъ) богатыя духовныя земли, которыми въ изобиліи владѣли церкви и монастыри. Изъ этого новаго источника онъ и раздавалъ земли воинамъ въ награду за ихъ военную поддержку. Такимъ образомъ, окончательно образовался **бенефицій,** подъ которымъ стали разумѣть уступку земельнаго владѣнія подъ условіемъ военной службы. Воинъ, получившій бенефицій, назывался **вассаломъ.** Къ первой же половинѣ VIII вѣка,

особенно благодаря войнѣ съ арабами, во франкскомъ войскѣ произошло важное измѣненіе: на ряду съ пѣшимъ войскомъ появляется **конница**, гораздо лучше подходившая, чѣмъ пѣхота, для сраженія съ легкою и подвижною арабскою конницей и быстро занявшая первое мѣсто въ войскѣ. Вассалы, обязанные, большею частью, конною службою, выдвинулись передъ другими людьми, представлявшими собою большинство населенія даннаго владѣнія, напр., передъ людьми, отдавшимися подъ защиту феодала (коммендировавшими себя феодалу); эти люди, въ случаѣ нужды, должны были, по требованію феодала, отправлять пѣшую службу. Итакъ, армія Карла Мартелла и его преемниковъ состояла изъ конницы и пѣхоты; но между этими двумя видами войска было важное различіе по существу: вассалы, представители конницы, стали, мало-по-малу, превращаться въ воиновъ по спеціальности, которые ставили своею главною задачей военное дѣло; они постепенно стали приближаться къ тому, чтобы сдѣлаться рыцарями (отъ нѣмецкаго слова Ritter — всадникъ, конникъ); пѣшее же войско собиралось изъ большинства населенія на время, пока въ немъ чувствовалась необходимость.

При преемникахъ Карла Мартелла, Пипинѣ Короткомъ, провозглашенномъ въ 752 году королемъ франковъ и низложившемъ послѣдняго Меровинга, и при Карлѣ Великомъ, провозглашенномъ въ 800 году императоромъ Священной Римской имперіи, власть государя усилилась, и казалось, что при нихъ, особенно при могучемъ Карлѣ Великомъ, процессъ феодализаціи, т.-е. раздробленія и ослабленія государственности, будетъ остановленъ. На самомъ дѣлѣ произошло иное. Карлъ Великій, несмотря на свою силу и упорное стремленіе создать единое сплоченное государство подъ крѣпкою властью монарха, не считалъ, тѣмъ не менѣе, нужнымъ бороться съ внутреннимъ процессомъ феодализаціи, пустившимъ уже глубокіе корни въ условія тогдашней государственной жизни.

Карлъ предпочиталъ лишь упорядочить создавшіяся отношенія и получше приспособить ихъ къ своимъ государственнымъ задачамъ. При немъ всѣ, кто желалъ отъ короля получить землю или должность, обязаны были до этого комменди-

ровать себя королю и стать его вассалами. При Карлѣ королевскіе вассалы и вообще крупные земельные собственники могли совершенно такъ же, какъ и король, имѣть своихъ вассаловъ, по отношенію къ которымъ они стали называться сеньёрами. Карлъ, признавая сеньёратъ, т.-е. право другихъ лицъ имѣть вассаловъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вслѣдствіе своихъ многочисленныхъ походовъ имѣя настоятельную нужду въ упорядоченномъ войскѣ, сдѣлалъ сеньёровъ отвѣтственными за правильное исполненіе военной повинности ихъ вассалами и запретилъ вассаламъ, кромѣ строго опредѣленныхъ случаевъ, покидать своего сеньёра. Уже эти распоряженія Карла показываютъ то вліяніе, которое онъ имѣлъ на феодаловъ; послѣдніе съ нимъ сильно считались.

Общая картина государства при Карлѣ съ точки зрѣнія феодальныхъ условій была такова: во главѣ государства стоялъ сильный франкскій король и императоръ Священной Римской имперіи. Вокругъ него находились вассалы двухъ родовъ, пожалованные бенефиціями, земельными владѣніями, но не въ наслѣдственную собственность; одни изъ вассаловъ занимали высокія должности,—герцоговъ, графовъ, различныхъ придворныхъ; другіе же за полученный бенефицій должны были нести лишь военную службу, не занимая никакой должности. Королевскіе вассалы имѣли, въ свою очередь, вассаловъ, такъ сказать, вассаловъ второго порядка. Ко всему этому надо прибавить остававшееся еще очень небольшое количество крупныхъ земельныхъ собственниковъ, имѣвшихъ, подобно королевскимъ вассаламъ, своихъ вассаловъ.

Но стоило лишь сойти въ могилу великому Карлу, какъ феодалы, почуявъ исчезновеніе крѣпкой сдерживавшей ихъ руки, снова подняли голову, и при слабыхъ преемникахъ Карла Великаго феодализмъ уже не находилъ преградъ для дальнѣйшаго развитія.

Время, слѣдующее за смертью Карла Великаго, почти сплошь наполнено внутренними смутами, раздорами и нападеніями внѣшнихъ враговъ. Съ запада нападали и разоряли страну норманны, съ сѣвера датчане, съ востока венгры и славяне и, наконецъ, съ юга изъ Испаніи арабы. Главные

факты смутъ и раздоровъ въ IX вѣкѣ извѣстны, а именно: борьба Людовика Благочестиваго, сына и преемника Карла Великаго, со своими сыновьями и борьба трехъ сыновей Людовика Благочестиваго между собою, уже послѣ смерти отца, завершившаяся Верденскимъ договоромъ 843 года, на основаніи котораго имперія была раздѣлена на три совершенно независимыхъ государства, Францію, Германію и Италію съ узкою полосою земли, идущей между Франціей и Германіей и заканчивающейся на сѣверѣ на берегу Нѣмецкаго моря Фрисландіей. Въ послѣдней четверти IX вѣка, при Карлѣ Толстомъ, монархія еще разъ объединилась; но черезъ три года раздѣленіе произошло снова и на этотъ разъ окончательно. Десятый же вѣкъ для Каролинговъ является временемъ полнаго упадка.

Благодаря такому смутному положенію въ странѣ и раздѣленію государства, въ феодальныхъ отношеніяхъ произошли соотвѣтственныя измѣненія, конечно, въ пользу феодаловъ и въ ущербъ королевской власти. Бенефиціи становятся, мало-помалу, наслѣдственными, такъ какъ у короля уже фактически нѣтъ силы заставить вассаловъ отдать ему обратно пожалованный бенефицій; въ свою очередь, вассалы вынуждены были признать наслѣдственными бенефиціи своихъ вассаловъ, т.-е. вассаловъ второго порядка. Итакъ, наслѣдственность пожалованныхъ бенефиціевъ есть одна изъ существенныхъ чертъ уже развившагося при Каролингахъ феодализма. Подобное же явленіе замѣчается относительно должностей. Герцоги и графы сумѣли превратить свои должности въ наслѣдственныя, но зато вынуждены были признать наслѣдственными должности своихъ подчиненныхъ, напр., виконтовъ, т.-е. вицеграфовъ, и др.

Графства жаловались и епископамъ.

Такимъ образомъ, то, что при Меровингахъ было явленіемъ хотя и знакомымъ, но случайнымъ, превратилось при Каролингахъ въ явленіе характера общаго. Особенно опасными для королевской власти были германскіе герцоги, которые стояли во главѣ крупныхъ племенъ, сознававшихъ свое племенное единство,—такъ называемые племенные герцоги; такими племенами были: саксы на сѣверѣ между рѣками Эмсомъ и Эльбой; восточные

франки (Франконія) къ югу отъ нихъ, по среднему Рейну и Майну; аллеманы или швабы, еще далѣе къ югу по верховьямъ Дуная; бавары на востокѣ отъ нихъ по верхнему Дунаю и его притокамъ. Итакъ, наслѣдственность должностей герцоговъ и графовъ, захватившихъ къ тому же въ своихъ земляхъ королевскія права по управленію, есть вторая существенная черта феодализма въ эпоху Каролинговъ.

Съ точки зрѣнія установившейся при Каролингахъ наслѣдственности бенефиціевъ и должностей не только у королевскихъ вассаловъ, но и у подвассаловъ или вассаловъ второго порядка, очень любопытенъ капитулярій, т.-е. указъ, изданный при королѣ Карлѣ Лысомъ въ 877 году въ Керси на р. Уазѣ, въ сѣверной Франціи, и поэтому иногда называемый керсійскимъ капитуляріемъ. Въ послѣднемъ совершенно опредѣленно повелѣвается, чтобы «епископы, аббаты, графы и всѣ другіе вѣрные», т.-е. вассалы, поступали въ отношеніи своихъ людей такъ же, какъ король-сеньёръ поступаетъ со своими, а именно: чтобы должности и земельныя владѣнія (бенефиціи) передавались по наслѣдству. Конечно, этотъ капитулярій надо понимать не такъ, будто бы онъ подобную наслѣдственность создалъ, такъ какъ столь сложный политическій и соціальный режимъ не можетъ быть созданъ простымъ закономъ. Керсійскій капитулярій лишь подтверждаетъ то, что въ государственной жизни уже на самомъ дѣлѣ существовало. Можетъ-быть, при общей неурядицѣ, которая царила въ тѣ времена, наслѣдственность могла казаться королямъ нѣкоторымъ началомъ порядка и устойчивости.

Изъ слабости центральной власти само собою вытекаетъ, что число пожалованныхъ иммунитетовъ увеличилось.

Что касается до сельскаго населенія, крестьянъ, то они, въ виду полной своей безпомощности противостоять смутамъ, нападеніямъ и притѣсненіямъ, попали, мало-по-малу, въ суровую зависимость отъ власть имущихъ, т.-е. отъ феодаловъ и вассаловъ.

Такимъ образомъ, при Каролингахъ въ Западной Европѣ феодализмъ вполнѣ организовался и сдѣлался такимъ началомъ въ ея жизни, которое объединяло, можно сказать, всѣ явленія тогдашней исторіи.

Въ концѣ этой эпохи почти всѣ свободные люди попали уже въ вассальныя отношенія той или другой ступени; почти всѣ крупныя земельныя владѣнія сдѣлались бенефиціями; иммунитеты умножились; король былъ лишенъ почти всѣхъ принадлежностей королевской власти. Наконецъ, вассалитетъ, бенефицій, иммунитетъ, уступка королевскихъ правъ,—все это какъ бы соединится вмѣстѣ, и одно явленіе повлечетъ за собою другое. Въ этомъ заключается отличіе феодальныхъ отношеній при Каролингахъ отъ тѣхъ же отношеній при Меровингахъ, когда на-лицо были уже всѣ составныя части феодализма, но существовали и проводились въ жизнь отдѣльно одна отъ другой.

Въ иномъ положеніи въ смыслѣ феодализма находилась островная Англія, гдѣ о настоящемъ феодализмѣ можно говорить послѣ 1066 года, когда Вильгельмъ, герцогъ Нормандіи, завоевавъ Англію, былъ провозглашенъ англійскимъ королемъ. Въ этой странѣ феодалы никогда не достигали той степени политической независимости, какой они добились на материкѣ. Главною причиною этого явленія была утвердившаяся въ Англіи сильная королевская власть, которая могла предупредить чрезмѣрное усиленіе феодаловъ двумя мѣрами: 1) Всѣ вассалы Англіи, на какой бы ступени зависимости они ни стояли, обязаны были принести присягу непосредственно королю, въ то время какъ на материкѣ вассалы второго порядка присягали лишь своему сеньёру. 2) Вильгельмъ Завоеватель не раздавалъ большихъ сплошныхъ территорій одному лицу, а жаловалъ отдѣльныя участки въ различныхъ графствахъ; конечно, такіе феодалы, имѣвшіе свои помѣстья въ нѣсколькихъ, иногда даже въ двадцати различныхъ графствахъ, не могли представлять серьезной политической опасности для англійскаго государя. Затѣмъ, и сельское населеніе въ Англіи, пользуясь правами довольно широкаго самоуправленія, сохранило нѣкоторую свободу, чего, какъ мы видѣли выше, не было на материкѣ.

Расцвѣтъ феодализма и рыцарство.

Когда бенефицій и должность превратились въ наслѣдственный феодъ, Каролинги перестали выбирать своихъ вассаловъ и назначать графовъ. Вассалы и графы образовали особую совершенно отдѣльную отъ королевской власти силу, которая имѣла свои собственные интересы; они присвоили себѣ тѣ права, которыя раньше имѣли отъ государства въ видѣ пожалованія. Однимъ словомъ, вассалы и графы сдѣлались настоящими государями. Когда это произошло, феодализмъ былъ законченъ.

Эпоха расцвѣта феодализма въ Западной Европѣ относится къ IX, X и XI вѣкамъ. Въ это время феодалы (графы и герцоги) пользовались королевскими правами въ своихъ владѣніяхъ. Прежде они судили отъ имени короля; теперь они судятъ отъ собственнаго имени; удерживаютъ для себя налоги и пошлины, которые раньше отправляли въ государственную казну, напр., пошлины торговыя, рыночныя, за проѣздъ черезъ мосты и т. д. Феодалы, наконецъ получили право производить наборъ войска и пользоваться имъ не для интересовъ и дѣла короля, а для веденія своихъ частныхъ междоусобныхъ войнъ. Такимъ образомъ, наиболѣе важными государственными правами феодаловъ въ эпоху расцвѣта феодализма были права судебныя, финансовыя и военныя.

Мы уже знаемъ, что въ сословномъ отношеніи феодализмъ характеризуется раздѣленіемъ общества на два рѣзко отличающіеся другъ отъ друга класса: 1) на полноправную землевладѣльческую аристократію и 2) на безправныхъ крѣпостныхъ крестьянъ-земледѣльцевъ, **вилланов** или **сервовъ**.

Феодальная эпоха выработала немало обычаевъ въ отношеніяхъ между сеньёрами и феодалами, на какой бы ступени они ни стояли. Вассалъ получалъ отъ своего сеньёра феодъ при извѣстной обстановкѣ. Обычно, будущій вассалъ, ставъ передъ жалующимъ феодъ на колѣни и положивъ свои руки въ его руки, объявлялъ себя его «человѣкомъ», т.-е. вассаломъ, что на феодальномъ языкѣ называлось hommagium

(hommage); затѣмъ, положивъ руку на Евангеліе или на ковчегъ съ мощами, онъ давалъ своему будущему сеньёру клятву въ вѣрности (fides); наконецъ, лицо, дающее феодъ, въ знакъ установленія новыхъ отношеній съ вассаломъ, вводило его во владѣніе феодомъ, передавая ему какой-либо предметъ, напр., кольцо, копье, перчатку, знамя, кусокъ дерева или, если вассаломъ было духовное лицо, посохъ; послѣдній обычай назывался инвеститурой.

Послѣ совершенія этихъ обрядовъ между сеньёромъ и вассаломъ устанавливались опредѣленныя обязательства. Обязанности вассала, касавшіяся военнаго и мирнаго времени, сводились къ слѣдующему: во время войны онъ долженъ являться на помощь своему сюзерену или сеньёру со своимъ отрядомъ и служить въ его войскѣ опредѣленное число дней, обычно не болѣе сорока; замокъ вассала въ военное время не принадлежалъ хозяину всецѣло, такъ какъ сюзеренъ могъ попросить у него ключи отъ замка и помѣстить въ немъ гарнизонъ. Въ мирное время вассалъ долженъ былъ по требованію сеньёра являться къ его двору, участвовать въ его судѣ, въ церковныхъ церемоніяхъ и т. д. Наконецъ, были обстоятельства, когда вассалъ долженъ былъ приходить на помощь своему сеньёру и деньгами, особенно въ четырехъ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда сеньёръ посвящалъ въ рыцари своего сына; 2) когда выдавалъ замужъ свою дочь; 3) когда попадалъ въ плѣнъ, и его нужно было выкупить, и, наконецъ, 4) когда отправлялся въ крестовый походъ.

Нѣкоторыя обязательства, конечно, несъ по отношенію къ своему вассалу и его сюзеренъ: онъ не могъ своевольно увеличивать количества условленнаго оброка или безъ причины отнимать феодъ, долженъ былъ защищать его противъ враговъ и вообще не имѣлъ права его притѣснять.

Духовенство, владѣя землею, жило въ совершенно такихъ же условіяхъ, какъ и свѣтскіе феодалы.

Само собою разумѣется, что при общей смутѣ и раздробленности феодальнаго времени всѣ вышеприведенныя обязательства далеко не всегда соблюдались въ жизни обѣими сторонами. Но тѣмъ не менѣе, эти обязательства имѣютъ большое

значеніе, какъ показатель того, что даже въ безпросвѣтное на первый взглядъ феодальное безвременье люди чувствовали необходимость въ извѣстномъ нравственномъ началѣ, а именно въ соблюденіи даннаго слова, клятвы вѣрности своему сеньёру, въ сознаніи того, что какъ вассалы, такъ и сеньёры должны имѣть извѣстныя обязанности по отношенію другъ къ другу. Эти моральныя основанія не затерялись совсѣмъ, не погибли въ феодальной смутѣ.

Не погибла окончательно въ это время и королевская власть. Король, лишенный цѣлаго ряда своихъ государственныхъ правъ, превратился фактически въ обыкновеннаго феодала. Нѣкоторые изъ феодаловъ были иногда даже сильнѣе короля. Но самая идея королевской власти пережила феодальную эпоху и позднѣе, при измѣнившихся условіяхъ, снова окрѣпла.

Особенное значеніе имѣетъ для феодальнаго времени церковный и божественный характеръ королевской власти. Съ царствованія Пипина Короткаго церковь короновала короля. Выходя изъ собора въ Реймсѣ, въ сѣверной Франціи, гдѣ обычно происходила коронація французскихъ королей, король становился уже помазанникомъ Божьимъ; на немъ была божественная печать. Неповиновеніе государю означало неповиновеніе Богу. Само собою разумѣется, что въ эпоху расцвѣта феодализма съ этимъ мало считались, и короли неоднократно переживали тяжелые и унизительные моменты. Но тѣмъ не менѣе, многіе въ глубинѣ своего сознанія чувствовали, что феодалъ-король, Божій помазанникъ, хотя и лишенный своей государственной власти, представлялъ собою не обычнаго феодала.

При почти постоянныхъ войнахъ и безначаліи каждый долженъ былъ заботиться о своей безопасности. Лучшимъ средствомъ для самозащиты феодала отъ своихъ враговъ являлся укрѣпленный замокъ. Послѣдній является однимъ изъ наиболѣе характерныхъ внѣшнихъ признаковъ феодализма.

Можно себѣ легко представить, въ какихъ тяжелыхъ условіяхъ приходилось жить въ феодальную эпоху сельскому населенію, вилланамъ или сервамъ, находившимся, въ большин-

ствѣ случаевъ, почти въ рабскомъ состояніи. Не имѣя права уйти съ земли, на которой крестьянинъ жилъ и которая продолжала считаться собственностью господина, крестьянинъ долженъ былъ за пользованіе ею платить господину опредѣленный оброкъ и отбывать барщину въ томъ видѣ и размѣрѣ, въ какомъ угодно было господину. Безъ разрѣшенія господина крестьянинъ не могъ вступать въ бракъ. При вопросѣ о наслѣдствѣ, если у крестьянина не было прямыхъ наслѣдниковъ, оно раньше цѣликомъ, а позднѣе частью переходило въ руки господина, но не въ руки родственниковъ умершаго крестьянина. Кромѣ того, крестьянинъ еще платилъ подушный налогъ.

Какъ было указано выше, въ экономическомъ отношеніи феодальная эпоха жила замкнутымъ домашнимъ или натуральнымъ хозяйствомъ, въ которомъ все необходимое производилось и потреблялось дома, т.-е. въ предѣлахъ того или другого феода, той или другой вотчины, и которое поэтому не нуждалось въ содѣйствіи другихъ хозяйствъ. У сеньёра въ замкѣ находились слуги, знакомые съ различными ремеслами; иногда онъ раздавалъ ремесленникамъ земельные участки, которыми они могли пользоваться для своихъ собственныхъ нуждъ, но подъ условіемъ выполненія опредѣленныхъ работъ, напр., сапожной, кузнечной, портняжной и т. п. О настоящей торговлѣ нечего было и думать. Карлъ Великій сдѣлалъ попытку создать промышленность въ своей странѣ и установить торговлю на основѣ обмѣна, для чего вступалъ въ сношенія съ иностранными народами. Но это была попытка личной воли Карла, не соотвѣтствовавшая общимъ условіямъ тогдашней жизни.

Съ этой стороны плоды дѣятельности великаго государя почти всѣ погибли послѣ его смерти въ феодальной смутѣ IX—XI вѣковъ, когда натуральное хозяйство являлось главнѣйшимъ экономическимъ факторомъ.

Ужасныя условія феодальной жизни безпокоили и печалили церковь, которая хотѣла притти на помощь страждущему населенію и по возможности облегчить его положеніе. Для этого церковью была сдѣлана благородная попытка установить, такъ

называемый, **Божій миръ** [1]), который долженъ былъ поддерживать миръ среди населенія и защищать слабыхъ противъ произвола сильныхъ. Кромѣ того, церковь установила **Божіе перемиріе**, обязывавшее всякаго христіанина воздерживаться отъ войны въ теченіе нѣсколькихъ дней каждой недѣли подъ угрозою отлученія отъ церкви. Конечно, подобныя церковныя предписанія далеко не всегда были дѣйствительны, такъ какъ феодалы имъ не повиновались, а у церкви не было силы принудить ихъ къ повиновенію.

Рыцарство [2]). Церковь не остановилась на предписаніяхъ Божьяго мира и Божьяго перемирія. Она понимала, что однихъ предписаній для грубыхъ и вѣчно враждовавшихъ феодаловъ недостаточно. Надо было воспитать феодальнаго воина въ иномъ духѣ, привить ему черты великодушія и благородства, сдѣлать изъ него защитника церкви и слабыхъ,—однимъ словомъ, внушить ему обязанности христіанина. Для этого церковь сдѣлала попытку вмѣшаться въ жизнь феодальнаго воина въ тотъ моментъ, когда онъ, достигнувъ опредѣленнаго возраста, пріобрѣталъ право носить шпагу и дѣлался рыцаремъ.

Рыцарь значитъ «конникъ, всадникъ» (отъ нѣмецкаго Ritter; по-французски chevalier).

Не церковь создала рыцарство, происхожденіе котораго теряется въ глубинѣ среднихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ, начало этого учрежденія имѣетъ, безъ сомнѣнія, свѣтскій и военный характеръ. Это есть врученіе оружія (инвеституура), которое дается сыну знатнаго человѣка, достигшему боевого возраста. Рыцари, за немногими исключеніями, были лишь изъ знати; въ рѣдкихъ случаяхъ рыцарями дѣлались люди болѣе низкаго положенія, даже сервы; но это было исключеніемъ, и на нихъ современники смотрѣли съ нѣкоторымъ удивленіемъ

---

[1]) Для чтенія: Статьи 73 и 74 въ Исторіи среднихъ вѣковъ. *М. Стасюлевича* (т. II).

[2]) Для чтенія: *Е. Щепкинъ*. Рыцарство въ Книгѣ для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. *П. Виноградова*, вып. II, ст. 45. Статья «Турниръ» въ Истор. хрестоматіи *Нейкирха и Кулжинскаго*. *Тарасовъ и Моравскій*. Культурно-историческія картины изъ жизни Зап. Европы IV—XVIII вѣковъ. *Е. Ефимовъ*. Рыцарство.

и смущеніемъ. Всѣ знатные имѣли право быть рыцарями, но не всѣ ими были; рыцаремъ дѣлался лишь тотъ, кто получалъ инвеституру отъ другого знатнаго. Только позднѣе церковь въ лицѣ священнослужителя также получила право посвящать въ рыцари.

Дѣтство будущихъ рыцарей проходило преимущественно въ физическомъ воспитаніи. Съ дѣтства они занимались фехтованіемъ, бились на мечахъ, копьяхъ и палкахъ; съ дѣтства же они охотились съ собаками и соколами. Духовное воспитаніе состояло, главнымъ образомъ, въ ознакомленіи мальчика съ ученіемъ Христа и заповѣдями добраго рыцаря. Не

Рис. 34. Посвященіе въ рыцари. По миніатюрѣ, заимствованной изъ Оксфордскаго кодекса.

всѣ рыцари были даже обучены грамотѣ, и рѣдкій изъ нихъ умѣлъ читать по-латыни.

Раньше чѣмъ сдѣлаться рыцаремъ, молодой дворянинъ проводилъ нѣкоторое время при дворѣ сеньёра въ качествѣ оруженосца. Это были, такъ называемые, «дамуазо» (франц. слово damoiseau — барчукъ, дворянчикъ). Въ опредѣленный возрастъ молодой человѣкъ дѣлался рыцаремъ, т.-е. получалъ инвеституру или право носить мечъ. Этотъ важнѣйшій фактъ въ жизни рыцаря происходилъ при соблюденіи извѣстной церемоніи. Главнымъ моментомъ послѣдней былъ ударъ ладонью по шеѣ (по-французски la colée), который посвящающій давалъ посвящаемому. Кромѣ меча, посвящаемому ры-

царю вручали панцырь, шлемъ и копье. Сразу же въ присутствіи собравшихся на церемонію, онъ долженъ былъ показать собранію свою силу и свою ловкость; онъ долженъ былъ вскочить на своего коня, пустить его галопомъ и на ходу попасть въ какую-нибудь цѣль. Вотъ каково было торжество, чисто военное и свѣтское, посвященія въ рыцари. На средневѣковомъ языкѣ выраженія «надѣть воинскій поясъ» или «опоясать мечомъ» обозначали «сдѣлать рыцаремъ». Надо сказать, что не всѣ вассалы стремились быть рыцарями; рыцарство требовало немалыхъ расходовъ; и во избѣжаніе послѣднихъ, нѣкоторые вассалы предпочитали на всю жизнь оставаться «дамуазо».

Между рыцарствомъ и феодализмомъ существуетъ тѣсная связь. Рыцарь соотвѣтствуетъ вассалу, и рыцарскій возрастъ одинаковъ съ годами феодальнаго совершеннолѣтія. Во владѣніе феодомъ вступаютъ съ того момента, когда владѣльца опоясываютъ мечомъ. Совершеннолѣтній возрастъ не вездѣ былъ одинаковъ; онъ мѣнялся въ зависимости отъ мѣстности и обстоятельствъ. Только позднѣе, въ XIII вѣкѣ, наиболѣе принятымъ для совершеннолѣтія возрастомъ сдѣлался двадцать одинъ годъ. Такимъ образомъ, рыцарь и вассалъ часто совпадали; у нихъ былъ одинъ и тотъ же покровитель.

Рыцари жили сначала въ скромныхъ деревянныхъ замкахъ, а начиная съ XII вѣка, въ сложныхъ каменныхъ, часто почти неприступныхъ строеніяхъ, занимаясь войною, охотою и турнирами. Первоначально подъ турниромъ разумѣли примѣрное сраженіе, гдѣ сталкивались два рыцарскихъ войска. Но обычно въ средніе вѣка турниръ былъ поединкомъ двухъ рыцарей въ присутствіи многочисленной разодѣтой толпы. Забава эта была всегда опасна для жизни участниковъ, которые нерѣдко находили въ турнирѣ смерть или подвергались тяжелымъ пораненіямъ.

У рыцаря еще до вмѣшательства церкви были свои моральныя обязательства, которыя обычно выражались двумя словами: «Будь храбръ». Это не значило, что вновь посвященный рыцарь долженъ быть лишь сильнымъ, храбрымъ, упорнымъ и прекраснымъ воиномъ; онъ долженъ выказывать въ

отношеніи своихъ противниковъ нѣкоторое великодушіе, напр., не поражать безоружнаго врага; онъ долженъ былъ оставаться вѣрнымъ своему сюзерену и чувствовать признательность къ тому лицу, отъ котораго онъ получилъ мечъ. Но въ бурное и жестокое время феодализма эти моральныя требованія отъ рыцаря забывались и не соблюдались. Французскія былины о дѣяніяхъ героевъ феодальной эпохи, такъ называемыя chansons de geste, изъ которыхъ древнѣйшія черпали свои свѣдѣнія изъ преданій IX и X вѣковъ, рисуютъ яркими красками дикіе нравы феодаловъ. Они безжалостно грабятъ, разрушаютъ и сжигаютъ селенія, дома, церкви и монастыри, безчеловѣчно убиваютъ женщинъ, дѣтей, монаховъ и монахинь, глумятся надъ религіей и храмами. Видя подобную разнузданность феодаловъ-рыцарей, церковь и рѣшила вмѣшаться въ рыцарскія отношенія, облагородить ихъ и сдѣлать изъ рыцаря типъ христіанскаго воина.

Въ чисто свѣтскую церемонію врученія меча посвящаемому рыцарю вводится религіозно-церковный элементъ. Оружіе будущаго рыцаря кладется на алтарь сосѣдней церкви; священникъ или епископъ торжественно освящаетъ оружіе. Самъ посвящаемый также долженъ подготовиться къ важному факту своего посвященія, при чемъ это подготовленіе носитъ также религіозный характеръ. Обмывшись и очистившись, такимъ образомъ, отъ скверны прошедшихъ грѣховъ, молодой дворянинъ облекается въ бѣлое одѣяніе; ночь наканунѣ полученія меча онъ проводитъ въ церкви въ размышленіи и молитвѣ; этотъ обычай называется «ночной стражей», «ночнымъ бдѣніемъ»; наконецъ, утромъ, въ торжественный день посвященія, онъ слушаетъ обѣдню. Позднѣе церковь будетъ допускать къ посвященію въ рыцари только лицъ исповѣдавшихся и причастившихся.

Большое и, пожалуй, самое важное измѣненіе въ сравненіи съ прошлымъ надо видѣть въ этотъ періодъ развитія рыцарства въ томъ, что священникъ или епископъ не только благословлялъ оружіе «новаго воина» (novus miles), но и облекалъ имъ посвящаемаго, что прежде, какъ мы уже видѣли, дѣлало свѣтское лицо.

Разъ рыцарь попалъ въ Христово воинство, его обязанности должны были умножиться и усложниться. Къ обязанностямъ военнымъ и феодальнымъ, о которыхъ рѣчь была выше, присоединились обязанности, налагаемыя церковью. На первомъ планѣ стоитъ охрана церкви и борьба за вѣру съ невѣрными. Церковь, вручая мечъ будущему рыцарю, говорила: «Получай этотъ мечъ во имя Отца и Сына и Святого Духа и пользуйся имъ для защиты себя и Святой Церкви и для пораженія враговъ Христа и христіанской вѣры». Рыцарь

Рис. 35. Рыцарь и его оруженосцы (къ 1190 г., изъ миніатюръ Генуэзской хроники).

являлся защитникомъ слабыхъ, вдовъ и сиротъ. Настоящій рыцарь долженъ былъ говорить: «Если кто тронетъ малыхъ сихъ или ихъ земли, то вотъ этотъ мечъ отрубитъ головы измѣнникамъ и разбойникамъ». Купцы и паломники также должны были пользоваться покровительствомъ рыцарей. Горячая любовь къ родинѣ и, особенно съ эпохи крестовыхъ походовъ, непоколебимое мужество въ борьбѣ съ сарацинами являлись также необходимыми заповѣдями рыцарства. Воины XIII вѣка говорили: «Если бы мы были въ раю, мы спустились

бы, чтобы сражаться съ сарацинами». Рыцари должны были оставаться вѣрными своему вассалу, говорить правду, держать свое данное слово и творить обильную милостыню, т.-е. быть щедрыми. Одной изъ рыцарскихъ заповѣдей было бороться противъ зла и защищать добро. Римская церковь говорила: «Рыцарь, мсти за несправедливость и утверждай добрый порядокъ; тогда и ты, живой образъ Христа, будешь вѣчно царить на небеси со своимъ божественнымъ Первообразомъ!»

Смерть на полѣ сраженія, особенно въ борьбѣ съ невѣрными на защиту христіанства, было лучшимъ завершеніемъ жизни рыцаря.

Переломъ въ рыцарской жизни, въ бытѣ, характерѣ, нравахъ, совершился въ эпоху крестовыхъ походовъ. Увлекшись идеей борьбы противъ невѣрныхъ и славою грядущихъ смѣлыхъ подвиговъ, а также мечтая объ освобожденіи Гроба Господня и Святыхъ Мѣстъ, рыцари, на ряду съ другими сословіями, приняли дѣятельное участіе въ крестоносномъ движеніи на Востокъ. Познакомившись съ богатою цивилизаціей Византіи и мусульманскаго Востока, рыцари открыли для себя новый міръ обычаевъ и идей и увидѣли совершенно иной складъ жизни, по своей утонченности, удобствамъ и роскоши ничего общаго не имѣвшій съ грубою матеріальною и духовною обстановкою рыцарской жизни на Западѣ. Рыцари уже не могли довольствоваться тѣмъ, что было у нихъ раньше. Перерожденіе рыцарства совершилось не сразу. Въ XII вѣкѣ новыя идеи созрѣвали, развивались, крѣпли и къ XIII вѣку создали видоизмѣненное рыцарство, которое въ этомъ вѣкѣ и пережило наиболѣе блестящую эпоху своего существованія.

Во время крестовыхъ походовъ рыцари во многихъ отношеніяхъ измѣнили свои прежнія воззрѣнія. Столкнувшись лицомъ къ лицу съ невѣрными мусульманами—сарацинами, борьба съ которыми была одною изъ самыхъ важныхъ рыцарскихъ заповѣдей, рыцари увидѣли, что передъ ними были вовсе не нетерпимые, жестокіе, безнравственные и невѣжественные люди, какими они изображались на Западѣ. Въ дѣйствительности мусульмане—сарацины относились къ христіанамъ терпимѣе, чѣмъ христіане къ нимъ, оставляли въ

цѣлости христіанскіе храмы, часто проявляли милосердіе къ иновѣрцамъ, были рыцарски великодушны и отважны и, наконецъ, по своей цивилизаціи безусловно превосходили современный крестовымъ походамъ Западъ. Религіозная нетерпимость у рыцарей стала слабѣть, и они начали, мало-по-малу, уходить изъ-подъ преобладающаго вліянія церкви. Подобно другимъ участникамъ крестоносныхъ ополченій, не считая конечно, самой церкви, рыцари были охвачены новыми житейскими, свѣтскими интересами, которые и заняли преобладающее мѣсто въ ихъ измѣнившейся жизни.

Еще въ одномъ отношеніи крестовые походы оказали важное вліяніе на рыцарство. Какъ извѣстно, у себя на родинѣ феодалы жили отдѣльно одинъ отъ другого, въ почти безпрерывной враждѣ; они, можно сказать, не знали другъ друга и какихъ-либо общихъ интересовъ не имѣли. Въ крестоносномъ движеніи многочисленные феодалы-рыцари встрѣтились въ одномъ общемъ предпріятіи, которое вело ихъ къ одной высокой цѣли, познакомились другъ съ другомъ и почувствовали необходимость выработать какія-либо общія правила для своей жизни и взаимныхъ отношеній. Подъ вліяніемъ знакомства съ восточною цивилизаціей въ основу ихъ новаго рыцарскаго идеала легла «благовоспитанность». Во главѣ этого новаго «благовоспитаннаго», утонченнаго рыцарства стала Франція, откуда его идеалы стали распространяться по другимъ странамъ Западной Европы. Рыцарство стало разноязычнымъ, интернаціональнымъ.

Немало помогли распространенію рыцарскихъ взглядовъ и образовавшіеся въ эпоху крестовыхъ походовъ духовно-рыцарскіе ордена, іоаннитовъ или госпиталіеровъ, тампліеровъ или храмовниковъ и тевтонскій или нѣмецкій, которые преслѣдовали какъ благотворительныя, такъ и политическія цѣли.

Сильно разбогатѣвъ различными способами и потерявъ послѣ неудачи крестовыхъ походовъ и перехода Святыхъ Мѣстъ обратно къ мусульманамъ арену своей дѣятельности на Востокѣ, ордена переѣхали въ Европу и зажили тамъ жизнью, почти ничѣмъ не отличавшеюся отъ жизни свѣтскихъ сеньёровъ.

Типъ прежняго рыцаря, отважнаго, воинственнаго, грубаго, нерѣдко жестокаго исчезъ. Рыцарь уже пересталъ сидѣть одиноко въ своемъ плохо устроенномъ замкѣ. При дворахъ сеньёровъ, охваченныхъ новымъ духомъ, собирались другіе рыцари. Появились впервые общественные центры, въ которыхъ начали играть большую роль женщины. Рыцарь обычно выбиралъ какую-либо даму и, объявивъ себя ея поклонникомъ, совершалъ во славу своей избранницы рядъ подвиговъ и поступковъ, иногда съ нашей точки зрѣнія смѣшныхъ и нелѣпыхъ. Южно-французскіе трубадуры воспѣвали любовь рыцаря къ его дамѣ. Это былъ такъ называемый «культъ дамы», т.-е. почитаніе, обожаніе дамы. Затѣмъ, упадку прежняго рыцарства содѣйствовали также богатства, пріобрѣтенныя рыцарями, особенно въ духовно-рыцарскихъ орденахъ. На видное мѣсто у рыцарей выступаютъ такія черты, какъ алчность и жажда удовольствій. Воинскіе подвиги перестали ихъ интересовать, такъ какъ въ войнѣ можно лишиться пріобрѣтенныхъ жизненныхъ благъ. Жизнь новаго рыцаря протекала во дворцахъ, а не на полѣ брани; вмѣсто войны было «служеніе дамѣ». Уже въ литературѣ XIII вѣка появляются насмѣшки надъ бытомъ и нравами рыцарей того времени.

XIV вѣкъ, казалось, снова возродилъ прежніе военные идеалы доблестнаго рыцарства. Началась Столѣтняя война между Франціей и Англіей, выдвинувшая національный вопросъ. Сознавая въ высокомъ патріотическомъ подъемѣ свое національное единство, олицетвореніемъ котораго явилась Жанна д'Аркъ, Франція побѣдила Англію и вытѣснила ее, если не считать города Калэ, съ материка Европы. Рыцарская доблесть снова ожила какъ у французовъ, такъ и у англичанъ. Французскій историкъ XIV вѣка Фруассаръ, главный источникъ для Столѣтней войны, писалъ, радуясь тому, что родился въ эпоху расцвѣта военнаго рыцарства, слѣдующее: «Я родился на свѣтъ заодно съ подвигами и приключеніями». Дѣйствительно, немало военныхъ подвиговъ было совершено въ XIV вѣкѣ французскими и англійскими рыцарями. Самъ англійскій король Эдуардъ III являлъ собою типъ настоящаго рыцаря.

Но это возрожденіе рыцарства въ XIV вѣкѣ было лишь кажущимся. Къ концу того же XIV вѣка стало замѣтно сильное паденіе рыцарства, и на этотъ разъ паденіе его было окончательнымъ.

Причинъ для этого было немало. Рыцарство имѣло преобладающее значеніе благодаря богатству, политической власти надъ населеніемъ своихъ помѣстій и, наконецъ, благодаря военной силѣ. Въ XIV, а особенно въ XV вѣкѣ многое въ этомъ отношеніи измѣнилось. Богатства перешли отъ феодаловъ-рыцарей въ разбогатѣвшіе свободные города, въ руки горожанъ-купцовъ. Усилившаяся королевская власть, особенно во Франціи, и окрѣпшіе города сломили политическую власть феодаловъ. Наконецъ, преобразованіе войска въ Англіи въ смыслѣ строя, гдѣ главную роль стала играть пѣхота, появленіе постояннаго войска во Франціи и изобрѣтеніе огнестрѣльнаго оружія сдѣлали рыцарскій строй и рыцарскіе пріемы войны совершенно несостоятельными. Противъ огнестрѣльнаго, хотя бы и очень еще несовершеннаго оружія рыцарь со своимъ мечомъ или копьемъ ничего сдѣлать не могъ. Извѣстно, что въ сраженіи при Креси въ 1346 году, во время Столѣтней войны, англичане стрѣляли уже изъ пушекъ и хотя послѣдніе больше производили шума, чѣмъ ущерба, тѣмъ не менѣе грохотъ ихъ наводилъ ужасъ на рыцарей. Извѣстный намъ писатель Фруассаръ, побывавшій въ Англіи на склонѣ своихъ лѣтъ въ концѣ XIV вѣка, писалъ, что въ Англіи въ то время уже отмѣчали исчезновеніе рыцарства въ такихъ выраженіяхъ: «Куда дѣвались великія предпріятія и мощные рыцари, чудныя битвы и дивныя завоеванія? Гдѣ найти рыцарей, способныхъ на что-либо подобное?»

Рыцарство, утративъ смыслъ своего существованія, мало-по-малу, стало терять тѣ нравственные устои и начала, которыми оно такъ сильно въ былое время гордилось. Случаи разбоевъ и грабежей стали не рѣдки у рыцарей. Итакъ, какъ сословіе жизнеспособное, рыцарство разложилось уже къ концу XIV вѣка и превратилось постепенно въ дворянское достоинство, которое государями жаловалось за заслуги, за выслугу лѣтъ или за деньги.

Рыцарство въ эпоху грубаго феодализма, несмотря на свои нѣкоторыя темныя стороны, внесло, тѣмъ не менѣе, въ средневѣковую жизнь новыя и, надо сказать, положительныя начала. Церковь нашла въ рыцарствѣ, особенно въ началѣ эпохи Крестовыхъ походовъ, энергичнаго помощника въ борьбѣ съ невѣрными. Затѣмъ, рыцари были носителями идеи защиты слабыхъ противъ сильныхъ, что являлось, даже принимая въ расчетъ многочисленные примѣры несоблюденія рыцарями этого правила, большимъ шагомъ впередъ среди огрубѣлыхъ феодальныхъ нравовъ, когда право сильнаго стояло на первомъ планѣ. Подобное доброе отношеніе рыцарства къ слабымъ, забитымъ, не находившимъ въ своемъ безправіи защиты, людямъ будило новыя, хорошія чувства въ народѣ и вызывало любовь и уваженіе къ благородному рыцарю.

Рыцарство второго періода, уже познакомившееся съ развитою цивилизаціей Византіи и мусульманскаго Востока и не удовлетворявшееся прежними условіями жизни у себя дома, внесло въ Европу замѣтное облагороженіе нравовъ. Рыцари ввели благовоспитанность, вѣжливое обхожденіе, вступались за вдовъ и сиротъ и подняли положеніе женщины, которая съ тѣхъ поръ стала играть видную роль въ общественной жизни. Измѣненіе было внесено рыцарствомъ и въ войну, которая перестала быть обычнымъ средствомъ разбоя и грабежа. Рыцари вели иногда войны во имя какой-либо высшей цѣли, напримѣръ, во имя религіи, сражаясь противъ невѣрныхъ, или во имя справедливости, желая наказать насильника, и т. д. Самый способъ войны нѣсколько измѣнился. Уменьшились примѣры звѣроподобнаго нападенія одного врага на другого. Появился обычай поединка, когда одинъ открыто выходилъ противъ другого съ одинаковымъ оружіемъ въ рукахъ; рыцарь уже не нападалъ на беззащитнаго.

Война облагородилась и стала человѣчнѣе (гуманнѣе). Во вторую половину среднихъ вѣковъ, особенно во Франціи, гдѣ создалось единое французское государство съ сильною властью короля, рыцари уже чувствуютъ отечество; они бьются не только за свои интересы и за свою землю, какъ было раньше, а за честь и славу своей «милой» Франціи.

Рыцарскіе идеалы, мечты и стремленія нашли прекрасное отраженіе въ рыцарской поэзіи, о которой рѣчь будетъ ниже. Таково въ общихъ чертахъ значеніе рыцарства.

Средневѣковое рыцарство исчезло; но нѣкоторые изъ его идеаловъ и мыслей перешли въ новое время, и съ ними придется встрѣтиться на страницахъ новой исторіи.

Разложеніе феодализма.

Феодализмъ въ Западной Европѣ, окончательно установившійся въ X—XI вѣкахъ, имѣлъ сильное вліяніе на ходъ событій въ XII и XIII вѣкахъ; но уже послѣ этого, въ XIV—XV вѣкахъ, феодализмъ окончательно вступилъ въ эпоху своего паденія. Главными силами, сломившими феодальные устои, были усилившаяся королевская власть и разбогатѣвшіе города. Нѣкоторое значеніе въ процессѣ упадка феодализма имѣли также измѣненія въ положеніи сельскаго крѣпостного населенія въ смыслѣ его постепеннаго, хотя и неполнаго раскрѣпощенія.

Развитіе новыхъ типовъ государственнаго устройства. Исторія трехъ наиболѣе важныхъ западно-европейскихъ государствъ средневѣковья—Франціи, Англіи и Германіи, развиваясь далеко не въ одинаковыхъ условіяхъ, дала въ результатѣ три типа различнаго государственнаго устройства: абсолютную монархію во Франціи, ограниченную парламентомъ монархію въ Англіи и княжевластіе въ Германіи.

Абсолютная монархія во Франціи. Во время полнаго расцвѣта феодальной смуты во Франціи въ IX и особенно въ X вѣкѣ, какъ было уже замѣчено выше, идея королевской власти не погибла. На многихъ лишенный почти всякой власти, но помазанникъ Божій, король имѣлъ нѣкоторое моральное вліяніе. Послѣдніе три Каролинга смогли даже, несмотря на призрачность своей власти, удержать королевское званіе въ прямой линіи своей семьи: послѣ отца правилъ сынъ, а за нимъ внукъ. Наконецъ, въ 987 году умеръ послѣдній государь изъ дома Каролинговъ, Людовикъ Лѣнивый, о которомъ лѣтопись замѣчаетъ, что онъ ничего не сдѣлалъ (qui nihil fecit).

Владѣнія послѣдняго Каролинга заключались почти въ одномъ городѣ Лаонѣ. На престолъ былъ избранъ Гуго Капетъ, герцогъ французскій, представитель дома Робертинцевъ, который уже давно выдавался среди другихъ феодальныхъ фамилій. Робертинцы владѣли территоріей въ центрѣ Франціи, по среднему теченію рѣки Сены, и особенно отличились въ глазахъ народа своей отважной и упорной борьбою противъ норманновъ, которые въ IX вѣкѣ по Сенѣ дошли до Парижа и осадили его, а въ 911 году основали въ устьяхъ Сены норманское герцогство съ главнымъ городомъ Руаномъ. Народъ, сравнивая трусливую и подчасъ унизительную политику Каролинговъ, особенно Карла Толстаго, въ отношеніи къ норманнамъ, невольно сочувствовалъ Робертинцамъ и видѣлъ въ нихъ настоящихъ защитниковъ страны. Главные и наиболѣе вліятельные представители духовенства также стали на ихъ сторону. Гуго Капетъ Робертинецъ былъ избранъ, коронованъ и началъ собою знаменитую въ лѣтописяхъ Франціи династію Капетинговъ.

Невелики были владѣнія Капетинговъ въ моментъ избранія ихъ королями Франціи. Въ ихъ власти находились лишь два города, Парижъ и Орлеанъ съ округами. Они, такимъ образомъ, не принадлежали къ числу крупныхъ французскихъ феодаловъ. Наиболѣе сильными феодалами во Франціи, почти непрерывно враждовавшими другъ съ другомъ и нещадно разорявшими страну, были: на сѣверѣ—графъ фландрскій, на западѣ—герцоги нормандскій, бретанскій и аквитанскій, на югѣ—графъ тулузскій, на востокѣ—герцогъ бургундскій, въ серединѣ Франціи—графы шампанскій и анжуйскій. Большинство изъ этихъ феодаловъ были сильнѣе избраннаго короля Гуго Капета, герцога Парижскаго.

Но Капетинги, сдѣлавшись государями, поставили себѣ совершенно опредѣленную задачу, а именно: создать единую Францію съ сильною королевскою властью во главѣ. Главнымъ и на первый взглядъ непреодолимымъ препятствіемъ къ достиженію подобной цѣли являлись, конечно, могучіе феодалы, сами независимые государи въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ и, конечно, не желавшіе поступаться своими правами въ пользу

болѣе слабаго феодала-короля. Столкновеніе между королями и феодалами было неминуемо.

Въ моментъ своего вступленія на французскій престолъ Капетинги владѣли лишь Парижемъ и Орлеаномъ съ округами, т.-е. областью Иль-де-Франсъ. Центральное положеніе ихъ владѣній среди другихъ феодальныхъ территорій не было достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы они, открывая борьбу съ феодалами, могли расчитывать на успѣхъ. Капетингамъ прежде всего нужны были союзники, которые видѣли бы въ феодалахъ также своихъ враговъ. Такими союзниками оказались духовенство, а нѣсколько позднѣе города. Духовенство, владѣвшее на ряду со свѣтскими лицами земельными угодьями, подвергалось нападеніямъ болѣе сильныхъ феодаловъ, противъ которыхъ у нихъ не было силы бороться. Съ другой стороны, разбогатѣвшіе города, одинаково страдавшіе отъ произвола феодаловъ и стремившіеся освободиться отъ феодальной зависимости, не могли добиться этого безъ посторонней помощи. Поэтому духовенство и горожане сплотились около короля, такъ какъ понимали, что интересы послѣдняго также сводились къ борьбѣ съ ихъ общимъ врагомъ—феодаломъ. Конечно, подобный союзъ случился не сразу. Да и вообще цѣль Капетинговъ, этихъ собирателей французской земли, могла быть достигнута лишь мало-по-малу, постепенно.

Прежде всего Капетинги должны были обратить вниманіе не на крупныхъ феодаловъ, съ которыми у нихъ не было средствъ вступать въ борьбу, а на феодаловъ, жившихъ въ собственной области Капетинговъ, Иль-де-Франсъ; послѣдніе, владѣя укрѣпленными замками, не обращали вниманія на королей, которые иногда даже не рисковали выѣзжать изъ своего замка. Такимъ образомъ, первою задачею первыхъ Капетинговъ было подчинить своей власти феодаловъ Иль-де-Франса. Уже въ XI вѣкѣ при второмъ Капетингѣ Робертѣ I и четвертомъ—Филиппѣ I нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ Иль-де-Франса перешли въ руки королей. Политика присоединеній была при нихъ, можно сказать, открыта. Сынъ и преемникъ Филиппа I, Людовикъ VI Толстый,

правившій въ первой половинѣ XII вѣка, закончилъ дѣло своего отца. Путемъ покупки завоеванія, отобранія въ казну (конфискаціи) или обмѣна онъ покончилъ съ непокорными феодалами своей области и сталъ полнымъ господиномъ Иль-де-Франса. Укрѣпленные замки были разрушены; башни снесены; разбои феодаловъ прекратились; дороги стали безопаснѣе; крестьянинъ вздохнулъ спокойнѣе.

Въ своей борьбѣ съ феодалами Людовикъ VI особенно опирался на помощь городовъ, жалуя послѣднимъ за содѣйствіе грамоты, устанавливавшія въ городахъ внутреннее самоуправленіе, о чемъ рѣчь будетъ ниже. Помогало Людовику VI и духовенство, доставляя ему войско; въ награду за это король защищалъ церковь отъ феодальнаго разбоя, бралъ себѣ въ совѣтники лицъ духовнаго званія, напримѣръ Сугерія, раздавалъ земли церкви и покровительствовалъ монастырямъ.

Попытки Людовика VI вступить въ борьбу съ крупными феодалами успѣха не имѣли. Но въ данномъ случаѣ важно отмѣтить рѣшимость государя, осмѣлившагося поднять противъ нихъ голову.

Итакъ, заслуга Людовика VI заключается въ подчиненіи своей власти феодаловъ Иль-де-Франса, въ созданіи плотнаго, хотя и небольшого основанія, на которомъ преемники Людовика VI построятъ крѣпкое зданіе единаго французскаго государства. Разложеніе феодализма во Франціи началось съ области самихъ Капетинговъ.

Въ борьбѣ съ крупными феодалами королямъ помогала ихъ разрозненность и постоянная вражда между собою. Феодалы, не понявъ грозившей имъ опасности, не отложили въ сторону свои междоусобныя распри и, дѣйствуя вразбродъ, облегчили задачу Капетинговъ.

Начало правленія преемника Людовика VI, его сына Людовика VII (1137—1180), обѣщало крупное усиленіе королевской власти. Онъ былъ женатъ на Элеонорѣ, наслѣдницѣ аквитанскаго герцогства, т.-е. всего юго-запада Франціи, отъ Луары до Пиренеевъ. Король французскій сдѣлался одновременно герцогомъ аквитанскимъ. Это обстоятельство являлось серьезною угрозою для другихъ феодаловъ. Но послѣ возвращенія

изъ крестоваго похода король развелся съ Элеонорой которая послѣ этого вышла замужъ за Генриха Плантагенета, графа Анжу и герцога норманскаго, т.-е. владѣтеля земель къ сѣверу отъ Луары до береговъ Ламанша, и принесла ему въ приданое Аквитанію. Совершенно неожиданно Людовикъ VII получилъ въ лицѣ Генриха Плантагенета крупнѣйшаго феодала, владѣнія котораго шли отъ береговъ Нормандіи до Пиренеевъ. Весь западъ Франціи соединился подъ властью одного феодала. Черезъ нѣкоторое время Генрихъ Плантагенетъ сдѣлался королемъ Англіи. Положеніе еще болѣе осложнилось, такъ какъ англійскій король былъ въ то же время самымъ сильнымъ французскимъ феодаломъ. Такого могущественнаго феодала Франція еще не видала. Новыя условія внесли и новыя задачи въ дальнѣйшую политику Капетинговъ: они должны были бороться не только съ французскими феодалами, но и съ Англіей.

Тяжелое наслѣдство отъ отца получилъ преемникъ Людовика VII, Филиппъ II Августъ (1180—1223), который, однако, блестяще справился съ поставленною ему трудною задачею. Главное вниманіе было направлено Филиппомъ II на Англію. Отъ англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, послѣ сраженія при Бувинѣ въ 1214 году, онъ окончательно получилъ Нормандію и области Анжу и Пуату на югъ до рѣки Гаронны. На сѣверѣ Филиппъ II захватилъ часть фландрскаго герцогства. Бретань признала свою зависимость отъ Филиппа, т.-е. его сюзеренитетъ.

Филиппъ II и по взглядамъ своимъ не подходилъ къ феодальнымъ условіямъ жизни. Онъ имѣлъ высокое представленіе о королевской власти и смотрѣлъ на всѣхъ другихъ французскихъ феодаловъ, включая и англійскаго короля, какъ на своихъ вассаловъ, которые должны исполнять его волю. Въ дѣйствительности, конечно, этого не было. Когда Филиппъ II потребовалъ къ себѣ на судъ, какъ своего вассала, англійскаго короля Іоанна Безземельнаго, послѣдній и не подумалъ явиться. Но подобная точка зрѣнія Филиппа II характерна, какъ показатель той силы, которую французскіе короли уже чувствовали за собой.

Во внутреннемъ управленіи Филиппъ II также выказалъ антифеодальныя начала. Для управленія новымъ разросшимся государствомъ Филиппъ установилъ цѣлый рядъ правителей и чиновниковъ, всецѣло зависимыхъ отъ королевской власти; король ихъ назначалъ и, когда находилъ нужнымъ, смѣщалъ. Изъ чиновниковъ при немъ особенно выдвинулись бальи (baillis), которые отъ имени короля управляли въ провинціи, судили и собирали подати. Королевскій совѣтъ, или королевская курія, состояла также изъ лицъ совершенно зависимыхъ отъ короля, который не былъ связанъ мнѣніемъ совѣта. Отсюда видно, что Филиппъ старался сосредоточить всю власть въ своихъ рукахъ. Это было началомъ централизаціи власти, т.-е. началомъ, совершенно противоположнымъ принципамъ феодализма. Во время Филиппа II феодализмъ потерпѣлъ первое серьезное пораженіе во Франціи.

Преемникъ Филиппа II, Людовикъ VIII, окончивъ начатую еще при первомъ войну противъ альбигойцевъ, присоединилъ къ Франціи южно-французскую область Лангедокъ, т.-е. графство тулузское съ главнымъ городомъ Тулузой. Еще однимъ крупнымъ феодаломъ стало меньше.

При слѣдующемъ государѣ, Людовикѣ IX Святомъ (1226–1270) королевская власть сдѣлала еще шагъ впередъ. Этотъ государь особое вниманіе обратилъ на судопроизводство; онъ устроилъ судебныя палаты, или парламенты, гдѣ засѣдали и творили судъ преданные королю совѣтники. Вліяніе короля на рѣшеніе судебныхъ дѣлъ было очень велико.

Большую опору нашли французскіе короли, особенно со времени Людовика IX, въ легистахъ, какъ назывались въ средніе вѣка знатоки римскаго права, изученіе котораго возродилось въ Италіи въ XII вѣкѣ и оттуда перешло въ другія страны. Людовикъ пригласилъ легистовъ въ свои суды, думая найти въ нихъ людей лишь болѣе опытныхъ при разборѣ дѣлъ и болѣе справедливыхъ на судѣ, чѣмъ были феодалы. Но явившись во Францію и получивъ тамъ большое вліяніе, легисты неожиданно сыграли важную политическую роль. Они доказывали на основаніи римскаго права, что власть государя должна быть неограниченной; послѣднее со-

впадало, какъ нельзя лучше, со стремленіями Капетинговъ и наносило новый ударъ и безъ того уже расшатанному феодализму. Такимъ образомъ, время Людовика IX значительно урѣзало прежнія судебныя привилегіи феодаловъ и укрѣпило идею о неограниченной королевской власти.

Филиппъ IV Красивый (1285—1314) шелъ дальше по пути централизаціи власти. Онъ упорядочилъ финансы устроеніемъ болѣе правильнаго поступленія государственныхъ доходовъ въ казну при помощи своихъ финансовыхъ чиновниковъ; кромѣ того, онъ ввелъ опредѣленную денежную подать со всѣхъ классовъ населенія, т.-е., другими словами, установилъ систему налоговъ вмѣсто прежней довольно неопредѣленной феодальной помощи. Подобное объединеніе финансовой жизни страны въ рукахъ короля являлось полною противоположностью феодальнымъ обычаямъ. Не надо забывать, что при томъ же Филиппѣ IV были созваны впервые для совѣщанія о податяхъ «генеральные штаты», т.-е представители не только двухъ высшихъ классовъ населенія, дворянства и духовенства, но и горожанъ. Послѣднее обстоятельство обозначало, что государь настолько уже не обращалъ вниманія на феодальные интересы, что для совѣщанія о государственныхъ дѣлахъ пригласилъ сословіе, завѣдомо враждебное феодаламъ и немало помогшее королю въ его борьбѣ съ ними. Легисты и при Филиппѣ IV продолжали пользоваться большимъ вліяніемъ.

При Филиппѣ IV Капетинги достигли высшей степени своей силы и славы. Въ 1328 году окончилась династія Капетинговъ. При первыхъ четырехъ представителяхъ слѣдующей династіи Валуа дѣло Капетинговъ нѣсколько пріостановилось. Сами Валуа стояли на сторонѣ феодальныхъ интересовъ. Вспыхнула Столѣтняя война съ Англіей, которая должна была показать, насколько твердыми были результаты, достигнутые политикою Капетинговъ въ дѣлѣ объединенія Франціи. Внутри страны происходили городскія и крестьянскія смуты. Но видимый развалъ Франціи былъ предотвращенъ, благодаря тому высокому подъему національнаго чувства, во главѣ котораго стала безсмертная Жанна д'Аркъ. Англичане были изгнаны изъ Франціи; внутреннія смуты улеглись. При послѣднихъ двухъ

короляхъ изъ династіи Валуа, принадлежащихъ къ средневѣковой исторіи, Карлѣ VII и Людовикѣ XI, произошли событія, сломившія, можно сказать, окончательно устои феодализма. Карлъ VII, добившись отъ генеральныхъ штатовъ введенія постоянной подати на содержаніе войска, создалъ во Франціи постоянное королевское войско—какъ пѣхотное, такъ и конное, которое находилось въ полномъ распоряженіи короля. Король пересталъ зависѣть отъ ненадежной военной помощи феодаловъ и получилъ сильное оружіе въ руки для борьбы съ ихъ остатками. Наконецъ, Людовикъ XI (1461—1483) побѣдилъ послѣдняго крупнаго феодала Карла Смѣлаго, герцога бургундскаго, павшаго въ бою, и присоединилъ къ Франціи Бургундію. Послѣ Бургундіи Людовикомъ XI были присоединены владѣнія нѣкоторыхъ другихъ феодаловъ, изъ которыхъ особенно важными были области Прованса, на самомъ юго-востокѣ, за Роной съ такими важными гаванями на Средиземномъ морѣ, какъ Марсель и Тулонъ. Не принадлежали еще Франціи на западѣ Бретань и на югѣ, у западныхъ Пиренеевъ, Наварра и Беарнь.

Итакъ, къ концу среднихъ вѣковъ феодализмъ во Франціи былъ сломленъ. Политической силы феодаловъ не существовало, такъ какъ владѣнія ихъ были присоединены къ коронѣ, а административныя, финансовыя, судебныя и военныя привилегіи были частью очень урѣзаны, частью уничтожены. Франція, благодаря планомѣрной и упорной политикѣ Капетинговъ, завершенной Валуа, уничтожила условія феодальнаго средневѣкового быта и превратилась въ XV вѣкѣ въ единое, сплоченное французское государство съ абсолютною властью короля. Генеральные штаты имѣли лишь совѣщательное значеніе и созывались тогда, когда этого хотѣлъ король. Абсолютная монархія во Франціи является однимъ изъ типовъ государственнаго устройства, переданныхъ средними вѣками новой исторіи.

Парламентъ въ Англіи. Средневѣковая исторія Англіи, создавъ у себя особыя условія феодальнаго строя, развивалась иначе, чѣмъ Франція, и въ результатѣ дала ограниченную парламентомъ монархію.

Въ англо-саксонскій періодъ своего существованія, т.-е. до половины XI вѣка, Англія представляла собою страну, гдѣ феодализмъ былъ уже достаточно ярко выраженъ.

Это островное государство, объединенное въ началѣ IX вѣка королемъ Эгбертомъ, переживало, какъ извѣстно, тяжелыя времена, особенно благодаря нападеніямъ датчанъ, которые въ XI вѣкѣ дали даже Англіи короля въ лицѣ Канута Великаго. Во главѣ государства стоялъ король, раздѣлявшій свою верховную власть съ **витенагемотомъ**, т.-е. собраніемъ мудрыхъ, въ составъ котораго входили главные сановники, духовные и свѣтскіе, и наиболѣе близкіе королю дружинники. Витенагемотъ пользовался обширными правами: король съ его согласія издавалъ законы, вводилъ налоги, рѣшалъ дѣло войны и мира и т. д.; наконецъ, витенагемотъ имѣлъ даже право избирать и низлагать короля.

Короли, нуждаясь въ войскѣ при почти не прекращавшихся губительныхъ нападеніяхъ внѣшнихъ враговъ, сѣверныхъ германскихъ варваровъ, должны были вознаграждать своихъ дружинниковъ крупными земельными пожалованіями. Подобное же вознагражденіе отъ короля имѣли и его чиновники, служилые люди, представители королевской администраціи въ центрѣ и провинціяхъ. Были также представители родовой знати, такъ называемые эрлы, которые, мало по малу, теряются въ рядахъ служилаго высшаго класса. Такія королевскія земельныя пожалованія создали въ Англіи классъ крупныхъ земельныхъ собственниковъ, съ которыми не могли уже справляться люди малоземельные или безземельные. Послѣдніе обращались за защитою къ болѣе сильнымъ людямъ, т.-е. коммендировались, и получали въ условное владѣніе земельные участки (бенефиціи). Въ свою же очередь, короли вынуждены были раздавать иммунитеты крупнымъ собственникамъ, т.-е. жаловать имъ судебныя и фискальныя права. Полусвободные и несвободные земледѣльцы слились, въ концѣ-концовъ, въ одну общую массу зависимыхъ крестьянъ-виллановъ. Феодальныя помѣстья въ Англіи назывались **мэнорами**. Такимъ образомъ, въ англо-саксонской Англіи уже были налицо

наиболѣе характерные признаки феодализма: коммендація, бенефицій и иммунитетъ.

Но въ исторіи Англіи до половины XI вѣка надо отмѣтить, что феодализмъ тамъ не получилъ такого всепоглощающаго значенія, какъ на материкѣ. Королевская власть, несмотря на многочисленныя раздачи земель, была еще сильна, и король не превратился въ феодальнаго сюзерена. Витенагемотъ также не превратился въ чисто феодальное собраніе королевскихъ вассаловъ. Затѣмъ, мѣстныя организаціи въ графствахъ, сотняхъ, селахъ, имѣвшія свое начало въ далекомъ прошломъ, также не исчезли; послѣднее явленіе очень важно для дальнѣйшей исторіи Англіи.

Въ 1066 году Англія перешла въ руки Вильгельма, герцога нормандскаго, который сталъ избраннымъ королемъ Англіи. Вильгельмъ, жившій самъ на материкѣ въ условіяхъ феодальнаго быта, перенесъ его и на завоеванный островъ. Чего-нибудь новаго для Англіи это явленіе, какъ мы знаемъ, не представляло. Но Вильгельмъ своими распоряженіями далъ англійскому феодализму окончательную форму, которая отличаетъ его отъ феодализма материковаго. Вильгельмъ поставилъ себѣ задачею вознаградить пожалованіемъ конфискованнныхъ многочисленныхъ земель своихъ нормандскихъ воиновъ, участниковъ завоеванія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ослабить этимъ королевскую власть и не обратить короля лишь въ феодальнаго сюзерена. Для этого Вильгельмъ раздавалъ земли своимъ вассаламъ не большими сплошными территоріями, а отдѣльными участками въ различныхъ графствахъ; такіе феодалы, помѣстья которыхъ находились иногда въ десяти, даже двадцати различныхъ графствахъ, не могли представлять для Вильгельма серьезной политической опасности. На материкѣ, какъ извѣстно, было обратное явленіе: феодалы владѣли громадными сплошными областями. Кромѣ того, всѣ англійскіе вассалы, на какой бы ступени феодальной лѣстницы они ни находились, должны были, кромѣ обычной вассальной присяги своему сюзерену или, какъ называли въ Англіи, лорду, принести присягу вѣрности и королю, чего также на материкѣ при слабости королевской власти въ то время не было. Выше названныя двѣ

отличительныя черты англійскаго феодализма указываютъ на сильную королевскую власть въ лицѣ Вильгельма, который смогъ провести подобныя мѣры въ отношеніи феодаловъ.

Для уясненія дальнѣйшаго хода развитія феодальныхъ отношеній въ Англіи имѣетъ большое значеніе царствованіе Вильгельма Рыжаго, сына и преемника Вильгельма Завоевателя. Будучи отъ природы жестокимъ и своевольнымъ тиранномъ, Вильгельмъ Рыжій открылъ страшныя и несправедливыя преслѣдованія противъ феодаловъ, церкви и городского и сельскаго населенія, что повлекло за собою начало сближенія этихъ сословій между собою. Результатомъ этого было, что феодалы, поднявшись нѣсколько позднѣе противъ произвола королевской власти, преслѣдовали иногда не только свои личные феодальные интересы, но и интересы духовенства, мелкаго рыцарства и горожанъ.

Безсмысленная тираннія Вильгельма Рыжаго была настолько очевидна и ненавистна, что преемникъ его, также сынъ Вильгельма Завоевателя, Генрихъ I, царствовавшій въ началѣ XII вѣка, въ день коронаціи далъ **Хартію Вольностей**, въ которой даровалъ свободу церкви отъ вмѣшательства свѣтской власти, утверждалъ нѣкоторыя права и вольности феодаловъ и обѣщалъ народу уничтожить худые обычаи, введенные его предшественниками, и возвратить добрые законы короля Эдуарда Исповѣдника. Эта хартія была первымъ ограниченіемъ королевской власти [1]).

Когда послѣ смерти Генриха I въ Англіи настало время тяжелыхъ и долгихъ смутъ, то усталая страна въ лицѣ всѣхъ сословій, бароновъ, духовенства, горожанъ и простого народа, желала лишь одного,—установленія порядка при помощи сильной центральной власти. Анархіи былъ положенъ конецъ въ 1154 году Генрихомъ Плантагенетомъ, обладателемъ на материкѣ области Анжу, который путемъ цѣлаго ряда реформъ, финансовыхъ, судебныхъ и военныхъ, создалъ дѣйствительно сильную королевскую власть и хотѣлъ подавить феодаловъ, поднявшихъ голову въ эпоху предшествовавшей смуты. Общая тенденція реформъ Генриха II была сосредоточить всѣ отрасли

---

[1]) Русскій переводъ хартіи у *Петрушевскаго*. Великая хартія вольностей. Москва. 1915. с. 140—143.

управленія въ рукахъ короля и назначенныхъ имъ королевскихъ чиновниковъ.

На нѣкоторое время въ исторіи Англіи главный интересъ сосредоточивается на борьбѣ между королемъ и феодалами; послѣдніе же, какъ было указано выше, открывъ упорную борьбу съ королевскою властью, стремились отстаивать иногда не только свои интересы, но и интересы духовенства, мелкаго рыцарства и горожанъ.

Для дальнѣйшей исторіи развитія государственнаго устройства Англіи имѣетъ первостепенное значеніе XIII вѣкъ, а именно правленія Іоанна Безземельнаго и Генриха III.

Въ лицѣ Іоанна Безземельнаго (1199—1216) Англія получила жестокаго, коварнаго, лишеннаго всякаго нравственнаго чувства короля; въ его рукахъ сильная королевская власть, созданная Генрихомъ II, обратилась въ тираннію, въ полнѣйшій произволъ. Права и обѣщанія, данныя предыдущими государями, попирались и не соблюдались; беззаконныя вымогательства и постоянныя конфискаціи совершались безъ всякаго стыда. Всѣ классы англійскаго общества были страшно встревожены и возмущены подобнымъ образомъ дѣйствій своего новаго короля. Если тираннія Вильгельма Рыжаго коснулась также всѣхъ сословій, раздражала ихъ и положила начало ихъ сближенію, то при Іоаннѣ Безземельномъ, столѣтіе спустя, это сближеніе явилось уже совершившимся фактомъ, и деспотизмъ Іоанна вызвалъ настоящее общественное движеніе, которое дало Англіи знаменитую Великую Хартію Вольностей.

Во главѣ движенія встали феодалы. Іоаннъ велъ изнурительную войну на материкѣ изъ-за находившихся тамъ владѣній своего анжуйскаго дома, которымъ угрожалъ французскій король Филиппъ II Августъ. Іоаннъ всѣми возможными способами выжималъ средства для этого тяжелаго военнаго предпріятія, которое, касаясь личныхъ владѣній короля, нисколько не интересовало Англію. Бароны были страшно недовольны, а беззаконныя мѣропріятія Іоанна создали ему, по выраженію одной хроники, «почти столькихъ враговъ, сколько у него было магнатовъ». Іоаннъ замѣтилъ оппозиціонное настроеніе бароновъ, но, не обращая на это вниманія, продолжалъ свою прежнюю политику.

Однако, это было еще не все. Не утвердивъ назначеннаго папою архіепископа кентерберійскаго, Іоаннъ открылъ борьбу противъ величайшаго средневѣкового папы, Иннокентія III. Послѣдній наложилъ на Англію интердиктъ, отлучилъ короля отъ церкви, освободилъ его подданныхъ отъ присяги и, наконецъ, издавъ буллу о низложеніи Іоанна съ престола, передалъ исполненіе этого приговора французскому королю Филиппу Августу. Іоаннъ долженъ былъ уступить и примирился съ папой на унизительныхъ для Англіи условіяхъ: онъ отдалъ папѣ въ ленъ свое королевство, соглашался платить ему ежегодную дань и обязался принести ему феодальную присягу. Король Англіи превратился въ папскаго вассала.

Бароны приступили тогда къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Между тѣмъ, борьба Іоанна съ Филиппомъ II Августомъ окончилась полнымъ пораженіемъ перваго при Бувинѣ (1214 г.) и потерею континентальныхъ владѣній Іоанна.

Бароны враждебно встрѣтили возвратившагося съ позоромъ въ Англію короля. Послѣ цѣлаго ряда совѣщаній, отвергнувъ попытки короля къ мирному разрѣшенію недоразумѣній, бароны съ войскомъ двинулись противъ Іоанна и вступили въ Лондонъ. Остальные бароны, графы и простые рыцари присоединились къ нимъ. Король, будучи покинутъ почти всѣми, началъ переговоры и, «видя, что силы его не равны силамъ бароновъ», подписалъ въ 1215 году Великую Хартію Вольностей (Magna Charta Libertatum)[1]).

Главныя основанія этой большой, состоящей изъ 63 статей хартіи слѣдующія: подати и субсидіи должны взиматься въ Англіи только съ согласія общаго совѣта королевства, а не по личному желанію короля; король не можетъ ни одного свободнаго человѣка арестовать, заключить въ тюрьму, лишить имущества, объявить стоящимъ внѣ закона, изгнать или какимъ-либо инымъ способомъ обездолить, иначе какъ по законному приговору равныхъ его и по закону страны (ст. 39); непосильные штрафы запрещались; свобода англійской церкви и ея права подтверждались, какъ и въ хартіи Генриха I. Если

[1]) Русскій переводъ хартіи у *Петрушевскаго*, с. 111—127; въ Истор. хрестоматіи *Нейкирха* и *Кулжинскаго*, с. 203—212.

бы король вздумалъ нарушить хартію, то совѣтъ изъ 25 бароновъ, «вмѣстѣ съ общиной всей земли», всѣми возможными средствами, вплоть до объявленія королю войны, долженъ былъ принудить послѣдняго къ соблюденію Хартіи.

Главную роль въ побѣдѣ надъ королемъ сыграли феодалы, опираясь, однако, на помощь и сочувствіе другихъ общественныхъ классовъ общества. Поэтому, хотя въ самой Великой Хартіи Вольностей въ большинствѣ статей и преобладаютъ феодальные интересы, тѣмъ не менѣе и интересы другихъ классовъ тамъ нашли свое мѣсто: церковь и духовенство сохранили свою свободу и права; баронскіе вассалы получили обѣщаніе неприкосновенности ихъ правъ; городамъ во главѣ съ Лондономъ и англійскимъ портамъ были подтверждены «древнія вольности и свободные обычаи какъ на сушѣ, такъ и на водѣ»; наконецъ, несвободные вилланы (крестьяне), самый низшій слой общества, были избавлены отъ взиманія въ видѣ штрафа ихъ основного капитала.

Великая Хартія Вольностей, ограничившая власть короля, имѣетъ громадное принципіальное значеніе для всей послѣдующей исторіи Англіи. Король долженъ былъ признать права и интересы не только бароновъ, но и всѣхъ свободныхъ людей англійскаго королевства; даже несвободные вилланы получили нѣкоторыя гарантіи. Это былъ первый рѣшительный шагъ къ созданію современнаго намъ англійскаго государственнаго строя. Дальнѣйшая исторія Англіи въ XIII вѣкѣ пойдетъ по пути развитія этого строя.

Іоаннъ Безземельный подписалъ Хартію, уступая лишь силѣ, съ твердымъ намѣреніемъ нарушить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Въ этомъ отношеніи онъ нашелъ поддержку въ папѣ, который освободилъ короля отъ клятвы соблюдать Хартію. Государству грозили новыя смуты, отъ которыхъ оно было избавлено смертью Іоанна.

Его преемникъ Генрихъ III (1216—1272) также не желалъ соблюдать Хартіи и вступилъ въ новую борьбу съ баронами. Особенно раздражали англичанъ пріѣхавшіе съ континента вмѣстѣ съ Генрихомъ французы, занявшіе въ Англіи видныя мѣста и высокомѣрно относившіеся къ англичанамъ. Бароны

снова поднялись противъ короля на защиту Хартіи и выработали программу ограниченія королевской власти. Во главѣ ихъ былъ французскій выходецъ Симонъ де-Монфоръ, графъ Лестерскій. Въ происшедшей борьбѣ между королемъ и баронами побѣда оказалась на сторонѣ послѣднихъ. Генрихъ былъ побѣжденъ и попалъ въ плѣнъ. Хозяиномъ положенія сдѣлался Симонъ де-Монфоръ, созвавшій въ началѣ 1265 года **парламентъ**, т.-е. собраніе представителей всего свободнаго населенія Англіи. Этотъ парламентъ Симона отличался отъ предыдущихъ своимъ наиболѣе полнымъ составомъ представителей: въ него были призваны не только представители бароновъ и высшаго духовенства, но и по два представителя отъ свободнаго населенія графствъ и крупныхъ городовъ. Парламентъ 1265 года открываетъ новую эру въ жизни англійскаго государства и общества, когда въ управленіи государствомъ начинаютъ участвовать не только высшіе классы, но и представители графствъ и городовъ. Постепенно парламентъ, превратившійся изъ собранія бароновъ въ представительство всего свободнаго населенія, пріобрѣтаетъ все большее значеніе и все большія права, какъ и Великая Хартія Вольностей, особенно при преемникахъ Генриха III, Эдуардѣ I и Эдуардѣ II, въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣковъ. Въ это время парламентъ сталъ дѣлиться на двѣ палаты: верхнюю, или **палату лордовъ**, гдѣ засѣдали представители свѣтской и духовной аристократіи, и нижнюю, или **палату общинъ**, гдѣ засѣдали представители графствъ и городовъ, т.-е. средняго сословія. Парламентъ слѣдилъ за соблюденіемъ Хартіи Вольностей и сдѣлался учрежденіемъ, ограничивающимъ королевскую власть.

Долгая, изнурительная и неудачная въ результатѣ для Англіи Столѣтняя война въ связи съ серьезнымъ внутреннимъ крестьянскимъ возстаніемъ нарушила временно внутреннюю жизнь страны и правильное развитіе государственнаго строя. Кровопролитная же тридцатилѣтняя междоусобная война Алой и Бѣлой Розъ (1455—1485) имѣла своимъ результатомъ ослабленіе крупной аристократіи, большая часть представителей которой пала въ этой войнѣ, и тѣмъ ослабила значеніе палаты лордовъ. Послѣ войны въ Англіи главное значеніе получили представители средняго сословія, т.-е. графствъ и городовъ.

Парламентъ, хотя и рѣдко созываемый въ эпоху названныхъ смутъ, пережилъ ихъ и остался навсегда необходимою и главною основою англійскаго государственнаго устройства. Феодализмъ въ лицѣ его крупныхъ представителей къ концу среднихъ вѣковъ въ Англіи ослабъ. Въ странѣ установилась монархія, ограниченная парламентомъ, т.-е. собраніемъ народныхъ представителей; другими словами, Англія выработала у себя представительную или конституціонную форму правленія.

Княжеская власть въ Германіи. Въ Германіи въ эпоху Каролинговъ, при слабой королевской власти, феодалы добились почти полной независимости; особенною силою и значеніемъ пользовались такъ называемые племенные герцоги, стоявшіе во главѣ отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ племенъ, а именно: герцоги саксонскій, восточно-франкскій, аллеманскій или швабскій и баварскій. Областные правители, графы, также достигли большой независимости и передавали управленіе своею областью своимъ дѣтямъ. Королевская власть, особенно при послѣднихъ Каролингахъ, во время внѣшней опасности со стороны мадьяровъ, славянъ и датчанъ, справиться съ подобнымъ обособленіемъ герцоговъ и графовъ не могла. Въ 911 году Каролинги въ Германіи, въ лицѣ Людовика Дитяти, прекратили свое существованіе.

На престолѣ появились новыя династіи, которыя должны были принять относительно уже сильно развившагося феодализма ту или другую политику. Въ то время, какъ во Франціи Капетинги, смѣнившіе Каролинговъ, пошли по пути усиленія королевской власти на счетъ феодаловъ и объединенія подъ своею властью Франціи, германскіе государи, сдѣлавшіеся со времени Оттона I Великаго (962 г.) римскими императорами, перенесли большую часть своего вниманія и своихъ заботъ на итальянскія дѣла и мало занимались дѣлами собственной Германіи; послѣднее обстоятельство не только не позволяло германскимъ королямъ заняться усиленіемъ своей власти въ Германіи, но лишь способствовало дальнѣйшему развитію обособленія германскихъ феодальныхъ князей, которые добились полной независимости отъ королевской власти. Итакъ, исторія феодализма въ средневѣковой Германіи сводится къ достиженію ея князьями полной самостоятельности.

Казалось, что при второмъ представителѣ Саксонской династіи Оттонѣ I Великомъ (936—973) королевской власти удастся хоть нѣсколько справиться съ феодалами. Оттонъ, побѣдивъ племенныхъ герцоговъ, поставилъ во главѣ племенъ своихъ родственниковъ и пріобрѣлъ, такимъ образомъ, вліяніе почти на всемъ пространствѣ своего государства. На этомъ онъ не остановился; ему нужны были въ борьбѣ съ феодалами союзники и помощники. Послѣднихъ Оттонъ нашелъ въ германскихъ епископахъ, которые не мало страдали отъ нападеній и своеволія феодаловъ. Чтобы привлечь епископовъ на свою сторону, Оттонъ надѣлялъ ихъ обширными землями и различными привилегіями. Епископы постепенно превращались въ свѣтскихъ государей и въ случаѣ войны должны были поставлять королю воиновъ. Одѣляя епископовъ и назначая на эту должность извѣстныхъ и преданныхъ ему людей, Оттонъ пріобрѣталъ въ ихъ лицѣ многочисленныхъ сторонниковъ въ борьбѣ съ феодалами. Конечно, эта сила находилась въ рукахъ государя до тѣхъ поръ, пока онъ имѣлъ возможность назначать въ Германіи епископовъ и давать имъ земли, т.-е. владѣлъ духовною и свѣтскою инвеституроюъ. Во всякомъ случаѣ, Оттонъ I, побѣдивъ племенныхъ герцоговъ и введя такъ называемую по его имени «оттоновскую епископальную систему», казалось, повелъ Германію по пути подавленія могущества феодаловъ и усиленія королевской власти.

Но при томъ же Оттонѣ I произошли событія, которыя въ корнѣ измѣнили положеніе вещей въ Германіи и сообщили ея дальнѣйшей внутренней исторіи совершенно иное направленіе. Оттонъ, завоевавъ сѣверную Италію, принялъ титулъ короля лангобардовъ, а въ 962 году папа Іоаннъ XII, пригласивъ его въ Римъ, возложилъ на него императорскую корону и призналъ себя императорскимъ вассаломъ. Это событіе стало въ исторіи извѣстнымъ какъ «Возстановленіе Римской имперіи», а позднѣе какъ «Возстановленіе Священной Римской имперіи» или «Возстановленіе Римской имперіи германской націи». Германскій король сдѣлался императоромъ римскимъ. Сѣверная и средняя Италія подпали подъ власть германскаго государя, который на югѣ столкнулся съ новымъ врагомъ, а именно съ

Византіей, владѣвшей въ X вѣкѣ южной Италіей. Все это настолько расширило дѣятельность германскаго государя, поставило ему такія новыя задачи и настолько отвлекло отъ интересовъ собственной Германіи, что послѣдняя, не чувствуя надъ собою властной руки государя, попала снова во власть князей, которые и поставили своею задачею, пользуясь благопріятными для нихъ условіями, отстоять свою прежнюю самостоятельность и независимость отъ королевской власти.

Обстоятельства благопріятствовали князьямъ. При Франконской династіи (1024—1125) главный интересъ сосредоточился, особенно при Генрихѣ IV и Генрихѣ V, на борьбѣ императора съ папой изъ-за инвеституры. Все вниманіе германскихъ государей было устремлено на Италію. Желая пораженія императорской власти, германскіе князья и многіе епископы, также уже начавшіе стремиться къ независимости отъ свѣтскаго вліянія, поддерживали въ разразившейся борьбѣ притязанія папъ. Борьба эта, какъ извѣстно, кончилась Вормскимъ конкордатомъ 1122 года, на основаніи котораго Генрихъ V отказался отъ духовной инвеституры. Для внутренней исторіи Германіи эпоха Франконской династіи имѣетъ важное значеніе съ точки зрѣнія дальнѣйшаго развитія самостоятельности германскихъ князей и германскаго епископата, который пересталъ быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ императорской власти.

Слѣдующая династія Гогенштауфеновъ (1138—1254) имѣла еще больше дѣла въ Италіи. Возобновившаяся борьба папской и императорской власти при папахъ Иннокентіи III, Григоріи IX и Иннокентіи IV имѣла цѣлью рѣшить вопросъ уже не только о независимости духовной власти отъ свѣтской, а о полномъ превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской. Цѣль борьбы стала еще болѣе опасной для авторитета императорской власти. Папы получили новаго сильнаго союзника въ лицѣ богатыхъ торговыхъ ломбардскихъ городовъ, въ войнѣ съ которыми Фридрихъ I Барбаросса въ концѣ-концовъ потерпѣлъ страшное пораженіе при Леньяно. Преемникъ его Генрихъ VI присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Неаполь и Сицилію и этимъ самымъ еще болѣе осложнилъ

интересы германскихъ государей въ Италіи. Все это вмѣстѣ взятое привело къ тому, что преемникъ Генриха VI, Фридрихъ II, установившій абсолютную власть въ Неаполѣ и Сициліи, ничего не могъ сдѣлать съ германскими духовными и свѣтскими князьями и предоставилъ имъ почти полную свободу, признавъ ихъ «господами своихъ земель».

Наступившая послѣ Гогенштауфеновъ въ Германіи эпоха смуты и междуцарствія, а затѣмъ династій Габсбурговъ и Люксембурговъ способствовала дальнѣйшему дробленію страны на княжества. Къ концу XV вѣка въ Германіи образовалось около 300 независимыхъ другъ отъ друга княжествъ; въ это число входили также независимыя владѣнія крупныхъ имперскихъ городовъ. Изъ этого громаднаго числа германскихъ князей, уже со второй половины XIII вѣка, стали выдѣляться семь курфюрстовъ, т.-е. князей-избирателей, имѣвшихъ почти исключительное вліяніе на избраніе короля. Ихъ коллегія окончательно была установлена «Золотою Буллою» Карла IV (1356), который узаконилъ то, что уже существовало на практикѣ. Попытка, сдѣланная императоромъ Максимиліаномъ I въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, ввести нѣкоторыя общеимперскія учрежденія, которыя должны были внести въ разстроенную страну порядокъ и законность, окончилась неудачей.

Такимъ образомъ, Германія въ концѣ среднихъ вѣковъ представляла собою раздробленное государство со слабою королевскою властью и сильною независимою властью многочисленныхъ духовныхъ и свѣтскихъ князей и имперскихъ городовъ. Силы и порядка въ такомъ государствѣ не было. Княжевластіе являлось его отличительнымъ признакомъ.

Развитіе городовъ. Однимъ изъ важныхъ явленій внутренней жизни государствъ средневѣковей Европы надо считать развитіе городовъ въ области ихъ экономической, политической и соціальной жизни[1]).

Еще въ эпоху Римской республики и особенно имперіи многочисленные богатые города были разбросаны по Западной

---

[1]) Для чтенія: *А. Дживелеговъ.* Средневѣковые города въ Западной Европѣ. Петроградъ, 1902. *Е. Ефимова.* Крѣпостные и вольные города въ старой Франціи. Книга для чтенія подъ ред. *П. Виноградова*, II. ст. 31.

Европѣ. Но въ началѣ среднихъ вѣковъ, во время переселенія народовъ, когда варварскія германскія племена заполонили территорію Римской имперіи и основали на ней свои варварскія государства, тогда цвѣтущіе римскіе города частью были разрушены, частью пришли въ полный упадокъ; торговля прекратилась. Въ смутную эпоху развившагося феодализма лишь немногіе изъ прежнихъ городовъ продолжали свое довольно жалкое существованіе. Однако, продолжительная феодальная смута заставляла людей думать о личной безопасности, которую можно было находить только въ какихъ нибудь укрѣпленныхъ мѣстахъ. Около такихъ мѣстъ, какъ напр., замокъ, башня, селились люди; образовывались поселки, превращавшіеся часто со временемъ въ города, которые благодаря замку, башнѣ или стѣнамъ могли, въ случаѣ нападенія, оказать должное сопротивленіе. Въ то время святость мѣста не была гарантіей для его безопасности; и поэтому монастыри и церкви также укрѣплялись. Около такихъ монастырей и церквей, особенно посвященныхъ памяти наиболѣе чтимыхъ святыхъ или владѣвшихъ мощами или другими какими-либо святынями, собиралось много народу, который приходилъ на поклоненіе, въ укрѣпленіяхъ монастыря или церкви находилъ нѣкоторую безопасность, иногда оставался жить. Такіе монастырскіе или церковные поселки также нерѣдко дѣлались городами.

Подобные укрѣпленные пункты назывались латинскимъ словомъ **castellum** (отсюда французское château) или германскимъ **бургъ—burgus**. Отъ послѣдняго слова жители городовъ во Франніи стали называться **буржуа, буржуазія,** а въ Германіи — **бюргерами.**

Подобные города находились, конечно, въ полной зависимости отъ ближайшаго феодала, и населеніе ихъ представляло собою безправныхъ сервовъ. Иногда городъ раздѣлялся даже между нѣсколькими феодалами, изъ которыхъ каждый владѣлъ опредѣленною частью. Какъ уже было сказано выше, въ феодальную эпоху господствовало замкнутое, домашнее или натуральное хозяйство. Главнымъ занятіемъ народа было земледѣліе, не могшее достичь большого развитія изъ-за постоянныхъ войнъ и опустошеній. Такимъ образомъ, въ феодальную эпоху,

помимо немногихъ оставшихся еще съ римскаго времени городовъ, появились новые города, которымъ придется играть важную роль въ послѣдующей исторіи Западной Европы.

Съ XI вѣка королевская власть, особенно во Франціи, начинаетъ вести борьбу съ феодализмомъ; въ XII вѣкѣ успѣхи королевской власти были уже значительны. Французскіе города стали въ этой борьбѣ на сторону короля и постепенно добивались отъ него различныхъ привилегій. Феодальная смута слабѣла; порядокъ, мало-по-малу, налаживался. Города и ихъ жизнь стали развиваться и крѣпнуть.

Во время господства феодализма города не могли имѣть торговаго значенія, которое дало имъ такую силу позднѣе.

Но по мѣрѣ того, какъ феодализмъ слабѣлъ и создавались болѣе или менѣе сносныя условія жизни, хозяйственная жизнь городовъ стала развиваться. Натуральное хозяйство уже болѣе не удовлетворяетъ; оно, мало-по-малу, переходитъ въ хозяйство мѣновое, когда отъ вырабатываемыхъ продуктовъ остается излишекъ, который мѣняется на другіе выдѣлываемые въ иномъ мѣстѣ продукты; развивается торговый обмѣнъ. Въ пунктахъ, удобныхъ для торговаго обмѣна, устраиваются ярмарки и основываются города. Земледѣліе также не могло уже прокормить увеличившееся въ городахъ населеніе. Стали изыскивать новыя средства къ жизни. Тогда многіе занялись разными ремеслами, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ развилась обрабатывающая промышленность или индустрія.

Громадную роль въ развитіи городовъ сыграли крестовые походы, благодаря которымъ Европа вступила въ прямыя сношенія съ Востокомъ. Роль Византіи, какъ посредницы между Западомъ и Востокомъ, пала. Для европейской торговли открылись совершенно новые пути и новыя задачи. Во главѣ этого торговаго движенія стали города.

Какъ и слѣдовало ожидать по географическому положенію, ранѣе другихъ странъ городская жизнь подверглась новымъ вѣяніямъ и сдѣлала большой шагъ впередъ въ своемъ развитіи въ итальянскихъ приморскихъ городахъ, особенно въ Венеціи, Генуѣ, Пизѣ. Позднѣе большого торговаго и политическаго значенія достигли и внутренніе города Италіи, напримѣръ,

Миланъ. За ними разбогатѣли и добились независимости южно-французскіе города. Послѣ этого городское движеніе развилось въ сѣверной Франціи и Фландріи. Города въ Англіи, получая отъ короля различныя финансовыя и торговыя привилегіи, никогда не пользовались политическою самостоятельностью. Въ Германіи, при раздробленности и слабости королевской власти и сильно развившемся княжевластіи, города находились не въ одинаковыхъ условіяхъ; но какъ имперскіе города, т.-е. города, зависимые непосредственно отъ имперіи, такъ и княжескіе города не достигали той степени политической самостоятельности, какую мы находимъ въ итальянскихъ и южно-французскихъ городахъ. Позднѣе германскіе города для защиты своихъ интересовъ вступили на путь образованія союзовъ, изъ которыхъ выдавались союзы швабскихъ и рейнскихъ городовъ и, наконецъ, знаменитая великая нѣмецкая ганза. Городское движеніе замѣтно и въ Испаніи. Но въ то время, какъ въ другихъ странахъ основаніе городовъ часто объясняется причинами оборонительнаго характера противъ феодаловъ и князей, въ Испаніи основаніе городовъ находится въ связи съ наступательной политикой христіанъ противъ мусульманъ; христіане наступали, вытѣсняя постепенно мусульманъ, и основаніемъ городовъ закрѣпляли за собою отобранныя пространства.

Разбогатѣвъ отъ развившейся торговли, горожане уже не могли мириться, какъ раньше, со своимъ зависимымъ отъ сеньёровъ положеніемъ. Населеніе городовъ умножилось, и на ряду съ крѣпостными появились новые люди, которые пришли въ городъ, будучи привлечены торговыми выгодами. Это были уже свободные люди. Если города желали освободиться отъ феодальной зависимости, то и для сеньёра подобное желаніе горожанъ часто бывало выгоднымъ и удобнымъ, особенно въ тѣ моменты, когда ему нужны были деньги, напр., при отправленіи въ крестовый походъ. Городъ вносилъ сеньёру требуемую, иногда очень крупную сумму денегъ и за это получалъ отъ него хартію съ различными вольностями въ области денежнаго хозяйства судопроизводства и вообще городского управленія. Иногда города чувствовали себя настолько сильными, что добывали себѣ отъ сеньёра хартію путемъ возстанія;

иногда же и самъ сеньёръ, сознавая силу города, по своему почину давалъ вольности, думая этимъ хоть сколько-нибудь удержать его подъ своимъ вліяніемъ и предупредить возможность возстанія.

Права, которыхъ добивались города, были далеко не одинаковы. Города Средней и Сѣверной Италіи превратились въ совершенно независимыя государства-республики съ собственной милиціей, полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ и правомъ творить судъ. У нихъ были свои народныя собранія, выборныя, городскія думы (креденцы), и во главѣ такихъ городовъ стояли избираемые и въ извѣстные сроки смѣняемые консулы или, какъ было въ Венеціи и Генуѣ, дожи (отъ латинскаго слова dux—вождь). Почти полною независимостью отъ своихъ верховныхъ сюзереновъ пользовались города южной Франціи, напр., Арль, Марсель, Тулуза и др. Меньшею политическою независимостью пользовались города сѣверной Франціи и Фландріи. Освободившіеся французскіе города обычно назывались **коммунами**, что обозначаетъ общину, сообщество, члены котораго даютъ клятву взаимной защиты и поддержки и служенія общему дѣлу. Обычно, городскія коммуны обладали полнымъ внутреннимъ самоуправленіемъ, и ихъ обязанности по отношенію къ бывшему феодальному владѣльцу были строго опредѣлены грамотою или коммунальною хартіею, которую онъ давалъ городу. Коммуна была своего рода сеньеріей: городскія власти издавали законы, обязательные для всѣхъ жителей коммунальной области, творили судъ, собирали налоги и пошлины; коммуна имѣла право войны и мира и потому содержала коммунальное войско — милицію;

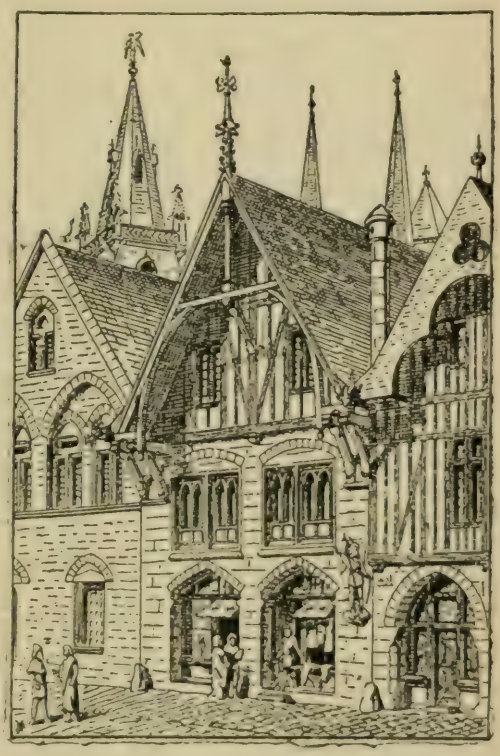


Рис. 36. Городскіе дома и лавки западно-европейскаго города въ средніе вѣка.

она могла заключать договоры и союзы съ другими независимыми владѣніями, которыхъ было такъ много въ средніе вѣка. Внѣшними знаками коммунальной независимости были печать и городская башня (беффруа—beffroi) съ колоколами, которые предупреждали населеніе о приближавшейся опасности, возвѣщали работникамъ о началѣ и концѣ рабочаго дня, иногда созывали горожанъ на вѣче, объявляли о томъ, что наступило время тушить огни, и т. д. Всѣ коммунальныя дѣла находились въ вѣдѣніи выборнаго городского совѣта; главою же правительства былъ мэръ или, какъ его называли на югѣ Франціи, консулъ. Конечно, кромѣ мэра или консула и городского совѣта въ коммунѣ былъ цѣлый рядъ низшихъ должностныхъ лицъ, завѣдывавшихъ различными сторонами коммунальной жизни. Народная масса принимала лишь незначительное участіе въ управленіи коммуной.

Далеко не всѣ коммуны пользовались одинаковою степенью независимости: ихъ хартіи отличаются большимъ разнообразіемъ. Во всякомъ случаѣ, коммуна, получившая отъ своего сюзерена хартію, не всегда могла быть увѣрена въ томъ, что эта хартія не будетъ взята обратно. Коммунѣ не только надо было добиться хартіи, но и имѣть достаточно силы, чтобы въ случаѣ нужды отстоять ее отъ посягательствъ сюзерена, пожелавшаго вернуть ее обратно. Иногда коммуны нѣсколько разъ платили сюзерену крупныя суммы денегъ за одну и туже хартію.

Но не всѣ города превращались въ коммуны. Многіе изъ нихъ, не выходя изъ подданства своего феодальнаго владѣльца, получали отъ него различныя привилегіи въ области податей, пошлинъ, суда и управленія; жители подобныхъ городовъ становились почти всегда лично свободными людьми, т. е. могли свободно мѣнять мѣсто своего пребыванія, вступать въ бракъ и распоряжаться своимъ имуществомъ. Это были такъ называемые **привилегированные города** (villes franches) или **буржуазные города** (villes de bourgeoisie). Но былъ еще видъ городовъ, называемыхъ **новые города** (villes neuves). Это были поселки, которые короли и феодальные владѣльцы основывали на своей землѣ; имъ было выгодно имѣть около себя такой поселокъ съ рынкомъ или ярмаркой, куда съѣзжалось бы не мало народу, и получать

съ жителей поселка и пріѣзжихъ торговцевъ разныя пошлины. Для того, чтобы создать поселокъ и привлечь туда торговыхъ гостей, феодалъ давалъ всѣмъ охотникамъ тамъ поселиться значительныя льготы и обѣщанія спокойной жизни, опредѣлялъ разъ навсегда виды и размѣры податей, пошлинъ и повинностей и т. д. Такимъ «новымъ городамъ» феодалы давали грамоты, въ которыхъ точно перечислялись всѣ обѣщанныя привилегіи. Въ политическомъ отношеніи «новые города» никогда не достигали независимости коммунъ.

Англійскіе средневѣковые города, при создавшейся послѣ норманскаго завоеванія сильной королевской власти, получали отъ королей нѣкоторыя привилегіи, особенно въ области финансовъ и обложенія, но политической независимости не имѣли. Въ Германіи, при слабой королевской власти, появились многочисленныя самостоятельныя въ политическомъ отношеніи городскія общины съ богато развитою торговлею и промышленностью, такъ называемые вольные города, напр. Страсбургъ, Кельнъ, Майнцъ, Магдебургъ, Гамбургъ, Любекъ и другіе. Въ этихъ городахъ выработалось нѣмецкое городское право, оказавшее вліяніе на городское право другихъ странъ. Магдебургское право проникло вмѣстѣ съ нѣмецкими колонистами въ Польшу и Западную Русь, а городскія уложенія Любека и Гамбурга послужили образцами для городскихъ уложеній сѣверныхъ государствъ, Даніи, Норвегіи и Швеціи. Наибольшей самостоятельности добились въ Германіи «имперскіе города» (Reichsstädte), т. е. города, зависѣвшіе только отъ императора, а не отъ князей. Города же, подчиненные власти князей, такъ называемые «земскіе города» (Landstädte), не имѣли, въ большинствѣ случаевъ, политической самостоятельности, а, имѣя рядъ привилегій во внутреннемъ управленіи, походили на французскіе «привилегированные или буржуазные города».

Во всякомъ случаѣ, въ средніе вѣка жизнь въ городѣ была примѣромъ свободной жизни. «Городской воздухъ дѣлаетъ человѣка свободнымъ», часто говорили тогда. Во многихъ мѣстахъ несвободный человѣкъ дѣлался свободнымъ, если онъ жилъ въ городѣ одинъ годъ и одинъ день

Главною причиною городского движенія была торговля и промышленность. Управленіе городовъ отличалось очень аристократическимъ характеромъ, и въ составъ выборнаго городского совѣта, вершившаго дѣла, входили обычно представители купечества, т. е. господствующаго торговаго класса. Представители промышленности, ремесленники, въ теченіе довольно долгаго времени не принимали участія въ управленіи и только позднѣе, послѣ ожесточенной борьбы, добились этого участія.

Рис. 37. Западно-европейскій купецъ въ средніе вѣка.

Въ городскихъ коммунахъ купцы объединялись въ торговые союзы или гильдіи, а ремесленники—въ промышленные союзы или цехи. Гильдія есть товарищество купцовъ, занимающихся какою-либо одной отраслью торговли и откупившихъ себѣ монополію на тотъ или другой товаръ въ данномъ городѣ; напр.: члены одной гильдіи могли продавать шкуры, члены другой гильдіи—сукно и т. д. Поэтому купецъ, не вошедшій въ составъ, напримѣръ, гильдіи суконщиковъ, не могъ торговать сукномъ. Гильдіи имѣли свой собственный судъ. Попасть въ число членовъ гильдіи со временемъ становилось все труднѣе. Во главѣ купеческаго управленія стояли выборные старшины; одинъ изъ нихъ считался главнымъ руководителемъ дѣлъ товарищества. Въ Парижѣ во главѣ купечества стоялъ прево (prevôt des marchands). Иногда гильдіи различныхъ городовъ соединялись въ болѣе крупные союзы, такъ называемыя **ганзы**. Какъ извѣстно, въ Германіи купеческія товарищества, объединившись съ сѣверо-германскими городами, образовали въ XIII вѣкѣ великую нѣмецкую ганзу, которая въ теченіе нѣкотораго времени господствовала въ сѣверной Европѣ не только въ торговомъ, но и политическомъ отношеніи.

Ремесленники объединялись также въ союзы или цехи, какъ назывались корпораціи свободныхъ ремесленниковъ, занимающихся однимъ и тѣмъ же ремесломъ. Для того, чтобы въ городахъ могли образоваться цехи, нужно было пасть строю натуральнаго хозяйства и появиться самостоятельной промышленности; кромѣ того, городскіе зависимые люди должны были быть раскрѣпощены и, ставъ свободными, войти уже въ члены цеховыхъ организацій. Итакъ, люди, занимающіеся въ данномъ городѣ однимъ и тѣмъ же ремесломъ и имѣющіе монополію въ предѣлахъ этого ремесла, составляли ремесленную корпорацію (товарищество), называемую цехомъ. Цехи, какъ и самыя ремесла, были очень разнообразны; были цехи портныхъ, сапожниковъ, ткачей, рыболовъ, кузнецовъ, мясниковъ, пекарей и т. д. Съ конца XII вѣка количество цеховъ особенно стало умножаться.

Рис. 38. Портной, сапожникъ, плотникъ, каменщикъ въ средніе вѣка.

Внутренній строй цеха опредѣлялся строго выработанными правилами, которыя не оставляли мѣста личному началу. Начиная съ момента своего вступленія въ цехъ и кончая смертью, человѣкъ долженъ былъ придерживаться указанныхъ правилъ относительно условій и способовъ работы. Для того, чтобы хорошо обучиться какому-либо ремеслу, надо было пройти въ цехѣ очень тяжелую школу, т. е. изъ ученика сдѣлаться мастеромъ. Въ цехѣ было три ступени: ученики, подмастерья и мастера.

Ученики находились въ обученіи ремеслу отъ одного года до 12 лѣтъ. Зависѣло это, конечно, отъ легкости или трудности ремесла; чѣмъ труднѣе ремесло, напр. ювелирное, тѣмъ болѣе требовалось времени для его выучки. Кромѣ того, въ средніе

вѣка ремесленникъ нерѣдко долженъ былъ научиться не только обрабатывать сырой матеріалъ, но и умѣть приготовлять необходимые для этого инструменты. Мальчикъ принимался къ мастеру въ присутствіи свидѣтелей изъ членовъ цеха; подписывался контрактъ, опредѣлявшій обязанности обѣихъ сторонъ. За ученика вносилась небольшая сумма денегъ на первоначальныя затраты. Ученикъ не долженъ былъ ранѣе установленнаго срока покидать мастера. Послѣдній же обязывался добросовѣстно учить ученика ремеслу и давать ему полное содержаніе. Но очень часто мастеръ не соблюдалъ своихъ обязательствъ, и ученикъ, заваленный непосильною работою, получавшій побои и впроголодь питаемый, находился нерѣдко въ плачевномъ положеніи. Ученикъ не былъ членомъ цеха.

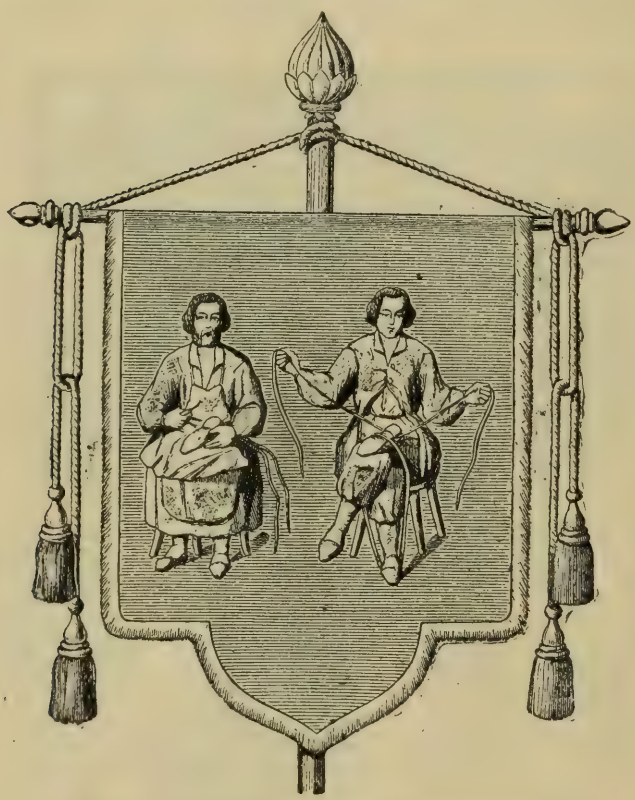


Рис. 39. Цеховое знамя башмачниковъ.

Ученикъ, прошедшій извѣстное количество лѣтъ обученія, становился подмастерьемъ, который на основаніи контракта дѣлалъ свое дѣло. Рабочій день подмастерья считался отъ восхода до захода солнца и доходилъ иногда до 16 часовъ. Подмастерье уже пользовался нѣкоторыми правами, и цеховые статуты защищали его, напримѣръ, отъ конкурренціи иногороднихъ рабочихъ. Онъ считался членомъ цеха, но тѣмъ не менѣе не могъ избѣжать притѣсненій и злоупотребленія своимъ трудомъ со стороны своего патрона-мастера.

Для того, чтобы сдѣлаться мастеромъ, подмастерье долженъ былъ выдержать два испытанія: одно устное, которое показало бы его теоретическое знакомство съ даннымъ ремесломъ; дру-

гое практическое, заключавшееся въ изготовленіи образцоваго произведенія, шедевра (chef d'oeuvre по-французски, Meisterwerk—по-нѣмецки), по указанію мастера. Кромѣ выполненія этой иногда чрезвычайно трудной работы, съ кандидата въ мастера часто требовался большой денежный взносъ. Только послѣ этого подмастерье дѣлался мастеромъ, т. е. получалъ право имѣть собственную мастерскую и стать во главѣ собственнаго ремесленнаго предпріятія.

Цехи пользовались внутреннимъ самоуправленіемъ. Главнымъ органомъ цехового управленія было общее собраніе, на которомъ имѣли право присутствовать лишь самостоятельные члены цеха, т. е. мастера. Выборные старшины цеха наблюдали за исполненіемъ постановленій собранія, судили, наблюдали за правильностью производства, присутствовали при испытаніяхъ подмастерьевъ и т. д.

Рис. 40. Средневѣковой башмачникъ.

Богатые и часто политически независимые средневѣковые города къ концу среднихъ вѣковъ, уже съ XIV вѣка, стали клониться къ упадку. Причины для этого были внутреннія и внѣшнія. Внутреннія причины заключались въ борьбѣ городскихъ общественныхъ классовъ за власть и вліяніе, крупныхъ купцовъ съ ремесленниками, богатыхъ съ бѣдными, полноправныхъ съ безправными, что вносило во внутреннюю жизнь городовъ безпорядокъ и ослабляло ихъ. Внѣшняя причина упадка городовъ сводится, главнымъ образомъ, къ усиленію государственной власти, особенно во Франціи, гдѣ Капетинги, пользовавшіеся вначалѣ городскою поддержкою, а за ними Валуа уничтожили постепенно политическую независимость городовъ. Въ итальянскихъ городахъ въ концѣ среднихъ вѣковъ власть захватили тираны. Вольности нѣмецкихъ городовъ, за слабостью государственной власти, пали гораздо позже, уже въ

новое время. Исключеніе составляютъ англійскіе города, которые политической независимостью, какъ извѣстно, не пользовались.

Большой ударъ торговому значенію городовъ былъ нанесенъ въ концѣ XV вѣка открытіемъ Америки и морского пути въ Индію, когда все представленіе о торговлѣ совершенно измѣнилось.

Значеніе средневѣковыхъ городовъ чрезвычайно велико. Въ экономическомъ отношеніи городъ содѣйствовалъ разложенію замкнутаго натуральнаго хозяйства и созданію и развитію хозяйства мѣнового. Въ соціальномъ отношеніи городъ создалъ новый общественный классъ — буржуазію, которая, представляя собою съ одной стороны торговлю и промышленность, сдѣлалась постепенно съ другой стороны представительницей образованности и просвѣщенія. Когда пали городскія политическія вольности, богатая и просвѣщенная буржуазія осталась, сохранивъ за собою завоеванное ею видное общественное положеніе. Это было то «третье сословіе», которое въ новой исторіи будетъ играть преобладающую роль въ созданіи новыхъ формъ государственной жизни. Въ дѣлѣ раскрѣпощенія крестьянъ города также имѣли значеніе, такъ какъ пришедшіе въ городъ зависимые люди и пробывшіе въ немъ нѣкоторое время, часто годъ и одинъ день, считались свободными. Въ политическомъ отношеніи средневѣковые города являлись по своимъ принципамъ противниками феодальнаго режима и, устанавливая у себя общее управленіе и правильное податное обложеніе, сдѣлались какъ бы прообразами позднѣйшихъ государствъ новаго времени.

Все выше сказанное заставляетъ видѣть въ городскомъ движеніи одно изъ самыхъ важныхъ и плодотворныхъ явленій средневѣковой внутренней жизни.

IV.

Очеркъ духовной культуры Средневѣкового Запада.

Средневѣковое міросозерцаніе и Блаженный Августинъ.

Главнымъ отличительнымъ признакомъ средневѣковой западно-европейской культуры, какъ и въ Византіи, было преобладаніе религіознаго, церковнаго начала. Въ эпоху переселенія варваровъ и образованія варварскихъ германскихъ государствъ, а затѣмъ въ смутное и тревожное время господства феодализма населеніе Западной Европы жило въ условіяхъ совершенно непригодныхъ для развитія культуры. Поэтому вліяніе античной образованности, которое въ былое время сильно чувствовалось во многихъ частяхъ Европы, прекратилось. Единственнымъ образованнымъ классомъ осталось духовенство, которое въ стѣнахъ монастырей смогло сохранить слѣды прежней культуры, видоизмѣнившейся, конечно, подъ могучимъ вліяніемъ христіанства. Церковь постепенно пріобрѣла большую силу среди новыхъ варварскихъ государствъ, которыя, одно за другимъ, принимали христіанство, хотя и не по одному и тому же образцу. Мало по малу, взгляды церкви на жизнь, на ея задачи и земныя преходящія радости и печали, сдѣлались преобладающими и сообщили вообще средневѣковому міросозерцанію религіозный, церковный характеръ. Церковь съ проповѣдью аскетизма, т. е. воздержанія, отрѣшенія отъ міра, завладѣла умомъ средневѣкового человѣка. Лишь начиная съ XII вѣка, особенно въ связи съ Крестовыми походами, міросозерцаніе Западной Европы начинаетъ мѣняться и часто развивается въ направленіи не только несогласномъ съ прежними строго церковными и аскетическими идеалами, но иногда имъ противоположномъ.

Большое вліяніе на средневѣковое міросозерцаніе оказалъ одинъ изъ великихъ умовъ переходной эпохи отъ древности къ средневѣковью, Блаженный Августинъ [1]).

Августинъ родился въ сѣверо-африканской области Нумидіи въ половинѣ IV вѣка; отецъ его былъ язычникъ, мать—христіанка. Такимъ образомъ Августинъ съ малыхъ лѣтъ въ своей семьѣ видѣлъ и чувствовалъ столкновеніе отжившаго язычества съ живымъ христіанствомъ. Получивъ воспитаніе въ языческихъ школахъ и ведя бурную, веселую жизнь, Августинъ въ молодости сильно увлекся однимъ восточнымъ еретическимъ ученіемъ. По окончаніи образованія онъ сдѣлался преподавателемъ риторики, т. е. искусства краснорѣчія. Преподаваніе въ Карѳагенѣ не удовлетворяло Августина, и онъ направился въ Италію, въ Римъ и потомъ Миланъ, гдѣ пріобрѣлъ большую извѣстность. Въ Миланѣ онъ познакомился съ миланскимъ архіепископомъ Амвросіемъ, бесѣды съ которымъ производили на Августина глубокое впечатлѣніе. Въ Миланѣ произошло «обращеніе» Августина: послѣ тяжелыхъ сомнѣній, разочарованія въ своихъ юношескихъ увлеченіяхъ и сознанія великаго грѣха своего прошлаго Августинъ принялъ крещеніе. Отца его, принявшаго подъ конецъ своей жизни христіанство, уже не было въ живыхъ. Вскорѣ послѣ обращенія Августина не стало и его горячо любимой матери. Прошлое Августина ушло; передъ нимъ открывалось новое будущее. Возвратившись на родину, Августинъ въ нумидійскомъ городѣ Гиппонѣ былъ сначала посвященъ въ священники, а затѣмъ сдѣлался епископомъ Гиппона. Какъ епископъ, онъ усердно заботился о своей паствѣ, наставлялъ и утѣшалъ приходившихъ къ нему, являлся смѣлымъ заступникомъ слабыхъ передъ сильными, боролся съ язычниками и всегда стоялъ за справедливость и милосердіе въ судахъ. Умеръ Августинъ въ Гиппонѣ въ 430 году.

Изъ многочисленныхъ его трудовъ особенно интересны «Исповѣдь», откуда мы черпаемъ свѣдѣнія о его жизни со всѣми ея

---

[1]) Для чтенія; *Кн. Трубецкой.* Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V вѣкѣ. I. Міросозерцаніе блаж. Августина. Москва, 1892. *Герье.* Блаженный Августинъ. Москва, 1910 (Зодчіе и подвижники «Божьяго царства». Часть I).

сомнѣніями, приведшими Августина къ обращенію въ христіанство, и «О градѣ Божьемъ» (De civitate Dei). Послѣднее сочиненіе имѣло первостепенное значеніе для выработки и развитія средневѣкового міросозерцанія.

Поводомъ къ написанію послѣдняго сочиненія послужило слѣдующее обстоятельство. Въ 410 году вестготскій вождь Аларихъ взялъ и разорилъ Римъ. Паденіе бывшей столицы римскаго языческаго государства, которой поэты обѣщали вѣчное владычество надъ міромъ, произвело на этотъ міръ потрясающее впечатлѣніе. Казалось, что паденіе «вѣчнаго города» знаменовало собою нарушеніе самого мірового порядка. Люди, особенно язычники, съ которыми такъ тѣсно было связано прошлое величіе Рима, стараясь объяснить причину столь необычайнаго событія, стали приписывать паденіе Рима христіанству и ниспроверженію идоловъ. Оскорбленные языческіе боги отмстили этимъ разрушеніемъ великаго города за свое паденіе. Но смущены были и христіане, сильно пострадавшіе при взятіи Рима Аларихомъ, который, какъ извѣстно, былъ христіаниномъ, хотя и принявшимъ ученіе Арія. Христіане, особенно недавно принявшіе христіанство, также вопрошали себя, не понесли ли они это наказаніе за измѣну языческимъ богамъ. Августинъ въ такихъ обстоятельствахъ счелъ своимъ долгомъ опровергнуть мнѣніе, что многобожіе было необходимо для благоденствія Рима и что запрещеніе язычества повлекло за собою обрушившіяся на Римъ тяжелыя бѣдствія. Для этой цѣли онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе «22 книги о градѣ Божьемъ».

Въ своемъ трудѣ Августинъ говоритъ о двухъ противоположныхъ царствахъ: царствѣ Божіемъ и царствѣ діавола. Будучи самъ свидѣтелемъ паденія Рима, Августинъ сравниваетъ римское государство съ наиболѣе сильными монархіями древности, съ ассирійской, персидской, македонской. Всѣ эти державы, включая и державу римскую, задавшись цѣлью объединить подъ своею властью міръ, несмотря на свою видимую крѣпость, имѣли лишь мимолетный и преходящій успѣхъ, такъ какъ строители ихъ государственнаго зданія воздвигали его не на настоящемъ основаніи; они созидали «царство діавола», гдѣ господствовали людскіе грѣхи, пороки и страсти. Это были царства языческія.

Паденія Рима въ 410 году не стоило оплакивать, такъ какъ онъ стоялъ во главѣ языческаго царства діавола. Христосъ пришелъ на землю, чтобы вновь основать и утвердить на землѣ царство Божіе, утерянное человѣкомъ послѣ грѣхопаденія Адама. Христосъ создалъ на землѣ истинную церковь, которая должна помнить завѣты Учителя, проводить ихъ въ жизнь и въ концѣ концовъ создать Божье царство, «Божій градъ», который побѣдитъ царство діавола. Всѣ земныя событія, хорошія или дурныя, пріятныя или непріятныя, всѣ учрежденія и успѣхи различныхъ народовъ имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку они содѣйствуютъ созиданію царства Божьяго на землѣ. Но создать такое царство можетъ лишь церковь. Поэтому свѣтскіе государи, если они хотятъ быть божьими гражданами, должны дѣйствовать согласно съ представителями церкви; въ противномъ случаѣ они будутъ служителями діавола. Отсюда вытекали двѣ идеи, которыя стали руководящими въ средніе вѣка: господство церкви и осужденіе грѣховной человѣческой природы, или **теократія** и **аскетизмъ.**

Папство и идея универсальной церкви [1]).

Когда Августинъ писалъ о Божьемъ градѣ и о господствѣ церкви, онъ имѣлъ въ виду вселенскую церковь, во главѣ которой стоялъ Христосъ. Современемъ эта идея Августина видоизмѣнилась и толковалась такъ, какъ и не думалъ ея создатель. Римскіе папы подъ церковью Августина стали понимать не вселенскую церковь,а римскую, во главѣ которой стояли они. По ихъ представленію, папы должны были создать на землѣ Божье царство, сдѣлаться его главою и слѣдовательно подчинить себѣ не только власть духовную, но и свѣтскую. Духовный пастырь западной церкви превращался въ свѣтскаго государя; другими словами, онъ вводилъ въ кругъ своей дѣятельности такіе интересы, которые были совершенно несовмѣстимы съ представленіемъ объ апостольской церкви и ея духовномъ руко-

---

[1]) Для чтенія: *М. Корелинъ.* Важнѣйшіе моменты въ исторіи средневѣкового папства. Петроградъ, 1901. Книга для чтенія по исторіи среднихъ вѣковъ, подъ ред. *П. Виноградова.* Вып. I, ст. 10; вып. II, ст. 28, 30, 32.

водителѣ. На подобномъ ложномъ толкованіи идеи Августина папы строили свою средневѣковую политику и стремились всѣми силами осуществить идею всеобщей (универсальной) церкви, подъ которой они разумѣли церковь римскую. Намѣчался уже ясно одинъ изъ самыхъ важныхъ вопросовъ средневѣковья— вопросъ о взаимномъ отношеніи духовной и свѣтской власти, церкви и государства.

Съ конца III вѣка, какъ извѣстно, императоры покинули Римъ и перенесли столицу на востокъ: Діоклетіанъ въ малоазіатскій городъ Никомидію, а послѣ него Константинъ Великій въ основанный имъ Константинополь. Римъ, переставъ быть государственнымъ центромъ, остался центромъ римской культуры. Послѣ удаленія императора съ береговъ Тибра, въ Римѣ сталъ играть особенно видную роль римскій епископъ. Епископы же этого города считали себя преемниками апостола Петра, потерпѣвшаго мученическій вѣнецъ въ эпоху гоненія Нерона въ Римѣ. Христосъ сказалъ Петру: «Ты камень, и на этомъ камнѣ созижду церковь мою, и врата адовы не одолѣютъ ея. Я тебѣ дамъ ключи царства небеснаго; что ты свяжешь на землѣ, будетъ связано и на небѣ, и что разрѣшишь на землѣ, разрѣшено будетъ и на небѣ». Эти слова Христа, въ примѣненіи къ римскимъ епископамъ, какъ къ преемникамъ ап. Петра, увеличивали ихъ власть и значеніе какъ въ собственныхъ глазахъ, такъ и въ глазахъ вѣрующихъ.

Обстоятельства такъ складывались, что римскіе епископы или папы должны были заниматься не только духовными дѣлами, но и свѣтскими. Константинопольскій императоръ былъ далеко отъ Рима, и твердая власть его въ немъ перестала чувствоваться. Между тѣмъ Риму грозили варвары, и для защиты города необходимо было принимать быстрыя и рѣшительныя мѣры. Въ половинѣ V вѣка гунны съ Аттилой во главѣ грозили Риму съ сѣвера, но не дошли до него; а черезъ три года вандалы, переправившись изъ сѣверной Африки въ Италію, подвергли Римъ страшному разгрому. Папа Левъ I, прозванный Великимъ, явился ревностнымъ заступникомъ Рима передъ варварами и облегчалъ участь несчастныхъ. Онъ уже сознательно добивался признанія господства римскаго престола надъ всею церковью и горячо

возсталъ противъ постановленія Халкидонскаго Вселенскаго Собора 451 года, который предоставилъ константинопольскому патріарху одинаковыя преимущества съ римскимъ папою, т. е. уравнялъ духовнаго главу Новаго Рима съ такимъ же главою Рима стараго.

Послѣ тяжелаго времени остготской войны, во время которой Римъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, Византія ненадолго возвратила, въ эпоху Юстиніана Великаго, свое вліяніе на Римъ. Но въ 568 году лангобарды, вступивъ въ сѣверную Италію и покоривъ ее, побѣдоносно продвинулись въ среднюю Италію и окружили римскую область съ сѣвера, востока и юга. Римъ оказался такимъ образомъ отрѣзаннымъ отъ Равенны, гдѣ находился византійскій намѣстникъ. Византійскій императоръ также ничѣмъ не могъ помочь Риму.

Въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ на папскомъ престолѣ появился Григорій I Великій (590—604), который впервые соединилъ аскетическіе идеалы духовнаго лица со свѣтскими политическими интересами. Въ борьбѣ Рима съ лангобардами на долю Григорія выпало быть не только духовнымъ утѣшителемъ населенія, но и быть дѣйствительнымъ заступникомъ города; какъ настоящій государь, онъ ведетъ съ лангобардами войну, заключаетъ съ ними миръ, заботится о городскомъ хозяйствѣ, продовольствіи и т. д. Сама жизнь заставила папу пользоваться свѣтскою властью.

Лангобардская опасность не прекращалась. Отъ византійской, хотя и слабой зависимости папы желали избавиться; особенно отношенія между Византіей и папствомъ обострились въ VIII вѣкѣ въ эпоху иконоборства, противъ котораго папы и Италія всѣми силами возставали. Чувствуя грозную опасность со стороны лангобардовъ, имѣвшихъ намѣреніе овладѣть Римомъ, папа обратился за помощью къ франкскому королю Пипину Короткому. Послѣдній двинулся въ походъ противъ лангобардовъ и, побѣдивъ ихъ, получилъ отъ лангобардскаго короля Равенну и другіе города, входившіе прежде въ составъ Равеннскаго экзархата и незадолго передъ тѣмъ завоеванные лангобардами. Послѣ этого произошелъ одинъ изъ самыхъ важныхъ фактовъ въ исторіи средневѣкового папства: въ 754 году Пипинъ

передалъ полученные отъ лангобардовъ города во владѣніе папѣ и тѣмъ положилъ основаніе папскаго государства или церковной области. Съ этихъ поръ папа пересталъ быть лишь духовнымъ главою западно-европейскаго міра: онъ оффиціально сталъ и свѣтскимъ государемъ. Послѣднее было уже кореннымъ противорѣчіемъ между аскетическимъ, далекимъ отъ міра началомъ, на которомъ основывалось духовное главенство римскаго епископа, и его положеніемъ, какъ свѣтскаго государя. Въ 800 году папа Левъ III, коронуя Карла въ Римѣ императоромъ Священной Римской имперіи, еще болѣе возвысилъ папскую власть; съ этихъ поръ папы стали считать свою власть выше власти императора, такъ какъ они короновали его и помазывали на царство.

Для папъ было очень важно обосновать чѣмъ-нибудь свою свѣтскую власть и оправдать ее въ глазахъ людей. Въ этомъ отношеніи имъ въ IX вѣкѣ очень помогъ одинъ подложный документъ, такъ называемое «Дареніе Константина», которое сообщало, что Константинъ Великій, перенося свою столицу изъ Рима на берега Босфора, передалъ папѣ Сильвестру всю свою власть надъ городомъ Римомъ и надъ «всѣми провинціями Италіи и западныхъ странъ». Поэтому права папы на свѣтскую власть были оправдываемы не недавнимъ пожалованіемъ Пипина Короткаго, а передачею этой власти папѣ еще въ IV вѣкѣ Константиномъ Великимъ. Подложность «Даренія» была доказана въ XV вѣкѣ [1]). Другой же подложный документъ, бывшій въ большомъ распространеніи въ томъ же IX вѣкѣ, тамъ называемыя «Лже-Исидоровы декреталіи», передавалъ папѣ полную власть надъ епископами всѣхъ странъ и тѣмъ самымъ ограничивалъ власть западнаго императора, который, какъ напр. Карлъ Великій, хотѣлъ быть полнымъ хозяиномъ не только въ свѣтскихъ, но и духовно-церковныхъ дѣлахъ. Особенно выдавался опредѣленностью своихъ взглядовъ въ этомъ отношеніи въ половинѣ IX вѣка знаменитый папа Николай I, который уже открыто говорилъ о господствѣ духовной власти надъ властью свѣтской. Такимъ образомъ VIII и IX вѣка дали въ руки папѣ

---

[1]) Русскій текстъ «Даренія Константина» въ Исторической хрестоматіи *Нейкирха* и *Кулжинскаго*. Средняя исторія, с. 113.

свѣтскую власть и заставили его высказать мнѣніе о превосходствѣ духовной власти надъ свѣтской. Матеріалъ для столкновенія со свѣтскою властью былъ налицо.

Въ X вѣкѣ папство пережило періодъ своего временнаго упадка. Послѣ коронованія папою германскаго государя Оттона I Великаго въ 962 году императорскою короною, папы попали въ зависимость отъ него; съ другой стороны, папы находились въ тѣсной зависимости отъ римской знати. На папскомъ престолѣ возсѣдали недостойные люди. Клюнійское движеніе, появившееся въ томъ же X вѣкѣ и имѣвшее своею цѣлью поднять нравственную сторону духовенства, быстро развилось и дало въ XI вѣкѣ немало достойныхъ представителей римской церкви.

Какая же была главная цѣль папства въ XI вѣкѣ? Въ это время папство всѣми силами стремилось освободиться отъ свѣтской зависимости, въ какую оно попало въ X вѣкѣ отъ нѣмецкаго государя. Первою мѣрою въ этомъ направленіи была реформа папы Николая II, который добился того, чтобы избраніе папы зависѣло отъ коллегіи кардиналовъ, т. е. отъ собранія высшихъ церковныхъ сановниковъ, гдѣ бы они для выборовъ папы ни собрались. Эта реформа полагала конецъ вмѣшательству свѣтской власти въ дѣло избранія папъ.

Въ 1073 году на папскій престолъ вступилъ подъ именемъ Григорія VII Гильдебрандъ, воспитанный въ воззрѣніяхъ клюнійскаго движенія[1]). Имѣя чрезвычайно высокое понятіе о папской власти и развивая идеи папы Николая I, Григорій VII заявлялъ, что папа можетъ низлагать императоровъ и освобождать подданныхъ отъ присяги ихъ государю. По словамъ Григорія VII, «Самъ Царь Славы поставилъ св. апостола Петра, а значитъ, и его намѣстника, т. е. папу, главою царствъ міра. Папа настолько превышаетъ императора, насколько солнце превосходитъ луну, а потому власть апостольскаго трона стоитъ далеко выше могущества королевскаго престола». Подобное господство теократіи (божьей власти) надъ свѣтскимъ государствомъ и обществомъ было мыслимо лишь тогда, если теократія будетъ совершенно

---

[1]) Для чтенія: *А. Вязигинъ.* Григорій VII. Его жизнь и общественная дѣятельность. Петроградъ, 1891. *Кн. Трубецкой.* Религіозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ XI вѣкѣ. Москва, 1897.

независима отъ свѣтской власти. Само духовенство, поставленное въ условія полной независимости отъ свѣтскаго элемента, не должно было имѣть никакого иного государя, кромѣ папы. Чтобы отдалить духовенство отъ мірскихъ заботъ и увлеченій, Григорій VII ввелъ безбрачіе духовенства или целибатъ. Чтобы нравственно поднять духовенство, онъ открылъ суровыя преслѣдованія противъ симоніи, т. е. продажи духовныхъ мѣстъ за деньги. Чтобы, наконецъ, избавить духовенство отъ свѣтской власти, Григорій VII возсталъ противъ инвеституры, т. е. права короля назначать на духовныя должности и передавать назначаемому лицу связанный съ должностью ленъ. Это было уже настоящимъ вызовомъ германскимъ государямъ, которые со времени Оттона I полагали инвеституру въ основу своей государственной системы.

Современникомъ Григорія VII на германскомъ престолѣ былъ Генрихъ IV, имѣвшій также высокое представленіе объ императорской власти и считавшій, что онъ получилъ ее отъ Бога. Вспыхнувшая между ними упорная и долгая борьба за инвеституру окончилась уже послѣ ихъ смерти; германскій государь Генрихъ V и папа Калликстъ II заключили въ 1122 году Вормскій конкордатъ, или соглашеніе, по которому обѣ партіи сдѣлали уступки. Съ этихъ поръ церковныя должности должны были замѣщаться правильными выборами, согласно съ церковными законами; другими словами, императоръ отказывался отъ духовной инвеституры. Свѣтская же инвеститура, т. е. надѣленіе избраннаго лица землею (леномъ), продолжала оставаться въ его рукахъ; только въ Германіи императоръ передавалъ ленъ до посвященія избраннаго лица въ санъ, а въ Италіи—послѣ посвященія. Отсюда видно, что въ Германіи императоръ могъ задержать посвященіе.

Въ результатѣ церковь въ этой борьбѣ достигла крупныхъ успѣховъ: она добилась независимости папскаго избранія отъ императора (статутъ папы Николая II), признанія незаконности симоніи, введенія целибата и, наконецъ, возстановленія правильнаго избранія на церковныя должности. Одно изъ желаній Григорія VII исполнилось: римская церковь стала почти независимой отъ свѣтской власти.

Возникшее въ концѣ XI вѣка крестоносное движеніе вселяло папству новыя надежды на усиленіе его вліянія. Папы, ставшіе во главѣ проповѣди борьбы за возвращеніе Святыхъ Мѣстъ, въ случаѣ удачи походовъ, должны были въ глазахъ всего христіанскаго міра еще болѣе возвеличиться; а кромѣ того, они надѣялись, помогая этими походами и Византіи, стѣсненной турками, возвратить отпавшую восточную церковь въ лоно церкви римской.

Главнымъ же противникомъ папства въ достиженіи имъ своихъ универсальныхъ стремленій оставался германскій государь. Въ XII вѣкѣ въ Германіи государи изъ дома Гогенштауфеновъ были увѣрены въ томъ, что власть ихъ непосредственно зависѣла отъ Бога и была настолько же священна, какъ и власть римскаго первосвященника. Фридрихъ I Барбаросса (1152—1190) утверждалъ, что воля его имѣетъ силу закона, что ему принадлежитъ верховная власть надъ міромъ, и что самый міръ является его собственностью.

Современникомъ и соперникомъ Фридриха былъ энергичный папа Александръ III, продолжатель проведенія въ жизнь идей Григорія VII. Для большей успѣшности борьбы Александръ III вступилъ въ союзъ съ могучими ломбардскими городами, независимости которыхъ грозилъ Фридрихъ I. Въ происшедшей борьбѣ германскій государь потерпѣлъ полное пораженіе при Леньяно въ 1176 году, и въ Венеціи, въ соборѣ св. Марка, Барбаросса на колѣняхъ умолялъ папу о прощеніи. Казалось, папы были недалеки отъ осуществленія своего желанія господствовать надъ свѣтскою властью.

Наивысшей степени своего величія папская власть достигла при Иннокентіи III (1198—1216). Ему не надо было отвоевывать духовную власть отъ свѣтской, что было сдѣлано уже Григоріемъ VII [1]). Иннокентію III, особенно послѣ блестящаго успѣха Александра III, оставалось лишь добиться окончательнаго торжества духовной власти надъ свѣтской. Подобно Григорію VII, Иннокентій III сравнивалъ двѣ власти съ солнцемъ и луной; какъ луна получаетъ свой свѣтъ отъ солнца, такъ и королевская

---

[1]) Для чтенія: *В. Герье.* Западное монашество и папство. Москва, 1913. (Зодчіе и подвижники «Божьяго царства». Часть II).

власть получаетъ весь свой блескъ и свое величіе отъ власти папской. Римъ, по словамъ Иннокентія, держитъ въ своихъ рукахъ ключи неба и управленіе землею, всю полноту власти духовной и свѣтской. Папа имѣетъ право смѣщать государей, которые являются лишь его ставленниками. При Иннокентіи III, папа изъ намѣстника Петра становится намѣстникомъ самаго Бога, «викаріемъ Христа». По его словамъ, «римскій первосвященникъ поистинѣ называется намѣстникомъ не простого человѣка, а истиннаго Бога. Ибо хотя мы и преемники главы апостоловъ, однако мы не его и не какого-либо апостола или человѣка, но самого Іисуса Христа намѣстники». При такихъ взглядахъ «Божье царство» должно было по необходимости принимать на землѣ воинствующій характеръ.

Для полнаго осуществленія на землѣ теократическаго идеала Иннокентію III приходилось стремиться къ двумъ цѣлямъ: достигнуть религіознаго единства и подчинить церковному идеалу свѣтское государство. Первое стремленіе папы выражалось въ попыткахъ подавить ереси, напр. ересь альбигойцевъ, и распространить повсюду католичество, напр. въ Ливоніи, гдѣ въ началѣ XIII вѣка былъ основанъ духовный орденъ «меченосцевъ», въ Византіи въ эпоху четвертаго крестоваго похода, у князя Галицкаго и даже въ Россіи.

Въ вопросѣ же подчиненія папству свѣтской власти государей главную роль игралъ императоръ «Священной Римской Имперіи», т.-е. государь германскій, отношенія къ которому у папы во время Иннокентія III очень осложнились. Дѣло въ томъ, что въ концѣ своего правленія Фридрихъ Барбаросса женилъ своего сына и наслѣдника Генриха на наслѣдницѣ норманскаго королевства, т.-е. Неаполя и Сициліи. Такимъ образомъ, послѣ смерти Фридриха его преемникъ Генрихъ VI, соединившій въ своихъ рукахъ большія владѣнія германскаго короля, Сициліи и Неаполя, сдѣлался самымъ могущественнымъ государемъ Европы. Особенно страшенъ новый государь былъ папамъ, владѣнія которыхъ были съ тѣхъ поръ стѣснены владѣніями Генриха съ сѣвера и юга.

Въ такихъ обстоятельствахъ Иннокентій III вступилъ въ упорную борьбу съ Германіей, при чемъ прибѣгалъ, помимо отлученій и интердиктовъ, къ совершенно свѣтскимъ средствамъ,

поддерживая и возбуждая одного претендента на престолъ противъ другого. Ближайшею практическою цѣлью Иннокентія III было заставить германскаго государя отказаться отъ Неаполя и Сициліи, что ему, однако, не удалось. Нѣкоторые другіе государи Западной Европы, напр., Іоаннъ Безземельный въ Англіи, признали отъ Иннокентія III свою вассальную зависимость.

При Иннокентіи III папство достигло наивысшаго расцвѣта и наибольшей силы. Но, по словамъ одного историка, «это былъ апоѳеозъ учрежденія, уже отслужившаго свою историческую службу». Со времени Иннокентія III можно замѣтить уже и первые признаки упадка папства, которое своимъ упорнымъ стремленіемъ къ свѣтскому владычеству отодвигало на второй планъ свои духовныя обязанности; подобное «омірщеніе папства» сильно начинало смущать истинно вѣрующихъ людей, и, мало-помалу, противъ такого преобразившагося папства стало усиливаться недовольство.

Преемники Иннокентія III въ XIII вѣкѣ, Григорій IX и Иннокентій IV, еще вели упорную и успѣшную борьбу съ ненавистными папству Гогенштауфенами, особенно съ Фридрихомъ II, родъ которыхъ, это «змѣиное отродье», по ихъ словамъ, они рѣшили истребить. Еще Григорій IX писалъ: «Короли и князья склоняются къ ногамъ священниковъ, и христіанскій императоръ долженъ подчиниться не только римскому епископу, но и другимъ духовнымъ лицамъ». По поводу смерти Фридриха II Иннокентій IV восклицалъ: «Да возрадуются небеса и пусть трепещетъ отъ восторга вселенная!» Папы добились своего. Гогенштауфены были истреблены, и послѣдній отпрыскъ ихъ Конрадинъ былъ обезглавленъ въ Неаполѣ. Въ Сицилію и Неаполь папы призвали французовъ во главѣ съ Карломъ Анжуйскимъ. Папы должны были торжествовать: они истребили ненавистную имъ династію. Власть германскихъ государей въ Италіи прекратилась.

Но торжество папства было лишь внѣшнимъ. Борьба XIII вѣка ясно показала міру, что папы боролись не для достиженія какихъ-либо духовныхъ цѣлей. Папы мстили своимъ личнымъ врагамъ Гогенштауфенамъ, и способы борьбы для нихъ были безразличны. Настоящая церковь, Божье Царство, о которомъ

когда-то говорилъ блаженный Августинъ, ничего общаго съ такою политикою папъ имѣть не могло. Съ XIII вѣка замѣчается паденіе папства. Сами папы начинаютъ понимать, что господства надъ свѣтскою властью имъ не достигнуть. Появляется даже со стороны папства мысль о томъ единеніи, которое должно существовать между духовною и свѣтскою властью.

Послѣднюю попытку возстановить падавшее папство въ духѣ Иннокентія III сдѣлалъ въ концѣ XIII вѣка папа Бонифацій VIII, который заявлялъ, что «Римскій первосвященникъ, намѣстникъ Всемогущаго Бога, повелѣваетъ королямъ и королевствамъ; онъ проявляетъ первенство надъ всѣми людьми»; по его убѣжденію, папа имѣлъ право низложить короля. Но подобныя мысли, не осуществленныя такою крупною личностью, какъ Иннокентій III въ началѣ XIII вѣка, уже не имѣли силы, конечно, въ началѣ XIV вѣка. Въ борьбѣ Бонифація VIII съ французскимъ королемъ Филиппомъ IV Красивымъ (1285—1314) отжившая папская теорія столкнулась съ новымъ, но уже сильнымъ государственнымъ началомъ, представителемъ котораго былъ французскій король. Въ этомъ столкновеніи свѣтская власть побѣдила власть папы; восьмидесятилѣтній старецъ, оскорбленный посланными въ Италію людьми Филиппа IV, умеръ отъ перенесеннаго позора.

Вскорѣ послѣ этого папы, по настоянію Филиппа IV, принуждены были даже покинуть Римъ и перенести свою резиденцію въ южно-французскій городъ Авиньонъ, гдѣ и оставались въ теченіе почти семидесяти лѣтъ въ подчиненіи у французскаго короля (1308—1377). Время папскаго пребыванія въ Авиньонѣ обыкновенно называется «Вавилонскимъ плѣненіемъ папъ».

Подобное положеніе папства вызвало цѣлый рядъ протестовъ. Все громче и громче раздавались голоса, требовавшіе церковной реформы. Попытка подобной реформы церкви «въ ея главѣ и членахъ» и была сдѣлана въ XV вѣкѣ при помощи соборовъ.

Такимъ образомъ, средневѣковое папство, удалившееся отъ воззрѣній блаженнаго Августина и разумѣвшее подъ вселенскою церковью церковь римскую, настолько пропиталось мірскими интересами и жаждою свѣтской власти, что совершенно отдалилось отъ первоначальной духовной и аскетической природы своей дѣятельности. Получилось явное противорѣчіе между тѣмъ,

чѣмъ должна была быть папская власть, и тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ. Примирить подобное противорѣчіе церковь была не въ состояніи, такъ какъ она находилась на ложномъ пути. Поэтому и попытка церкви установить средневѣковую теократію кончилась полною неудачею.

Развитіе монашества: бенедиктинское, клюнійское, цистерціанское, премонстрантское и нищенствующее монашество. Св. Францискъ.

Колыбелью монашества, какъ извѣстно, былъ Египетъ [1]). Вліяніе оттуда очень рано сказалось на Западѣ Европы, гдѣ и безъ того уже замѣчалось стремленіе къ аскетизму, т. е. подвижничеству, и гдѣ встрѣчались общежитія подвижниковъ и подвижницъ. Изъ Египта пріѣзжали на Западъ пустынники (анахореты); разсказы объ ихъ жизни и чудесахъ, объ ихъ борьбѣ съ дьяволомъ-искусителемъ доходили до Европы, увлекали слушателей и вызывали въ ихъ сердцахъ желаніе подражать далекимъ пустынножителямъ. Аскетическое начало на Западѣ усилилось подъ восточнымъ вліяніемъ, и подвижники Востока съ великою радостью смотрѣли на развитіе западныхъ монашескихъ общежитій и на усиливавшееся стремленіе западныхъ монаховъ и монахинь посѣтить Египетъ и Палестину. Въ IV—V вѣкахъ въ Европѣ появились монастыри. Амвросій Медіоланскій устроилъ монастырь около Милана. Во всей Италіи, Сициліи, Галліи, Германіи, Испаніи, нѣсколько позже въ Ирландіи, Англіи и Шотландіи возникли монастыри. Монастыри на Западѣ создались независимо другъ отъ друга; поэтому у нихъ не было единообразной организаціи, не было общаго устава, который былъ бы въ состояніи объединить монастыри. Первую попытку внести нѣкоторое единство въ западное монашество сдѣлалъ въ концѣ IV вѣка Кассіанъ, знавшій прекрасно Востокъ, Палестину и Египетъ, побывавшій въ Константинополѣ и желавшій приспособить основы восточнаго монашества къ Западу. Но настоящимъ «отцомъ западнаго монашества» было св. Бенедиктъ Нурсійскій.

Бенедиктъ родился въ концѣ V вѣка въ городкѣ Нурсіи,

---

[1]) Для чтенія: *Л. Карсавинъ*. Монашество въ Средніе Вѣка. Петроградъ, 1912.

около Сполето, въ средней Италіи. Происходя изъ знатной семьи и получивъ хорошее образованіе, онъ рано «презрѣлъ научныя занятія» и удалился въ дикое мѣсто Субъяко, гдѣ, поселившись въ горахъ, въ малодоступной пещерѣ, онъ въ постѣ, молитвѣ и борьбѣ съ искушеніями подражалъ жизни египетскихъ пустынниковъ. Слава о Бенедиктѣ распространилась; около него стали собираться ученики, и въ Субъяко возникъ монастырь, который быстро расцвѣлъ и вызвалъ зависть сосѣдняго монастыря. Тогда Бенедиктъ съ нѣсколькими учениками оставилъ свой монастырь и въ полуразвалившемся городкѣ Монте-Кассино, между Римомъ и Неаполемъ, положилъ основаніе новому монастырю. Послѣдній быстро разросся и, будучи обнесенъ высокими стѣнами, служилъ окрестнымъ жителямъ убѣжищемъ отъ нападенія остготовъ или византійскихъ грековъ. Въ Монте-Кассино св. Бенедиктъ умеръ и тамъ же онъ написалъ свой монастырскій уставъ, получившій такое вліяніе въ западномъ монашествѣ.

Уставъ Бенедикта составленъ на основаніи прежнихъ монастырскихъ правилъ, въ томъ числѣ на основаніи твореній выше названнаго Кассіана [1]). Монахъ долженъ истинно служить Богу. Наиболѣе удобною для Бенедикта формою монашескаго житія является монастырское общежитіе. Во главѣ монастыря стоялъ пожизненный аббатъ съ неограниченною властью, котораго избирала вся братія; монахи—это Христово воинство. Полнѣйшее послушаніе требовалось отъ монаха: безъ разрѣшенія аббата онъ не могъ ни видѣться съ родителями, ни переписываться съ ними; съ гостями, посѣщавшими монастыри, монахи, безъ позволенія аббата, не имѣли права вступать въ бесѣду. Бѣдность, цѣломудріе и молчаніе были необходимыми условіями для монаха, который, вступивъ въ извѣстный монастырь, уже не имѣлъ права его покидать; всю жизнь свою онъ долженъ былъ провести въ одномъ и томъ же монастырѣ, не принадлежа себѣ, а Богу, предаваясь молитвѣ и посту и обращая особое вниманіе на смиреніе. Повиноваться старшему надо было во всемъ, даже если это влекло за собою страданіе; отъ своей воли необходимо было отказаться. Вся жизнь «воина Христова» проходитъ въ строго опре-

---

[1]) Уставъ Бенедикта въ русскомъ переводѣ въ Истор. Хрестоматіи *Нейкирха* и *Кулжинскаго*. Средняя исторія, с. 28—34.

дѣленныхъ условіяхъ, подъ неусыпнымъ наблюденіемъ настоятеля (аббата). Работа и чтеніе не возбранялись монахамъ, но за всѣмъ этимъ должны были строго наблюдать старшіе. Своимъ трудомъ монахи обезпечивали существованіе своего монастыря.

Главная заслуга сжато написаннаго устава Бенедикта заключается въ томъ, что онъ соединилъ монашескіе идеалы Востока съ особенностями жизни Запада и этимъ самымъ способствовалъ его громадному распространенію въ Западной Европѣ. Много помогло уставу Бенедикта и то, что папы стали на его сторону и устраивали западное монашество при помощи бенедиктинскаго устава. Франкскіе государи также встали на эту точку зрѣнія.

Бенедиктинскій уставъ широко распространился по всей Италіи и въ Сициліи, во Франціи и нѣсколько позднѣе въ Германіи.

Но, мало-по-малу, мірскіе и свѣтскіе интересы стали проникать въ монастырскую среду. Уже въ VIII вѣкѣ было видно, что многіе монахи тяготились строгимъ бенедиктинскимъ уставомъ и нарушали его. При Карлѣ Великомъ и Людовикѣ Благочестивомъ Бенедиктъ Аньянскій сдѣлалъ попытку съ нѣкоторыми измѣненіями снова возродить бенедиктинскій уставъ. Но эта попытка большого успѣха не имѣла. Къ началу X вѣка монастыри, какъ и вообще большая часть церкви, жили неподобающею свѣтскою жизнью; бенедиктинскій уставъ былъ забытъ.

Въ это время попытка реформировать, т.-е. преобразовать церковь и поднять ея нравственный уровень вышла изъ построеннаго въ началѣ X вѣка монастыря Клюни (около города Макона въ Бургундіи). Это религіозное движеніе извѣстно въ исторіи подъ названіемъ клюнійскаго движенія.

Вначалѣ въ Клюни былъ планъ преобразовать лишь монастырскую жизнь, забывшую уставъ св. Бенедикта. Монастырь сразу попалъ въ очень выгодныя условія, такъ какъ былъ подчиненъ непосредственно папѣ и этимъ освободился отъ мѣстной власти епископа. Такимъ образомъ, монастырь получилъ возможность самостоятельно и свободно, безъ всякаго вмѣшательства мѣстной духовной власти, работать на пользу преобразованія монастырской жизни. Спустя нѣкоторое время папа даровалъ клюнійскому монастырю новыя важныя привилегіи, а именно—разрѣшилъ

ему принимать подъ свою власть другіе монастыри для ихъ преобразованія; монаховъ же тѣхъ общежитій, которыя не соглашались на преобразованія, папа разрѣшалъ отъ повиновенія своимъ аббатамъ. Преобразовательная дѣятельность клюнійскаго монастыря расширялась, захватывая другіе монастыри; къ половинѣ XI вѣка отъ Клюни зависѣло уже 65 монастырей. Постоянныя сношенія съ папскимъ дворомъ поддерживались почти ежегодными поѣздками клюнійскихъ аббатовъ въ Римъ. Клюнійцы носили черное одѣяніе, почему ихъ называли черными монахами.

Суровый образъ жизни клюнійскаго аббатства, послушаніе и строгость во внутреннемъ ея обиходѣ, искреннее благочестіе, благотворительность и доброта производили глубокое впечатлѣніе и пріобрѣтали клюнійцамъ все больше и больше сторонниковъ. Подобная обширная организація имѣла громадное значеніе для папства, какъ ревностная проводительница его идей.

Но преобразовательная дѣятельность Клюни не ограничилась рамками монастырской жизни; она задалась цѣлью реформировать церковь вообще, возстановить ея павшіе нравы и расшатанную дисциплину и уничтожить вкоренившіеся въ церкви свѣтскіе обычаи и привычки. Клюнійцы выступили вѣрными сторонниками борьбы папства съ симоніей, т.-е. съ обычаемъ продажи духовныхъ мѣстъ за деньги, съ браками духовенства и съ инвеститурой.

Но были люди, которыхъ не могли удовлетворить и клюнійскіе монастыри, куда все же проникло нѣкоторое мірское начало. Такіе люди удалялись въ уединенныя мѣста и жили тамъ анахоретами (пустынниками); около нихъ иногда создавались новые монастыри, а въ XII вѣкѣ появились духовные ордена, изъ которыхъ выдѣлялся орденъ цистерціанцевъ.

Основателемъ этого ордена былъ происходившій изъ знатной семьи св. Робертъ, умершій въ началѣ XII вѣка. Увлеченный идеей строгаго соблюденія бенедиктинскаго устава и не нашедшій осуществленія своего желанія во многихъ монастыряхъ, гдѣ ему приходилось жить, Робертъ задумалъ основать новое общежитіе. Для этого онъ съ нѣсколькими братьями удалился въ болотистую мѣстность въ Бургундіи Цистерцій (Cistercium) или Сито (Citeaux) гдѣ «новые воины Христовы» построили небольшую часовню и нѣсколько хижинъ. Цистерціанцы, строго придерживавшіеся бене-

диктинскаго устава, отличались чрезвычайною строгостью и простотою жизни, проводя время въ молитвѣ и трудѣ. На ряду съ физическимъ трудомъ монахи занимались и трудомъ умственнымъ, читая и переписывая Священное Писаніе и другія книги религіознаго содержанія. Особеннаго расцвѣта достигли цистерціанцы тогда, когда въ Сито вступилъ юный, пламенѣющій жаркою вѣрою и краснорѣчивый Бернардъ, основавшій вскорѣ новый монастырь Клерво (Clairvaux). Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ тяжелой, изнурительной работы, бѣдности и суровыхъ подвиговъ благочестія малоизвѣстный Клерво сталъ разрастаться и, благодаря большому числу вступавшихъ въ него монаховъ, могъ отъ себя уже основывать новые монастыри. Къ концу первой четверти XII вѣка цестерціанскіе монастыри были разсѣяны уже по всей Франціи. Возникалъ важный вопросъ объ общей организаціи ордена. Была составлена «Хартія любви», въ основу которой было положено строгое соблюденіе бенедиктинскаго устава. Верховная власть находилась въ рукахъ общаго собора, на который являлись аббаты всѣхъ монастырей и на которомъ предсѣдательствовалъ «великій аббатъ»— настоятель Сито. Цистерціанцы носили бѣлое одѣяніе, почему ихъ называли бѣлыми монахами.

Но несмотря на всѣ усилія сохранить въ чистотѣ и неприкосновенности бенедиктинскій уставъ, мірскіе интересы стали проникать и въ цистерціанскіе монастыри, которымъ богатые люди дарили пахотныя земли, луга, право ловли рыбы въ рѣкѣ и т. д.; этимъ самымъ они невольно втягивали монастыри въ житейскіе интересы. Цистерціанство уйти отъ міра не могло.

Аскетическій идеалъ средневѣковья проявлялся не только въ монашествѣ; онъ проникалъ въ бѣлое духовенство. Появились общежитія священниковъ, гдѣ они жили почти по монастырскому уставу или по канону, почему и назывались кононикамн. Такимъ уставомъ для священниковъ былъ такъ называемый уставъ Августина, составленный изъ сочиненій Блаженнаго Августина. Каноники приносили иногда три монашескихъ обѣта—бѣдности, цѣломудрія и послушанія; а уставъ Августина имѣлъ въ виду полный отказъ отъ личной собственности. Но, конечно, идеи монашества, введенныя въ клиръ, т.-е. въ бѣлое духовенство, нисколько не мѣняли обязанностей священниковъ;

они, какъ и прежде, должны были совершать богослуженіе, заботиться о душѣ своей паствы и объ ознакомленіи ея со Священнымъ Писаніемъ. Выше описанныя общежитія каноников распространялись; наиболѣе извѣстныя изъ нихъ становились образцами для другихъ. Нѣсколько подобныхъ общежитій, объединенныхъ общимъ уставомъ, получали названіе **конгрегацій**. Изъ общежитій каноников особенно выдѣлились **премонстранты**.

Основателемъ ордена премонстрантовъ былъ Норбертъ, человѣкъ знатнаго происхожденія, предназначенный къ духовному званію. Несмотря на свое посвященіе въ субдіаконы онъ весело жилъ при дворѣ германскаго государя Генриха V, т.-е. въ началѣ XII вѣка. Однажды въ дорогѣ молнія ударила въ землю передъ самымъ Норбертомъ. Послѣдній, пораженный этимъ, рѣшилъ покончить съ прежнею жизнью, сдѣлаться достойнымъ носить духовное званіе и отдаться дѣятельности проповѣдника. Онъ принялъ санъ священника и хотѣлъ поднять нравственную сторону жизни окружавшаго его духовенства. Клирики были этимъ недовольны и жаловались даже папскому легату на праведника, который, не сдѣлавшись монахомъ, носилъ монашеское платье и не отказывался отъ собственности. Покинувъ недовольныхъ клириковъ, Норбертъ поселился въ лѣсу вблизи Реймса, въ томъ мѣстѣ, которое, какъ разсказываетъ легенда, было указано ему Богомъ во снѣ и которое онъ поэтому назвалъ «указанное Богомъ» мѣсто (Praemonstratum—предуказанное; по-французски Prémontré). Отсюда и происходитъ названіе **премонстранты**. Тамъ былъ построенъ небольшой монастырь, гдѣ Норбертъ съ 13 товарищами сталъ жить по августинскому уставу. Число участниковъ общежитія Премонтре быстро увеличилось. Норбертъ не только призывалъ каноников къ лучшей жизни, а народъ къ покаянію, но и выступалъ въ качествѣ проповѣдника, боровшагося съ еретиками и лжеученіями, напр., противъ Абеляра, о которомъ рѣчь будетъ ниже. Немного лѣтъ спустя Норбертъ, избранный магдебургскимъ епископомъ, покинулъ Премонтре, гдѣ оставшіеся ученики его поддержали дѣло своего учителя и способствовали дальнѣйшему распространенію ордена.

Премонстранты, по внѣшности совершенно походя на монашескій орденъ, не забыли завѣтовъ Норберта. Они старались вообще

реформировать бѣлое духовенство и содѣйствовать насажденію и развитію канонической жизни; но вмѣстѣ съ этимъ они занимались оживленною проповѣдническою дѣятельностью не только среди духовенства, но и среди мірянъ. Церковь, въ лицѣ папъ желавшая вліять на міръ, нашла въ премонстрантахъ прекрасное средство, такъ какъ послѣдніе, въ противоположность монахамъ, не чуждались міра, вліяли на него своимъ совершеннымъ образомъ жизни и убѣжденнымъ словомъ и могли среди мірянъ распространять идеи, угодныя папству и римской церкви.

Но несмотря на старанія поднять нравственный уровень церкви распущенность духовенства все усиливалась и къ XIII вѣку вызвала новое движеніе въ пользу возвращенія церкви на истинный путь смиренія и милосердія. Это движеніе взяли въ свои руки два новыхъ ордена, изъ которыхъ одинъ былъ основанъ итальянцемъ Францискомъ Ассизскимъ, а другой—испанцемъ Доминикомъ.

Францискъ родился въ концѣ XII вѣка въ Ассизи, небольшомъ городкѣ Умбріи [1]). Будучи сыномъ состоятельнаго купца, Францискъ всегда имѣлъ деньги, велъ съ товарищами веселую и шумную жизнь, стоялъ во главѣ ихъ пирушекъ и прогуливался съ ними до поздней ночи съ пѣснями по узкимъ улицамъ заснувшаго, тихаго города. Но постепенно въ душѣ юноши совершался переломъ. Суетная мірская жизнь уже его не удовлетворяла. Состраданіе и милосердіе наполняли его сердце. Безграничная любовь Франциска распространялась на все живущее; для него были близки не только люди, но и животныя и птицы, къ которымъ онъ иногда обращался со словомъ утѣшенія или поощренія. Францискъ сталъ находить наслажденіе въ подачѣ обильной милостыни нищимъ, въ помощи гонимымъ, въ уходѣ за отвергнутыми всюду прокаженными. Новое направленіе въ жизни Франциска привело его къ столкновенію съ отцомъ, и онъ не задумался порвать съ семьею, чтобы на полной свободѣ быть въ состояніи отдаться своему призванію. Онъ отказал-

---

[1]) Для чтенія: *В. Герье.* Францискъ-апостолъ нищеты и любви. Москва, 1908. Книга для чтенія по ист. среднихъ вѣковъ, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 40. Завѣщаніе Франциска въ сборникѣ «Средневѣковье въ его памятникахъ», подъ ред. *Д. Егорова.* Москва, 1913, с. 92—95.

ся отъ мірскихъ благъ и сдѣлался нищимъ. Нищету Францискъ называлъ своей невѣстой, съ которой онъ и обручился. Знаменитый итальянскій художникъ Джіотто (XIII—XIV в.) въ одной изъ своихъ фресокъ въ построенномъ позднѣе въ Ассизи въ память Франциска храмѣ изобразилъ это обрученіе Франциска съ нищетой въ видѣ красивой съ исхудалыми чертами лица и въ разорванномъ платьѣ женщины. Францискъ, живя милостыней, занялся проповѣдью, въ которой не стремился разъяснять толпѣ сложные богословскіе вопросы; онъ и не могъ этого дѣлать, такъ какъ не имѣлъ соотвѣтствующаго образованія. Слова Евангелія, сказанныя Христомъ ученикамъ, когда онъ посылалъ ихъ проповѣдывать людямъ царство небесное (Матѳ. 10. 9), указали Франциску истинный путь. Подобно ученикамъ Христовымъ, Францискъ долженъ былъ проповѣдывать царствіе Божіе, полное отреченіе отъ міра, нищую жизнь, покаяніе, улучшеніе жизни, заботу о немощныхъ и больныхъ. Образъ бѣднаго и любящаго Христа всегда былъ передъ Францискомъ. Проповѣдь его была проста, но, какъ говоритъ его современникъ, «слово его было, какъ огонь пылающій, проникающій въ самую глубину сердца». Образованіе для человѣка было излишнимъ. Около Франциска собрались ученики, которые съ учителемъ помѣстились близъ Ассизи, около полуразрушенной церкви Порціункула (Portiuncula). Тройной монашескій обѣтъ—бѣдности, послушанія и цѣломудрія — былъ обязателенъ для учениковъ Франциска, которыхъ онъ называлъ «меньшими братьями» (Fratres Minores; отсюда миноритъ, въ смыслѣ «самыхъ малыхъ въ царствѣ небесномъ»). «Меньшіе братья» должны были не удаляться отъ міра, жить въ немъ, чтобы легче содѣйствовать его обращенію, быть радостными и кроткими. Это было францисканское братство, еще не превратившееся въ орденъ. «Братья» уже не ограничивались

Рис. 41. Св. Францискъ Ассизскій.

проповѣдью покаянія и любви въ Италіи, а перенесли ее въ другія страны, во Францію, Германію и т. д.

Во время поѣздки Франциска на Востокъ, въ Египетъ и Сирію, среди его оставшейся въ Европѣ братьи произошли раздоры. Обозначились двѣ партіи, изъ которыхъ одна для большаго успѣха проповѣди требовала для проповѣдниковъ образованія и знакомства съ мірскою наукою, другая же продолжала стоять на точномъ соблюденіи завѣтовъ Франциска, который, какъ извѣстно, образованіе считалъ излишнимъ. По возвращеніи на родину Францискъ съ горечью увидѣлъ происшедшій расколъ и обратился за помощью къ папѣ. Тогда папа Гонорій III въ 1223 году превратилъ францисканское братство въ орденъ и утвердилъ уставъ новаго «нищенствующаго» ордена. Уставъ, поставившій дѣтище Франциска на уровень съ другими орденами, во многомъ расходился съ первоначальными желаніями Франциска. Поэтому послѣдній отъ руководства орденомъ отказался и остался до гроба вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Послѣдніе три года своей жизни онъ пребывалъ чаще всего въ удаленныхъ отъ городовъ поселкахъ и пустынныхъ скитахъ родной Умбріи, гдѣ могъ въ уединеніи молиться и предаваться своимъ благочестивымъ размышленіямъ. Здоровье его, между тѣмъ, слабѣло. Почти уже умирающаго Франциска привезли въ Ассизи, гдѣ въ 1226 году этотъ «апостолъ нищеты и любви» тихо отошелъ въ вѣчность. Черезъ два года онъ былъ уже признанъ святымъ. Спустя нѣсколько лѣтъ въ Ассизи былъ построенъ надъ могилой Франциска великолѣпный понынѣ существующій храмъ, который и теперь продолжаетъ привлекать многочисленныхъ богомольцевъ, желающихъ почтить память святого.

Оставаясь всегда вѣрнымъ, послушнымъ сыномъ римской церкви, Францискъ установилъ новый взглядъ на жизнь, смягчившій средневѣковой суровый аскетизмъ. Онъ не боялся жизни и не избѣгалъ общества. Монахи, по его мнѣнію, не должны были замыкаться лишь въ себѣ, а идти къ людямъ и проповѣдывать имъ любовь и покаяніе.

Нищенствующій монашескій орденъ Франциска, утвержденный папою, т.-е. орденъ миноритовъ (меньшихъ братьевъ—

fratres minores) или францисканцевъ, развился съ необыкновенной быстротой. Монахи этого ордена, жившіе милостынею и переходившіе съ мѣста на мѣсто, полюбились народу, на который они оказывали большое вліяніе проповѣдью любви и покаянія. Проповѣдь была главнымъ средствомъ у миноритовъ. Папы осыпали ихъ своими льготами и привилегіями и тѣмъ еще болѣе способствовали его распространенію. Уже въ моментъ смерти Франциска орденъ имѣлъ 8.000 монастырей и до 200.000 монаховъ. По мѣрѣ расширенія ордена онъ сталъ терять свое первоначальное назначеніе; въ него ворвалась мірская струя. На ря-

Рис. 42. Базилика св. Франциска въ Ассизи.

ду съ простыми проповѣдниками, знавшими лишь Евангеліе, въ XIII вѣкѣ появились широко образованные монахи; въ монастыри проникали богатство и роскошь; запрещеніе францисканцамъ имѣть собственность было уничтожено папою.

Кромѣ ордена миноритовъ Францискъ учредилъ также орденъ **Клариссъ** для женщинъ (названіе ордена происходитъ отъ св. Клары, ученицы Франциска). Наконецъ, Францискъ основалъ **«третій орденъ» (терціаріи)**, въ который входили лишь міряне, не порывавшіе съ міромъ, не терявшіе права владѣть собственностью и имѣть семью и, значитъ, не принимавшіе мо-

нашескихъ обѣтовъ; но терціаріи должны были въ своей жизни руководствоваться заповѣдями христіанской вѣры, любви и милосердія; они какъ бы помогали францисканцамъ и содѣйствовали большему успѣху ихъ проповѣди.

Одновременно съ орденомъ францисканцевъ появился другой нищенствующій орденъ **доминиканцевъ.** Основатель его испанецъ Доминикъ родился въ Кастиліи во второй половинѣ XII вѣка [1]). Получивъ прекрасное богословское образованіе и столкнувшись въ южной Франціи съ ученіемъ альбигойцевъ, признаннымъ римскою церковью еретическимъ, Доминикъ поставилъ главною своею цѣлью борьбу съ еретическими ученіями при помощи проповѣди; причемъ, онъ допускалъ въ числѣ способовъ борьбы истребленіе закоренѣлыхъ еретиковъ и церковныя судилища, посылавшія враговъ церкви на костеръ. Около Доминика собралось не мало образованныхъ людей и фанатиковъ вѣры, изъ которыхъ и составился орденъ **братьевъ-проповѣдниковъ** (fratres praedicatores) или доминиканскій орденъ. Если францисканцы дѣйствовали словомъ любви и милосердія, то доминиканцы дѣйствовали поученіемъ и нерѣдко принужденіемъ. Доминиканцы были представителями воинствующей церкви. Уставъ доминиканцевъ былъ составленъ по францисканскому образцу. Будучи образованными богословами, умѣвшими искусно вести богословскіе споры, и пользуясь покровительствомъ папства, доминиканцы проникли въ школы и въ университеты, напр., въ парижскій университетъ, гдѣ оказывали вліяніе на преподаваніе, направляя его по пути, угодному для римскаго престола. Съ другой стороны, доминиканцы, открывшіе упорную борьбу съ еретическими ученіями, играли главную роль въ инквизиціи, т.-е. въ судахъ, разбиравшихъ дѣла объ ересяхъ, разыскивавшихъ и преслѣдовавшихъ еретиковъ.

Оба нищенствующихъ ордена имѣли поразительный успѣхъ у населенія различныхъ странъ. Они имѣли громадное значеніе для папства, которое могло при ихъ помощи сильнѣе и дѣйствительнѣе вліять на міръ. Но какъ папство, такъ и нищен-

---

[1]) Для чтенія: Книга для чтенія по ист. ср. вѣковъ, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 40.

ствующіе ордена восприняли въ себя не мало мірскихъ, свѣтскихъ интересовъ и этимъ самымъ удалились отъ своего первоначальнаго назначенія. Вскорѣ нищенствующимъ орденамъ, особенно доминиканцамъ, пришлось серьезно столкнуться съ еретическими заблужденіями и вступить съ ними въ борьбу.

Образованность. Школы; университеты; схоластика.

Въ эпоху переселенія народовъ, т.-е. передвиженія германскихъ племенъ въ началѣ среднихъ вѣковъ, прежняя школа римской имперіи погибла въ общей смутѣ, охватившей тогда Западную Европу. Даже простая грамотность почти исчезла. Только среди духовенства оставались еще кое-какіе слѣды самой примитивной образованности; но и среди его представителей встрѣчались люди неграмотные. Во всякомъ случаѣ, въ эпоху ранняго средневѣковья, въ виду того, что грамотность являлась въ большинствѣ случаевъ удѣломъ духовенства, всѣ грамотные люди назывались «клириками», т.-е. духовными, и даже имѣли право на тонзуру, т.-е. на выбритую макушку головы, что являлось однимъ изъ внѣшнихъ отличій духовенства отъ мірянъ.

Всѣ образовательныя учрежденія первой половины среднихъ вѣковъ сводились къ монастырскимъ и соборнымъ школамъ, которыя были **латинскими** школами, гдѣ обучали латинскому языку [1]). Такая латинская школа была чужда громадному большинству народа. Прежде всего ребенокъ долженъ былъ выучить наизусть по-латыни нѣкоторыя молитвы, послѣ чего переходилъ къ чтенію, письму, пѣнію и счету. Только послѣ этого наиболѣе способные и усидчивые ученики приступали къ изученію унаслѣдованныхъ средними вѣками еще отъ античной древности, такъ называемыхъ **семи свободныхъ искусствъ** (septem artes liberales). Эти «искусства» дѣлились на два отдѣла: тривіумъ (trivium) и квадривіумъ (quadrivium). Сперва проходили тривіумъ, состоявшій изъ трехъ словесныхъ предме-

---

[1]) Для чтенія: *Н. Сперанскій.* Очерки по исторіи народной школы въ Западной Европѣ. Москва, 1896. Книга для чтенія, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 43.

товъ: грамматики, риторики (искусство хорошо говорить и писать) и діалектики (искусство разсуждать). Послѣ прохожденія тривіума ученикъ приступалъ къ квадривіуму, а именно: къ ариѳметикѣ, геометріи, астрономіи и музыкѣ. Этотъ учебный планъ продолжалъ существовать незыблемо въ теченіе среднихъ вѣковъ. Какъ мы знаемъ, онъ примѣнялся и въ византійскихъ школахъ.

Нѣкоторое оживленіе въ дѣлѣ образованія можно замѣтить въ концѣ VIII-го и началѣ IX-го вѣковъ въ государствѣ Карла Великаго. При немъ открылись многочисленныя монастырскія школы. Карлъ убѣждалъ родителей посылать въ школу дѣтей. При дворѣ его была основана Палатинская, т.-е. дворцовая школа, гдѣ учился самъ Карлъ и его приближенные. Вокругъ него собрались лучшіе ученые люди того времени изъ Британіи и Италіи. Но просвѣтительное дѣло Карла Великаго было нѣсколько задержано въ своемъ развитіи послѣдовавшими послѣ его смерти смутами.

Положеніе ученика въ средневѣковой школѣ было тяжелое. Обращались съ нимъ грубо. Тѣлесное наказаніе, особенно въ видѣ наказанія розгами, было очень распространено. Условія гигіены и питанія были, въ большинствѣ случаевъ, настолько неудовлетворительны, что многіе изъ учениковъ умирали до окончанія образованія, а многіе кончали его съ расшатаннымъ здоровьемъ.

Такъ какъ средневѣковыя школы были при монастыряхъ и соборахъ, то самое преподаваніе носило строго церковный характеръ. Никакой свободы въ занятіяхъ, никакой широты въ постановкѣ учебнаго дѣла не было. Все ограничивалось узкими рамками обихода и нуждъ церкви. Таковъ былъ характеръ средневѣковой школы въ Западной Европѣ до XII вѣка. Иной школы до этого не было. На прохожденіи квадривіума люди заканчивали свое образованіе. Но когда въ концѣ XII и началѣ XIII вѣковъ въ Западной Европѣ стали возникать высшія учебныя заведенія—университеты, то тогда «семь свободныхъ искусствъ» сдѣлались подготовительною ступенью къ высшему образованію.

Высшія учебныя заведенія въ средніе вѣка чаще всего назывались studium generale, т. е. общая школа. Въ такой школѣ

могъ заниматься всякій желающій безъ различія національности и государства, чего нельзя сказать о выше описанной низшей школѣ, въ которой могли заниматься дѣти извѣстной мѣстности, извѣстнаго округа, монастыря или города. Уже въ XII вѣкѣ нѣкоторыя школы пользовались громкою извѣстностью въ Европѣ, напр., въ Салерно, Болоньѣ и особенно въ Парижѣ. Эти школы не удовлетворялись обычнымъ прохожденіемъ семи свободныхъ искусствъ, а стали интересоваться высшими науками: Салерно медициной, Болонья римскимъ правомъ, Парижъ богословіемъ. Это были какъ бы начатки университетовъ [1]). Самое слово «университетъ» (universitas) въ средніе вѣка обозначало обладающую нѣкоторою самостоятельностью общину, «корпорацію»; университетами (universitates) поэтому назывались различныя корпораціи: городскія, ремесленныя и т. д. Въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка школы въ Парижѣ и Болоньѣ организуются въ корпораціи съ цѣлымъ рядомъ правъ и привилегій и превращаются, такимъ образомъ, въ университеты (universitates). Университеты, уже въ смыслѣ studia generalia, пользовались значительнымъ самоуправленіемъ, имѣли своихъ выборныхъ должностныхъ лицъ, свой судъ, свою печать, производили экзамены на ученыя степени и т. д.

Самою древнею высшею школою была медицинская школа въ Салерно. Салернскіе врачи уже въ XI вѣкѣ пользовались въ Европѣ большою извѣстностью. Въ XII вѣкѣ возникъ университетъ въ Болоньѣ, гдѣ раньше была школа римскаго права съ извѣстнымъ знатокомъ въ его области Ирнеріемъ во главѣ [2]). Болонья сдѣлалась центромъ изученія римскаго права, откуда оно распространялось по всей Европѣ, и законодательное твореніе Юстиніана Великаго, забытое въ теченіе вѣковъ смуты и безпорядковъ, снова ожило благодаря Ирнерію и его ученикамъ. Это было возрожденіе римскаго права на Западѣ. Изъ Болоньи вышли уже извѣстные намъ легисты, знатоки римскаго права, которые стали играть важную роль въ политической жизни

---

[1]) Для чтенія: *Н. Суворовъ.* Средневѣковые университеты. Москва, 1898. Книга для чтенія, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 43.

[2]) О Болонскомъ университетѣ: Книга для чтенія, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 44.

западно-европейскихъ государствъ. Во Франціи легисты съ XIII вѣка, проповѣдуя идею абсолютной власти монарха, оказывали поддержку французскимъ Капетингамъ въ достиженіи ими подобной власти. Въ XIV вѣкѣ, въ эпоху столѣтней войны, легисты рѣшали споръ между Эдуардомъ III, королемъ Англіи, и Филиппомъ VI Валуа, королемъ Франціи, о правахъ перваго на французскій престолъ.

Особенною славою пользовался въ средніе вѣка парижскій университетъ, возникшій изъ школы при соборѣ Парижской Богоматери (Notre Dame). Главная сила этого университета заключалась не въ медицинѣ или въ правѣ, а въ богословіи, въ которое входила и философія. Послѣдняя въ средніе вѣка разсматривалась какъ **служанка богословія** (philosophia est ancilla theologiae). Такъ какъ соборъ Парижской Богоматери находится на островѣ рѣки Сены, гдѣ въ средніе вѣка былъ центръ Парижа, такъ называемый Сите (Cité), то большинство учителей или магистровъ жило около «Малаго моста», соединявшаго Сите съ лѣвымъ берегомъ Сены. Около же 1200 года большая часть магистровъ и студентовъ переселилась изъ Сите на лѣвый берегъ Сены, гдѣ на холмѣ св. Женевьевы, покровительницы Парижа, было извѣстное аббатство и школа съ превосходными преподавателями. Съ тѣхъ поръ лѣвый берегъ Сены сдѣлался центромъ парижскаго студенчества и ученой жизни и сталъ извѣстенъ, такъ какъ преподаваніе велось на латинскомъ языкѣ, подъ именемъ «латинскаго квартала»; послѣднее названіе за этой мѣстностью сохранилось до сихъ поръ. Такимъ образомъ, въ самомъ началѣ XIII вѣка возникъ парижскій университетъ. Въ половинѣ того же XIII вѣка духовникъ короля Людовика Святого, Робертъ Сорбоннъ, основалъ при университетѣ общежитіе на 16 бѣдныхъ студентовъ-богослововъ. Отъ его имени и самый богословскій факультетъ въ Парижѣ сталъ называться **Сорбонной** Потомъ такихъ общежитій или коллегій появилось много.

Въ парижскомъ университетѣ образовались четыре факультета: богословскій, юридическій, медицинскій и артистическій. Послѣдній факультетъ, на которомъ проходились уже извѣстные намъ семь свободныхъ искусствъ, былъ лишь подготовительнымъ

факультетомъ къ тремъ остальнымъ «старшимъ» факультетамъ. На этотъ факультетъ могли поступать юноши, едва одолѣвшіе грамоту. Особенно прославился парижскій университетъ богословскимъ факультетомъ, и всякое лицо, прошедшее курсъ богословія въ Парижѣ, въ теченіе всей своей жизни этимъ гордилось. Парижъ въ средніе вѣка назывался «городомъ науки», «новыми Аѳинами». Говорили, что «Италія имѣетъ папство, Германія—имперію, Парижъ—университетъ».

Въ XII вѣкѣ парижскіе студенты или, какъ ихъ называли часто школяры, никакими особыми привилегіями не пользовались. Но однажды произошла драка между студентами-нѣмцами и парижанами; за послѣднихъ заступился мѣстный королевскій чиновникъ (прево), и парижане убили пять нѣмецкихъ студентовъ. Тогда король Филиппъ II Августъ велѣлъ арестовать своего чиновника и его людей и даровалъ «магистрамъ и школярамъ» привилегію, на основаніи которой учащіе и учащіеся освобождались отъ свѣтскаго суда и подлежали лишь суду церковному. Вскорѣ послѣ этого университетъ освободился и отъ подчиненія духовной власти собора Парижской Богоматери и сталъ пользоваться правами широкаго самоуправленія. Внутренняя организація университета очень походила на организацію ремесленныхъ цеховъ; вмѣсто мастеровъ были магистры, а школяры или студенты уподоблялись подмастерьямъ и ученикамъ въ цехахъ. Университетъ представлялъ собою какъ бы «ученый цехъ». Пріѣхавшіе въ Парижъ на житье студенты, поступивъ на первый артистическій, наиболѣе многолюдный, факультетъ, въ видахъ взаимопомощи, объединялись въ землячества по національностямъ или въ націи (nationes), которыхъ было четыре. Во главѣ каждой націи стоялъ выборный прокураторъ, а во главѣ всего артистическаго факультета былъ выборный ректоръ. Во главѣ же другихъ факультетовъ стояли деканы.

Со временемъ ректоръ изъ главы многолюднаго артистическаго факультета сдѣлался главою цѣлаго университета, т.-е. всѣхъ четырехъ факультетовъ.

Преподавательская дѣятельность магистровъ состояла, главнымъ образомъ, въ лекціяхъ, а именно въ объясненіи текстовъ

Священнаго Писанія или какого-либо автора. Кромѣ лекцій были разсужденія или споры (disputatio) по поводу того или другого вопроса, что изощряло умъ и пріучало къ находчивости.

Парижскій университетъ въ средніе вѣка имѣлъ громадное значеніе. По его образцу основывались университеты въ другихъ странахъ, для которыхъ онъ былъ какъ бы матерью (alma mater). Кромѣ того, парижскій университетъ имѣлъ большое вліяніе на церковь, которая чутко прислушивалась къ голосу парижскихъ богослововъ. Папа въ XIII вѣкѣ заявлялъ, что парижскій университетъ есть главный защитникъ церкви отъ ересей. Изъ того же университета въ XIV вѣкѣ вышла идея соборной реформы упавшаго папства. Въ XIII вѣкѣ Парижъ былъ самымъ культурнымъ центромъ Западной Европы.

Кромѣ Парижа, во Франціи высшія школы были въ Монпелье, Тулузѣ, Орлеанѣ, Авиньонѣ, Греноблѣ, а въ XV вѣкѣ въ Пуатье, Бордо и др.

Въ ближайшемъ отношеніи къ парижскому университету какъ по времени возникновенія, такъ и по связи съ церковными учрежденіями, были англійскіе университеты въ Оксфордѣ и Кембриджѣ. Въ Италіи уже извѣстный намъ университетъ въ Болоньѣ былъ основанъ раньше парижскаго, а въ XIII вѣкѣ Фридрихъ II Гогенштауфенъ основалъ университетъ въ Неаполѣ для королевства Обѣихъ Сицилій. Въ Германіи университеты появились позднѣе. Самый древній изъ нихъ былъ основанъ императоромъ Карломъ IV въ половинѣ XIV вѣка въ славянской области Чехіи, а именно въ ея главномъ городѣ Прагѣ. Но зато, число германскихъ университетовъ быстро увеличилось. Въ концѣ XIV-го и въ XV вѣкѣ были учреждены университеты въ Гейдельбергѣ, Кельнѣ, Лейпцигѣ, Фрейбургѣ, Тюбингенѣ, Майнцѣ и въ другихъ городахъ. Уставы большинства германскихъ университетовъ были списаны съ парижскаго устава. Нѣсколько второстепенныхъ университетовъ было въ средніе вѣка и въ Испаніи.

Средневѣковая наука, какъ извѣстно, носила церковный характеръ; главное вниманіе ея было направлено на религію. Основныя положенія христіанскаго вѣроученія были церковью твердо установлены; надо было ихъ разработать, при-

мирить въ нихъ противорѣчія, удалить сомнѣнія и привести ихъ, наконецъ, въ научную систему [1]). Наука, поставившая себѣ въ средніе вѣка такую задачу, стала церковною «школьною наукой», **схоластикой.** Такъ какъ содержаніе схоластической науки было опредѣлено и переходить эти опредѣленныя границы церковью воспрещалось, то главное вниманіе схоластики было обращено не на содержаніе, а на внѣшнюю форму, на тонкости мышленія, на строгую послѣдовательность въ разсужденіяхъ и т. д. Схоластика, другими словами, развилась изъ извѣстной уже намъ школьной діалектики. Конечно, такая наука не была оригинальна; у нея не было творчества и свободы. Особеннаго развитія достигла схоластика на Западѣ въ XII и XIII вѣкахъ, когда Европа, ранѣе знакомая лишь съ отрывочнымъ латинскимъ изложеніемъ древнихъ философовъ, Платона и Аристотеля, познакомилась черезъ арабовъ съ настоящими сочиненіями Аристотеля. Правда, въ XII вѣкѣ великій греческій философъ сталъ извѣстенъ въ Европѣ не въ греческомъ оригиналѣ, а въ латинскомъ переводѣ, сдѣланномъ съ арабскаго языка. Но тѣмъ не менѣе, сочиненія Аристотеля оказали большое вліяніе на схоластиковъ, которые положили въ основу своего истолкованія вѣры правила аристотелевской логики и признали ея автора своимъ главнымъ учителемъ. Несмотря на пристрастіе къ внѣшнимъ формамъ, на сухость, неоригинальность, схоластика безусловно принесла большую пользу культурному развитію Европы: она выработала удивительно точный языкъ, привычку строго и послѣдовательно мыслить, изощряла умъ и вообще поддерживала умственные интересы. Католическая церковь должна была очень цѣнить схоластическую науку, утверждавшую и приводившую въ стройную систему положенія вѣры, но, конечно, постольку, поскольку схоластики не противорѣчили требованіямъ, выставленнымъ церковью. Но бывали случаи уже въ XII и XIII вѣкахъ, когда представители схоластической науки приходили къ рѣшеніямъ, несогласнымъ съ воззрѣніями католической церкви, и тогда церковь сурово къ нимъ относилась и подвергала ихъ строгому осужденію.

---

[1]) О средневѣковой наукѣ: Книга для чтенія, подъ ред. *П. Виноградова.* II, ст. 42.

Большіе споры вызывалъ въ средніе вѣка вопросъ о значеніи или природѣ идей, или общихъ понятій (универсалій), вопросъ, который не одинаково рѣшали древніе философы, Платонъ и Аристотель. Средневѣковые схоластики при обсужденіи этого вопроса дѣлились на **номиналистовъ** и **реалистовъ.** Номиналисты утверждали, что общія, отвлеченныя понятія, напр., человѣкъ, дерево, домъ и т. д., суть простыя имена (по-латыни nomina), простые звуки, не имѣющіе дѣйствительнаго существованія. Когда мы говоримъ, напримѣръ, «человѣкъ», то въ дѣйствительности мы не можемъ найти предмета, который соотвѣтствовалъ бы подобному отвлеченному понятію «человѣкъ»; на самомъ дѣлѣ существуетъ цѣлый рядъ отдѣльный людей, отличныхъ другъ отъ друга. Другая часть схоластиковъ,—реалисты,—наоборотъ, утверждали, что общія, отвлеченныя понятія или идеи суть дѣйствительно существующія (по-латыни realia), и причемъ они существуютъ раньше обозначаемыхъ ими вещей. На этихъ двухъ направленіяхъ ясно отразились философскія воззрѣнія Аристотеля и Платона. Номиналисты являлись послѣдователями Аристотеля, реалисты — Платона съ его ученіемъ объ истинномъ бытіи идей.

Большинство схоластиковъ, разбираясь въ тонкостяхъ философскихъ идей античныхъ мыслителей, тѣмъ не менѣе оставались вѣрными сынами католической церкви и подчиняли свой разумъ церковному ученію. Но были другіе схоластики, которые разумомъ хотѣли понять истины Божественнаго Откровенія и примирить разумъ и вѣру, что, по большей части, не удавалось. Такіе ученые, полагавшіе разумъ въ основу изученія религіи, назывались **раціоналистами** и находились подъ сильнымъ подозрѣніемъ и осужденіемъ католической церкви, которая иногда вступала съ ними въ упорную борьбу.

Главные представители средневѣковой мысли: св. Бернардъ, Абеляръ, Ѳома Аквинатъ. Среди наиболѣе выдающихся представителей главнѣйшихъ направленій средневѣковой мысли можно назвать св. Бернарда, Абеляра и Ѳому Аквината.

Св. Бернардъ и Абеляръ представляли собою примѣры двухъ средневѣковыхъ направленій, непримиримыхъ одно съ другимъ. Бернардъ являлся типичнымъ представителемъ идеи средне-

вѣкового «Божьяго царства», Абеляръ—предвѣстникомъ новаго направленія, признававшаго за разумомъ крупную роль въ разрѣшеніи богословскихъ вопросовъ. Оба они, будучи современниками и людьми, безусловно, передовыми, не могли на своемъ жизненномъ пути не столкнуться другъ съ другомъ. Столкновеніе этихъ двухъ выдающихся личностей XIII-го вѣка очень интересно съ точки зрѣнія культурной жизни средневѣкового Запада.

Бернардъ, происходя изъ рыцарской семьи, родился въ концѣ XI вѣка въ Бургундіи [1]). Это была эпоха великаго религіознаго воодушевленія на Западѣ, выразившагося въ первомъ Крестовомъ походѣ. Воспитываясь въ условіяхъ рыцарской жизни, отличаясь внѣшнею красотою, выдающимися способностями и краснорѣчіемъ, Бернардъ предназначался, казалось, для бурной свѣтской жизни средневѣкового рыцаря. Но будучи отъ природы очень задумчивымъ и любя уже въ дѣтствѣ уединеніе, Бернардъ съ юныхъ лѣтъ чувствовалъ на себѣ глубокое вліяніе своей матери, которая, несмотря на многочисленную семью, находила время предаваться дѣламъ благочестія и милосердія и въ послѣдніе годы, не покидая семьи, своею одеждою, постомъ и молитвою походила на монахиню. Воспоминаніе о покойной матери помогло Бернарду преодолѣть мірскія искушенія и отбросить соблазнительныя надежды на будущую литературную и ученую славу. Двадцати лѣтъ онъ вступилъ въ недавно учрежденный, еще бѣдный монастырь Сито въ Бургундіи, о которомъ рѣчь была выше, а затѣмъ переѣхалъ въ основанный имъ самимъ монастырь Клерво (Clairvaux—Clara vallis—Ясная Долина).

Въ Клерво юный монахъ велъ необыкновенно суровый образъ жизни, съ которымъ не могъ сравниться самый строгій монастырскій уставъ. Онъ постился съ такимъ усердіемъ, что уничтожилъ въ себѣ всякое желаніе пищи. Не желая слушать разсказовъ наиболѣе близкихъ для него лицъ, которые посѣщали его и этимъ отвлекали отъ сосредоточенныхъ мыслей и молитвы, Бернардъ подъ своимъ монашескимъ капюшономъ закупоривалъ уши воскомъ, такъ что, находясь среди людей, онъ оставался

---

[1]) Для чтенія: *В. Герье*. Западное монашество и папство. Москва. 1913.

глухимъ къ ихъ суетнымъ, житейскимъ интересамъ. Временами онъ даже не замѣчалъ того, что вокругъ него происходило. Въ истязаніи своей плоти Бернардъ былъ неумолимъ. Также строго онъ придерживался другой черты монашескаго идеала—бѣдности. Выше всего Бернардъ ставилъ любовь къ Богу. Тѣ страницы, на которыхъ онъ говоритъ о стремленіи его души къ Божеству въ высь и о полномъ сліяніи души съ Богомъ, являются замѣчательнымъ памятникомъ религіозной поэзіи среднихъ вѣковъ. Своимъ горячимъ призывомъ къ Богу и монашеской жизни онъ увлекъ за собой въ монастырь отца, двухъ братьевъ, замужнюю сестру. Но Бернардъ не ограничивалъ свою дѣятельность монастырскими стѣнами. Дошедшая до насъ его переписка со свѣтскими людьми, иногда правителями, показываетъ, что онъ считалъ необходимымъ распространеніе своего духовнаго вліянія далеко за предѣлами своей кельи; и къ его голосу и совѣту внимательно прислушивались. Онъ давалъ указанія папамъ и государямъ. Когда однажды на папскій престолъ было выбрано сразу двое папъ, то французскій король пригласилъ Бернарда на созванный по этому поводу соборъ, и съ общаго согласія простой монахъ долженъ былъ рѣшить вопросъ о томъ, какого изъ папъ надо признать законнымъ. Соборъ восторженно принялъ рѣшеніе Бернарда и присягнулъ указанному имъ папѣ Иннокентію II.

Когда въ Европѣ распространилась вѣсть о взятіи города Эдессы турками, Бернардъ сталъ во главѣ религіознаго движенія, охватившаго Францію. Его огненное слово на собраніи во французскомъ городкѣ Везеле вызвало въ громадной толпѣ взрывъ религіознаго восторга и крики: «крестовъ! крестовъ!» Это было началомъ второго Крестоваго похода. Перейдя изъ Франціи въ Германію, онъ убѣдилъ принять крестъ германскаго государя Конрада III и поднялъ нѣмцевъ, которые, несмотря на то, что не понимали французскаго языка Бернарда, были поражены выраженіемъ его лица и звукомъ голоса. Его считали пророкомъ и чудотворцемъ.

Имѣя высокое, идеальное представленіе о церкви, Бернардъ замѣчалъ, что ея представители, начиная съ папы, не стояли на должной высотѣ положенія. Въ своемъ трактатѣ «О Созерцаніи» (De Consideratione), обращенномъ къ своему ученику

и другу, папѣ Евгенію III, онъ высказалъ свои мысли о церкви и папствѣ. Будучи сторонникомъ теократіи, Бернардъ понималъ ее въ идеальномъ смыслѣ и желалъ **духовнаго** господства папы надъ церковью; между тѣмъ, Божье царство, во главѣ котораго долженъ былъ стоять папа, уже стало принимать нѣкоторыя черты царства земного. Бернардъ предостерегалъ отъ этого папу. Въ одномъ мѣстѣ Бернардъ написалъ замѣчательныя слова: «Таковъ завѣтъ апостольскій: господство тебѣ воспрещается, вмѣняется въ обязанность служеніе... Гряди же ты и рѣшай, присвоить ли себѣ главенствующее апостольство или апостольское владычество? Одно изъ двухъ тебѣ воспрещается. Если ты захочешь одновременно обладать и тѣмъ и другимъ, ты утратишь и то, и другое». Бернардъ въ XII вѣкѣ поставилъ, по словамъ одного историка, преемнику св. Петра вопросъ: «Камо грядеши? Какого же ты хочешь царства? Божьяго или земного?» Это было грознымъ предостереженіемъ для грядущей судьбы средневѣкового папства.

Самъ будучи вѣрнымъ сыномъ католической церкви, Бернардъ не допускалъ разсужденій въ дѣлахъ вѣры; разуму въ нихъ мѣста не было. Сомнѣнія разсудка или поиски религіозной истины должны исчезнуть передъ силою авторитета Священнаго Писанія и изреченія Отцовъ церкви. Ссылка на священные тексты должна была разрѣшать всѣ возникавшія въ религіозной области затрудненія.

Въ половинѣ XII вѣка Бернарда не стало. Съ нимъ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ представителей средневѣкового монашества. Вскорѣ послѣ его смерти папа Александръ III призналъ Бернарда святымъ.

Такому крупному, цѣльному и убѣжденному человѣку пришлось столкнуться съ другимъ также выдающимся представителемъ XII вѣка, Абеляромъ, который поставилъ вопросъ о томъ, развѣ разумъ не имѣетъ правъ на-ряду съ авторитетомъ [1]).

Абеляръ, происходя изъ рыцарскаго рода, родился въ концѣ XI вѣка въ Бретани, около города Нанта.

---

[1]) Для чтенія: *А. Гаусратъ.* Средневѣковые реформаторы. I, Петроградъ, 1900.

Одаренный блестящими способностями, яснымъ умомъ и красивою наружностью и поэтому самоувѣренный и смѣлый до крайности, онъ съ молодыхъ лѣтъ привыкъ къ успѣху и поклоненію. Прибывъ двадцатилѣтнимъ юношей въ Парижъ, Абеляръ сталъ слушать лекціи наиболѣе въ то время извѣстнаго преподавателя архидіакона Гильома изъ Шампо, начальника школы при соборѣ Парижской Богоматери. Однажды, въ присутствіи всѣхъ слушателей, Абеляръ началъ споръ со своимъ учителемъ по вопросу о природѣ общихъ идей и своей блестящей діалектикой, по общему мнѣнію присутствовавшихъ, одержалъ надъ нимъ побѣду. Это послужило началомъ славы молодого Абеляра. Уѣхавъ изъ Парижа и открывъ свою собственную школу въ провинціи, Абеляръ привлекалъ на свои лекціи громадное количество учениковъ, желавшихъ послушать уже знаменитаго учителя. Возвратясь на время въ Парижъ, гдѣ онъ въ возобновившемся спорѣ окончательно побѣдилъ Гильома изъ Шампо, и пройдя курсъ богословія въ Ланѣ у извѣстнаго тогда учителя Ансельма, Абеляръ поселился въ Парижѣ и, получивъ разрѣшеніе преподавать какъ богословіе, такъ и философію, открылъ на холмѣ св. Женевьевы школу, которая быстро стала опасной соперницей для соборной школы Парижской Богоматери. Ясное и живое изложеніе, оригинальныя и неожиданныя сравненія и блестящіе діалектическіе пріемы сдѣлали изъ Абеляра перваго ученаго своего времени. Слушать его пріѣзжали изъ Бретани, Нормандіи, Фландріи, Англіи, Испаніи, Германіи.

Въ это время Абеляръ познакомился съ молодой, прекрасной и образованной дѣвушкой Элоизой. Молодые люди полюбили другъ друга. Обстоятельства такъ сложились, что они должны были отказаться отъ міра. Абеляръ сдѣлался монахомъ въ аббатствѣ Сенъ-Дени, около Парижа. Элоиза постриглась въ монахини въ другой обители и позднѣе была аббатиссой основаннаго Абеляромъ монастыря.

Сдѣлавшись монахомъ, Абеляръ продолжалъ заниматься богословіемъ и учить. Но нѣкоторыя мѣста въ его сочиненіи о Божественной Троицѣ вызвали неудовольствіе церкви. Соборъ въ Суассонѣ даже осудилъ его, какъ еретика, и приговорилъ къ заключенію, въ которомъ Абеляръ, правда, пробылъ недолго.

Книги его имѣли громадный успѣхъ и странствовали «изъ края въ край, изъ королевства въ королевство». Тысячи учениковъ собирались около учителя. Подобные успѣхи Абеляра создали ему многочисленныхъ враговъ, которые старались погубить его.

Абеляръ смѣло утверждалъ, что вѣра должна освѣщаться и укрѣпляться разумомъ, — что спорные, неясные вопросы въ религіи должны подвергаться свободному обсужденію. Въ своемъ сочиненіи «Да и Нѣтъ» (Sic et Non) онъ доказывалъ, что даже мнѣніе Отцовъ церкви относительно догматовъ были различны и противорѣчивы.

Тогда противъ Абеляра и его ученія выступилъ Бернардъ, стоявшій, какъ извѣстно, на совершенно противоположной точкѣ зрѣнія. Въ его представленіи Абеляръ былъ опаснымъ еретикомъ. По просьбѣ самого Абеляра для разбора его дѣла былъ созванъ соборъ въ городѣ Сансѣ, куда съѣхалось многолюдное духовное и свѣтское общество. Пріѣхалъ и Бернардъ. Народъ съ умиленіемъ, благоговѣйно встрѣчалъ своего чудотворнаго монаха-праведника Бернарда и съ нѣкоторымъ ужасомъ взиралъ на Абеляра, котораго въ церковныхъ проповѣдяхъ уже называли антихристомъ и сатаной.

Когда Бернардъ началъ на соборѣ обвинять Абеляра и какъ только стали читать избранныя, признаваемыя еретическими мѣста изъ его сочиненій, Абеляръ, прервавъ чтеніе, объявилъ, что онъ не признаетъ иного судьи кромѣ папы, и вышелъ со своими учениками изъ засѣданія. Соборъ, по настоянію Бернарда, объявилъ Абеляра еретикомъ.

Конечно, Бернардъ сдѣлалъ все возможное, чтобы повліять на папу въ неблагопріятномъ для Абеляра смыслѣ. Абеляръ лично направился въ Римъ. На пути заѣхалъ онъ въ монастырь Клюни, гдѣ нашелъ хорошій пріемъ. Аббатъ монастыря, видя усталость и слабѣвшія уже силы Абеляра, уговорилъ его отказаться отъ треволненій школьнаго преподаванія и избрать Клюни какъ постоянное тихое пристанище. Тамъ Абеляръ написалъ отреченіе отъ своихъ осужденныхъ на соборѣ въ Сансѣ мнѣній и примирился съ Бернардомъ. Весною 1142 года Абеляръ умеръ, «простодушный и прямой, боясь Господа и избѣгая зла», какъ писалъ о немъ клюнійскій аббатъ.

Такъ закончилось столкновеніе двухъ замѣчательныхъ людей XII вѣка, стоявшихъ на различныхъ точкахъ зрѣнія: Бернарда, представителя идеальнаго средневѣкового Божьяго царства и монашества, и Абеляра, предвѣстника будущей свободной и независимой науки.

Въ XIII вѣкѣ средневѣковая богословская наука получила выдающагося ученаго въ лицѣ доминиканца св. Ѳомы Аквината (или Аквинскаго).

Ѳома, происходившій изъ знатнаго рода королевства Обѣихъ Сицилій, родился въ небольшомъ, понынѣ существующемъ городкѣ Аквино, между Римомъ и Неаполемъ. Будучи съ юныхъ лѣтъ охваченъ рвеніемъ къ научнымъ занятіямъ, онъ безъ труда простился съ полною приключеній жизнью феодала и, несмотря на запрещеніе отца, поступилъ въ доминиканскій орденъ. Послѣ большихъ затрудненій Ѳомѣ удалось уѣхать изъ Италіи и пробыть нѣкоторое время въ Кельнѣ, гдѣ онъ слушалъ лекціи извѣстнаго въ то время ученаго доминиканца Альберта Великаго и со всѣмъ пыломъ предался изученію Аристотеля. Впослѣдствіи онъ училъ въ Парижѣ и различныхъ городахъ Италіи. Умеръ Ѳома въ 1274 году. За рѣдкую чистоту своей жизни онъ получилъ почетный титулъ «Ангельскій ученый» (Doctor angelicus).

Главный, громадный трудъ Ѳомы назывался «Сумма богословія» (Summa theologiae или Summa theologica). Въ немъ Ѳома съ необычайною начитанностью, ученостью и замѣчательною ясностью разработалъ во всей полнотѣ и систематически изложилъ ученіе католической церкви; при чемъ, онъ разобралъ его не только въ отношеніи вѣры и богословія, но и въ отношеніи нравственности, права и государственной жизни. Это произведеніе средневѣковой учености и удивительнаго трудолюбія остается до сихъ поръ основаніемъ католическаго богословія. Сравнительно недавно, въ концѣ XIX вѣка, папа Левъ XIII предписалъ изучать выше названное сочиненіе Ѳомы въ высшихъ духовныхъ школахъ. Католическая церковь признала Ѳому Аквината святымъ.

Ереси. Евреи. Удаленіе представителей католической церкви отъ первоначальныхъ идеаловъ христіанства и проникновеніе

въ нее мірскихъ интересовъ сильно смущало многихъ вѣрующихъ, которые желали жить болѣе согласно съ Евангеліемъ и съ апостольскими временами. Римская церковь подозрительно относилась къ подобнымъ стремленіямъ и видѣла въ нихъ опасное отступленіе отъ католической вѣры. Люди, не находившіе отвѣта на свои запросы въ римской церкви, пытались сами преобразовать свою духовную жизнь и устроить церковь согласно своимъ взглядамъ. Отсюда и возникли средневѣковыя ереси, съ которыми римская церковь вступила въ борьбу.

Наиболѣе распространенными еретическими ученіями среднихъ вѣковъ были **альбигойцы и вальденцы.**

Альбигойская ересь ведетъ свое начало съ востока и восходитъ къ персидскому ученію манихеевъ [1]). Въ Персіи въ III вѣкѣ по Р. Хр. нѣкто Мани сдѣлалъ попытку слить христіанство съ древне-персидской религіей Зороастра, характернымъ признакомъ которой былъ **дуализмъ**, т.-е. вѣчная борьба двухъ началъ, добраго и злого, свѣта и мрака. Идею добра и свѣта олицетворялъ богъ Ормуздъ, идею зла и мрака — Ариманъ. Мани перенесъ персидскій дуализмъ въ христіанскую религію, и у него христіанскій Богъ олицетворялъ идею добра, свѣта и духа, а дьяволъ— идею зла, мрака и плоти. Это дуалистическое ученіе быстро распространилось и создало въ Арменіи и Малой Азіи секту павликіанъ. Византійскіе императоры, желая избавиться отъ безпокойныхъ павликіанъ на восточно-арабской границѣ, которые часто переходили на сторону арабовъ, переселяли ихъ во внутреннія области, и особенно на Балканскій полуостровъ во Ѳракію. Отсюда ихъ дуалистическое ученіе проникло къ болгарамъ, гдѣ оно подъ названіемъ ереси богомиловъ или богомильства быстро распространилось. Изъ Болгаріи, преимущественно съ эпохи Крестовыхъ походовъ, богомильская ересь проникла въ Сѣверную Италію и Южную Францію. Въ послѣдней странѣ главнымъ центромъ еретиковъ былъ городъ Альби, отчего и самая ересь получила названіе альбигойской ереси. Сами же себя сектанты этого направленія въ Европѣ называли **катарами,** т.-е. чистыми (отъ греческаго слова katharos—чистый). Проро-

---

[1]) Для чтенія: Книга для чтенія, подъ ред. *Виноградова.* II. ст. 41.

вѣдуя ученіе о борьбѣ двухъ началъ, добраго и злого, катары видѣли главное зло въ нашемъ тѣлѣ. Поэтому противъ него должна вестись упорная борьба. Вкушеніе мяса и вступленіе въ бракъ были строго воспрещены. Главное стремленіе катаровъ было направлено къ соблюденію строгой, аскетической жизни. Въ XII вѣкѣ альбигойцы устроили въ Южной Франціи свою церковь; у нихъ были свои священники, епископы, соборы. Строгая жизнь альбигойцевъ, которыхъ во Франціи народъ называлъ **добрыми людьми**, являлась прямымъ укоромъ слишкомъ мірской жизни представителей римской церкви. Альбигойцамъ сочувствовали даже лица, не порвавшія связи съ католическою церковью, напр., графъ Тулузскій Раймундъ. Мѣстное католическое духовенство, пропитанное мірскими заботами и невѣжественное, не могло справиться съ еретиками. Ничего съ ними не могъ подѣлать и присланный въ Южную Францію для обличенія еретиковъ и обращенія мѣстнаго населенія знаменитый проповѣдникъ Бернардъ Клервосскій.

Когда на папскій престолъ вступилъ Иннокентій III, то для катаровъ настали тяжелыя времена. Папа рѣшилъ подавить еретическое движеніе. Его попытки повліять на еретиковъ убѣжденіемъ окончились неудачей. Тогда папа въ началѣ XIII вѣка объявилъ противъ нихъ крестовый походъ, въ которомъ приняли участіе многіе сѣверные французскіе рыцари во главѣ съ Симономъ де Монфоръ. Альбигойцы были не въ силахъ противостоять крестоносцамъ, которые безжалостно истребили населеніе, не разбирая даже, кто еретикъ и кто вѣрный католикъ. Побѣда крестоносцевъ погубила своеобразную и блестящую культуру юга Франціи, и понадобилось много времени для того, чтобы снова призвать къ культурной жизни опустошенный край.

Другимъ послѣдствіемъ крестоваго похода противъ альбигойцевъ было учрежденіе **инквизиціи**, (т.-е. разслѣдованія). Уже съ давнихъ поръ епископамъ вмѣнялось въ обязанность слѣдить за религіознымъ настроеніемъ своей паствы; но вначалѣ для еретиковъ не было спеціальныхъ наказаній. Отдѣльные примѣры сожженія еретиковъ, однако, случались еще въ XI вѣкѣ. Но въ XIII вѣкѣ священникъ въ каждомъ приходѣ и нѣкоторые особенно надежные міряне, по постановленію собора, должны

были разыскивать еретиковъ. Одновременно съ этимъ, церковь приступила къ выработкѣ спеціальнаго законодательства противъ еретиковъ. На основаніи новыхъ законовъ, лицъ, заподозрѣнныхъ въ ереси, можно было пытать, упорствовавшихъ подвергать смертной казни, даже отрекшихся отъ ереси подвергать вѣчному заключенію и т. д. Для еретиковъ муки были объявлены вѣчными какъ на землѣ, такъ и въ аду. Духовные суды принялись усердно за свое кровавое дѣло. Къ концу XIII вѣка альбигойская ересь была окончательно подавлена. Въ связи съ борьбою противъ еретиковъ былъ въ это время основанъ и доминиканскій орденъ.

Другою извѣстною ересью въ средніе вѣка была ересь **вальденцевъ,** съ которою, мало-по-малу, слились оставшіеся альбигойцы. Эта секта была основана во второй половинѣ XII вѣка богатымъ ліонскимъ купцомъ Петромъ Вальдо, отъ имени котораго они и получили свое названіе. Главною основою ученія вальденцевъ была жизнь, согласная съ Евангеліемъ и подражающая Христу и апостоламъ. Главнымъ и единственнымъ авторитетомъ въ дѣлахъ вѣры было для вальденцевъ Евангеліе. Они хотѣли жить, подобно апостоламъ, «милосердными и нищими», посвящая свое время проповѣди и добрымъ дѣламъ. Вмѣстѣ съ съ тѣмъ, они отвергали іерархію и многіе обряды католической церкви, напр.: заупокойныя обѣдни, исповѣдь у порочныхъ священниковъ. Высоко нравственная жизнь вальденцевъ производила на народъ большое впечатлѣніе. Ересь вальденцевъ распространилась въ южной Франціи, Пьемонтѣ и Ломбардіи, Лотарингіи и Эльзасѣ, въ Швейцаріи и Германіи. Будучи осуждена на Веронскомъ соборѣ въ концѣ XII вѣка, она подвергалась преслѣдованію наравнѣ съ альбигойской ересью. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ученіе вальденцевъ сохранилось до нашего времени, напр., въ Пьемонтѣ.

Кромѣ альбигойцевъ и вальденцевъ были въ средніе вѣка и другія секты; но онѣ имѣли уже гораздо меньшее значеніе.

Средневѣковому христіанскому обществу приходилось еще сталкиваться съ евреями.

Уже въ самомъ началѣ среднихъ вѣковъ евреи были хорошо извѣстны въ Европѣ, отъ Испаніи и Британіи до восточныхъ странъ. Торговля была главнымъ ихъ занятіемъ, и они служили

посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ Европы съ восточными странами, раздѣляя торговыя выгоды съ сирійскими купцами, какъ назывались въ V—VI вѣкахъ въ Европѣ вообще купцы, пріѣзжавшіе изъ Малой Азіи и Египта. Но съ эпохи арабскаго завоеванія, т.-е. съ VII вѣка, вся европейская торговля съ Левантомъ, т.-е. съ Востокомъ, перешла въ руки евреевъ, которые, разбогатѣвъ, снабжали деньгами подъ проценты не только частныхъ лицъ, но и варварскихъ германскихъ государей, франкскихъ и вестготскихъ, которые, однако, цѣня приносимую евреями имъ пользу, иногда открывали преслѣдованія и изгоняли ихъ. Но евреи быстро оправлялись и снова добивались прежняго положенія. Итакъ, денежныя операціи и восточная торговля заполняли, главнымъ образомъ, дѣятельность евреевъ. Каролинги къ нимъ относились особенно милостиво, давали имъ, помимо обычныхъ купеческихъ привилегій, еще привилегіи спеціальныя и даже иногда сами разрѣшали дѣла между христіанами и евреями, и часто въ пользу послѣднихъ. Евреямъ разрѣшалось жить во многихъ городахъ согласно ихъ законамъ. Позднѣйшіе государи европейскихъ странъ также покровительствовали евреямъ.

Если еврейскіе капиталы создавали евреямъ покровительство государей, то народъ, попавшій въ долги и платившій евреямъ большіе проценты, не любилъ ихъ и при каждомъ удобномъ случаѣ учинялъ еврейскіе погромы, какъ то было, напр., во время прохожденія крестоносцевъ черезъ западныя страны къ византійскимъ границамъ. Въ Англіи, гдѣ евреи подъ покровительствомъ королевской власти свободно исповѣдовали свою религію, строили синагоги и, зазнавшись, стали оскорблять христіанъ, парламентъ въ концѣ XIII вѣка, уступая народному раздраженію, настоялъ на изгнаніи евреевъ изъ Англіи.

Иногда изгнаніе евреевъ влекло за собою тяжелыя послѣдствія для страны. Въ Испаніи, при Фердинандѣ Католикѣ (1479—1516), евреи вмѣстѣ съ маврами и морисками, какъ назывались крестившіеся мавры, были изгнаны; но такъ какъ они представляли собою въ странѣ наиболѣе образованный, торговый и богатый классъ, то съ ихъ изгнаніемъ Испанія понесла громадныя потери въ области земледѣлія, промышленности и торговли.

Хотя главными занятіями евреевъ въ средніе вѣка были торговыя и денежныя дѣла, тѣмъ не менѣе, они, особенно благодаря своему знакомству съ иностранными языками, оказывали услуги культурѣ переводами сочиненій съ одного языка на другой, какъ то было, напр., въ Испаніи, гдѣ евреи переводили философскія сочиненія арабовъ на латинскій языкъ.

Литература. Рыцарская и городская поэзія.

Общимъ признакомъ средневѣковой литературы, какъ и всего средневѣковья, является ея религіозный характеръ. Вліяніе церкви и духовенства отражается на громадномъ большинствѣ литературныхъ произведеній, особенно въ первой половинѣ среднихъ вѣковъ, до крестовыхъ походовъ. Свѣтская научная литература отсутствовала; нѣкоторыя, впрочемъ, научныя сочиненія переводились съ арабскаго языка въ Испаніи и черезъ Пиренеи находили доступъ въ Западную Европу. Литературнымъ языкомъ средневѣковья былъ языкъ латинскій. Литература на національныхъ языкахъ была вначалѣ совершенно незначительна. Раньше всего, а именно въ VII—VIII вѣкахъ, первые образцы національной литературы появились въ Британіи на англо-саксонскомъ языкѣ.

Лѣтописи и житія святыхъ были особенно распространеннымъ видомъ литературы въ средніе вѣка. Въ то время, когда, начиная съ эпохи крестовыхъ походовъ, литература на національныхъ разговорныхъ языкахъ стала развиваться все больше и больше, латинская лѣтопись, тѣмъ не менѣе, не утратила своего значенія и продолжала существовать до конца среднихъ вѣковъ.

Но, кромѣ однообразныхъ и сухихъ лѣтописцевъ, средніе вѣка дали не мало интересныхъ писателей-историковъ, изъ которыхъ болѣе ранніе писали на латинскомъ языкѣ, а болѣе поздніе уже на своемъ родномъ языкѣ. Нѣкоторые изъ первыхъ отличались большою разносторонностью своихъ произведеній. Современникъ Теодориха Великаго и его преемниковъ, остготскихъ королей, Кассіодоръ (VI вѣкъ) особенно извѣстенъ своимъ обширнымъ сборникомъ писемъ, называемымъ Variae, которыя даютъ богатый матеріалъ для исторіи его времени. Въ томъ

же VI вѣкѣ готъ Іорданъ или Іорнандъ написалъ исторію готовъ, изъ которой только мы и почерпаемъ свѣдѣнія объ ихъ первоначальной исторіи. Григорій Турскій, все въ томъ же VI вѣкѣ, оставилъ интересную исторію франковъ за время Меровинговъ.

Особеннымъ усердіемъ отличался въ началѣ VII вѣка Исидоръ, епископъ Севильи, оставившій богатое и разнообразное литературное наслѣдство; его «Этимологіи» служили ученымъ основаніемъ для всего средневѣковья. Въ VIII вѣкѣ въ Британіи жилъ первый англійскій историкъ, знаменитый Бэда Достопочтенный, авторъ многочисленныхъ трудовъ, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользуется «Исторія церкви Англіи». Карла Великаго окружало нѣсколько выдающихся историковъ и писателей: лангобардъ Павелъ Діаконъ, авторъ «Исторіи лангобардовъ»; англо-саксъ Алькуинъ, оставившій много драгоцѣннѣйшихъ писемъ; наконецъ, франкскій ученый Эйнгардтъ, написавшій превосходное «Жизнеописаніе Карла Великаго».

До XIII вѣка историками были почти исключительно духовныя лица, особенно монахи, писавшіе по-латыни. Но со времени крестовыхъ походовъ, на ряду съ латинскими хронистами, появились труды на національныхъ языкахъ, въ стихахъ и прозѣ, преимущественно на французскомъ языкѣ; эти труды, написанные, большею частью, очевидцами и участниками описываемыхъ событій, уже имѣютъ часто мірской характеръ и постепенно освобождаются отъ монастырской, аскетической окраски. Жоффруа де Вилльардуэнъ описалъ въ началѣ XIII вѣка живымъ, простымъ и точнымъ французскимъ языкомъ четвертый крестовый походъ; его сочиненіе считается однимъ изъ лучшихъ произведеній древней французской литературы и послужило образцомъ французской прозы. Въ XIII вѣкѣ Жуанвиль, неразлучный товарищъ короля Людовика IX Святого, участвовалъ въ его крестовомъ походѣ и на старости лѣтъ съ юношескою свѣжестью описалъ несчастное крестоносное предпріятіе своего вѣнценоснаго друга[1]). Въ XIV вѣкѣ выдавался ярый поклонникъ рыцарскаго уклада жизни, Фруассаръ, современникъ и историкъ пер-

---

[1]) Отрывки въ русскомъ переводѣ почти изъ всѣхъ выше упомянутыхъ писателей можно найти у *М. Стасюлевича.* Исторія среднихъ вѣковъ. Т. I—III.

ваго періода столѣтней войны, который составилъ свои написанныя превосходнымъ, образнымъ и точнымъ языкомъ «Хроники», изображавшія событія войны съ рыцарской точки зрѣнія. Наконецъ, въ XV вѣкѣ жилъ, какъ многіе думаютъ, самый замѣчательный изъ всѣхъ средневѣковыхъ историковъ, Филиппъ де Комминъ, современникъ Людовика XI и Карла VIII, королей французскихъ конца XV вѣка. Написанныя на французскомъ языкѣ «Записки» («Мемуары») Коммина, близко стоявшаго къ трону, тонко рисуютъ жизнь и политику Европы конца XV вѣка; при чемъ, въ нѣкоторыхъ своихъ политическихъ взглядахъ Комминъ уже выходитъ за предѣлы средневѣковыхъ воззрѣній и какъ бы ставитъ на очередь вопросы, которые будутъ рѣшаться позднѣе, въ эпоху новой исторіи.

Со времени крестовыхъ походовъ, когда Европа пришла въ соприкосновеніе съ далекими странами мусульманскаго Востока, появился интересъ къ дальнѣйшему знакомству вообще съ восточными азіатскими странами, давшій въ результатѣ нѣсколько интересныхъ географическихъ сочиненій. Въ Европѣ ходили упорные слухи о какомъ-то лежавшемъ далеко на Востокѣ могущественномъ христіанскомъ царствѣ, гдѣ правилъ царь-священникъ Іоаннъ, который нападалъ съ востока на мусульманскія владѣнія. Легенда о «священникѣ Іоаннѣ» въ средніе вѣка еще не была разъяснена; и поэтому неоднократно дѣлались попытки войти въ сношенія съ этою таинственною личностью. Въ XIII вѣкѣ, въ эпоху монгольскаго нашествія на Россію и Западную Европу, папа рѣшилъ отправить посольство изъ нѣсколькихъ монаховъ, которые должны были собрать болѣе точныя свѣдѣнія о татарахъ, сдѣлать попытку склонить ихъ къ принятію христіанства и выяснить правду о «священникѣ Іоаннѣ». Стоявшій во главѣ миссіи Плано Карпини оставилъ на латинскомъ языкѣ описаніе этого путешествія черезъ южную Россію, Хиву, Семирѣчье въ Монголію и познакомилъ Европу съ монгольской державой[1]). Благочестивый французскій король Людовикъ IX Святой отправилъ въ Монголію новую миссію, въ главѣ которой

---

[1]) Отрывокъ изъ Плано Карпини въ Историч. хрестоматіи *Нейкирха* и *Кулжинскаго*, с. 188—191.

тоялъ монахъ Рубруквисъ, давшій ясное и толковое описаніе пути и сообщившій множество свѣдѣній о различныхъ сторонахъ монгольской жизни. Наконецъ, торговые интересы разбогатѣвшихъ итальянскихъ городовъ заставили и ихъ обратить вниманіе на внутреннія азіатскія страны. Во второй половинѣ XIII вѣка венеціанецъ Марко Поло сухимъ путемъ проѣхалъ въ Китай, оставался во владѣніяхъ монгольскаго императора 17 лѣтъ и вернулся въ Европу морскимъ путемъ, мимо Индо-Китая и Индостана. Его подробное, правдиво и точно описанное путешествіе и пребываніе въ Китаѣ занимаетъ совершенно исключительное по важности мѣсто среди другихъ географическихъ произведеній средневѣковья. Итакъ, XIII вѣкъ далъ Западной Европѣ рядъ выдающихся географическихъ сочиненій, вызванныхъ или религіозными, или торговыми интересами.

Литература второй половины среднихъ вѣковъ стала отзываться и на вопросы, волновавшіе тогдашнее общество, такъ сказать, на вопросы дня. Появился родъ политической литературы. Когда безграничныя притязанія папства на міровое владычество потерпѣли окончательное пораженіе въ столкновеніи французскаго короля Филиппа IV Красиваго съ папою Бонифаціемъ VIII, тогда голоса противъ папства стали раздаваться все громче и громче. Въ XIV вѣкѣ, напр., Марсилій Падуанскій, профессоръ и ректоръ Парижскаго университета, выпустилъ извѣстное сочиненіе «Защитникъ мира» (Defensor pacis), въ которомъ доказывалъ, что въ церкви верховная власть принадлежитъ собору, а не папамъ. Папы предали это сочиненіе проклятію; нотѣмъ не менѣе, оно произвело сильное впечатлѣніе на современниковъ [1]).

Развивавшаяся постепенно поэзія на національныхъ языкахъ была или библейскаго содержанія, или представляла собою образцы героической эпопеи, пѣсни о подвигахъ (Chansons de geste; отъ латинскаго слова gesta—подвиги). Эпоха рыцарства создала богатую рыцарскую поэзію [2]). Наиболѣе выдающіяся событія или лица поражали народное воображеніе, которое

---

[1]) Книга для чтенія, подъ ред. *Виноградова*. IV, ст. 72.

[2]) Книга для чтенія, подъ ред. *Виноградова*. II, ст. 45.

создавало пѣсни или былины о подвигахъ героевъ, т.-е. произведенія эпическаго характера. Эпическая поэзія особенно сильнаго развитія достигла во Франціи. Около личности, напр., Карла Великаго или вокругъ крестовыхъ походовъ сложились главные циклы французской эпической поэзіи, которая процвѣтала во Франціи съ XI вѣка до первой половины XIV вѣка.

Самой древней и прекрасной пѣснью была «Пѣснь о Роландѣ», воспѣвающая сраженіе въ Ронсевальскомъ ущельѣ во время Карла Великаго [1]).

Авторы, по большей части, безыменныхъ эпопей назывались на сѣверѣ Франціи **труверами** (отъ французскаго глагола trouver—найти, изобрѣсти тему), а на югѣ—**трубадурами.** Иногда эпопеи пѣлись самими авторами, труверами и трубадурами; но чаще всего въ качествѣ исполнителей выступали настоящіе пѣвцы, такъ называемые **жонглеры** (отъ латинскаго слова joculator—шутникъ) или **менестрели** (отъ лат. слова minister—слуга, прислужникъ барона). Эпопеи часто не записывались, а пѣлись жонглерами наизусть и хранились лишь въ ихъ памяти. Древнѣйшія рукописи пѣсенъ относятся къ XII вѣку. Иногда жонглеры не только распѣвали свои былины (Chansons de geste), но и аккомпанировали себѣ на смычковомъ инструментѣ, въ родѣ скрипки; иногда они были также акробатами и фокусниками. Изъ Франціи подобный типъ пѣвцовъ и пѣсенъ распространился по Испаніи и Англіи.

Но во Франціи развилась не только героическая эпопея. Въ южной Франціи расцвѣла лирическая поэзія [2]). На югѣ Франціи никогда не вымирала совершенно греко-римская культура; южно-французскій или провансальскій языкъ раньше другихъ сдѣлался пригоднымъ для литературныхъ произведеній. Лирика южной Франціи или Прованса началась съ народной деревенской пѣсни и въ XI вѣкѣ уже преобразовалась въ искусственную. Поэты южной Франціи, какъ было уже отмѣчено выше, назывались трубадурами (отъ провансальскаго trobar, француз-

---

[1]) Извлеченіе изъ поэмы «Пѣснь о Роландѣ» у *Стасюлевича.* Ист. ср. вѣковъ. II, статья 7.

[2]) Книга для чтенія, подъ ред. *Виноградова.* II, ст. 46.

скаго trouver—находить, изобрѣтать темы). Большинство трубадуровъ принадлежали къ классамъ рыцарей и феодаловъ. Языкъ провансальской лирики отличается замѣчательнымъ разнообразіемъ и красотою своихъ формъ. Трубадуры въ лирическихъ пѣсняхъ воспѣвали любовь къ дамѣ, избранницѣ своего сердца, и войну. Съ XIII вѣка замѣчаются новыя темы: сатира, побужденіе къ крестовымъ походамъ, нападки на папство и на испорченность духовенства. Послѣ ужасной альбигойской войны, разгромившей южно-французскую культуру, трубадуры массами стали покидать свою родину и распространили провансальскую поэзію въ сѣверной Франціи и Германіи. Въ послѣдней странѣ провансальская лирика очень привилась, и тамъ вмѣсто трубадуровъ появились **миннезингеры**, т.-е. пѣвцы любви (отъ нѣмецкаго слова Minne—любовь). Миннезингеры принадлежали, обыкновенно, къ дворянству и пѣли свои пѣсни въ рыцарскихъ замкахъ и при мелкихъ княжескихъ дворахъ. Въ XIV вѣкѣ время процвѣтанія средневѣковой лирики, особенно во Франціи, проходитъ. Средневѣковая лирика оказала большое вліяніе на образованіе всей средневѣковой и новѣйшей литературы.

По мѣрѣ развитія городской жизни во Франціи, особенно въ XIII вѣкѣ, когда французскіе города достигли полнаго освобожденія, въ нихъ появилась своеобразная городская литература въ видѣ такъ называемыхъ фабліо (fabliaux), небольшихъ стихотворныхъ повѣстей, рисующихъ нравы и похожденія различныхъ классовъ общества въ ихъ обыденной жизни; фабліо имѣли нравоучительный и сатирическій характеръ, высмѣивая, напримѣръ, рыцарей, крестьянъ, развращенное и невѣжественное въ то время духовенство. Иногда дѣйствующими лицами были звѣри, въ которыхъ надо было видѣть людей съ соотвѣтствующими характерными чертами. Особенною славою пользовался **Романъ о Лисѣ**, гдѣ хитрый Лисъ, подъ которымъ разумѣлся горожанинъ-буржуа, весело надувалъ короля, дворянина, священника, папу и т. д.; при чемъ, всѣ эти лица были выведены въ видѣ различныхъ животныхъ.

Изъ Франціи фабліо перешли въ другія страны и превращались часто въ прозаическіе разсказы съ оттѣнкомъ сатиры, получившіе въ Италіи, напримѣръ, названіе **новеллъ.** Въ германскихъ

городахъ, особенно на югѣ, образовывались товарищества-цехи, которыя занимались спеціально поэзіей и музыкой. Постепенно вырабатывались строго опредѣленныя правила для стихосложенія и музыки, что очень мѣшало проявленію свободнаго, оригинальнаго творчества. Наиболѣе выдающіеся поэты-музыканты получали послѣ суроваго экзамена званіе «мастера пѣнія» (Meistersinger).

Итакъ, средніе вѣка сдѣлали очень много въ различныхъ отрасляхъ литературы.

Искусство. Романскій и готическій стили.

Раннее средневѣковье было въ Западной Европѣ очень неблагопріятно для искусства. Сначала вторженія германскихъ варваровъ, затѣмъ смуты феодальнаго времени, нападенія норманновъ, сарацинъ, венгровъ разоряли страну и подвергали сожженію и разрушенію памятники античной культуры. Попытка Карла Великаго помочь гибнувшему искусству не удалась, такъ какъ съ его смертью единство имперіи прекратилось, и начались снова продолжительныя смуты. Нѣкоторое возрожденіе искусства началось въ XI вѣкѣ. Въ это время развивается въ полной силѣ клюнійское преобразовательное движеніе и назрѣваетъ планъ крестовыхъ походовъ на освобожденіе Гроба Господня и Святыхъ Мѣстъ изъ рукъ невѣрныхъ. Возрожденіе искусства началось подъ вліяніемъ монастырей и поэтому главнымъ образомъ выразилось въ памятникахъ церковной и монастырской архитектуры [1]).

Архитектура того времени не можетъ считаться совершенно самостоятельной; образцами для нея служили христіанскія римскія базилики, почему и новый средневѣковой стиль получилъ названіе **романскаго.** Но романское искусство не было лишь копіей искусства римскаго; оно внесло и свои оригинальныя черты.

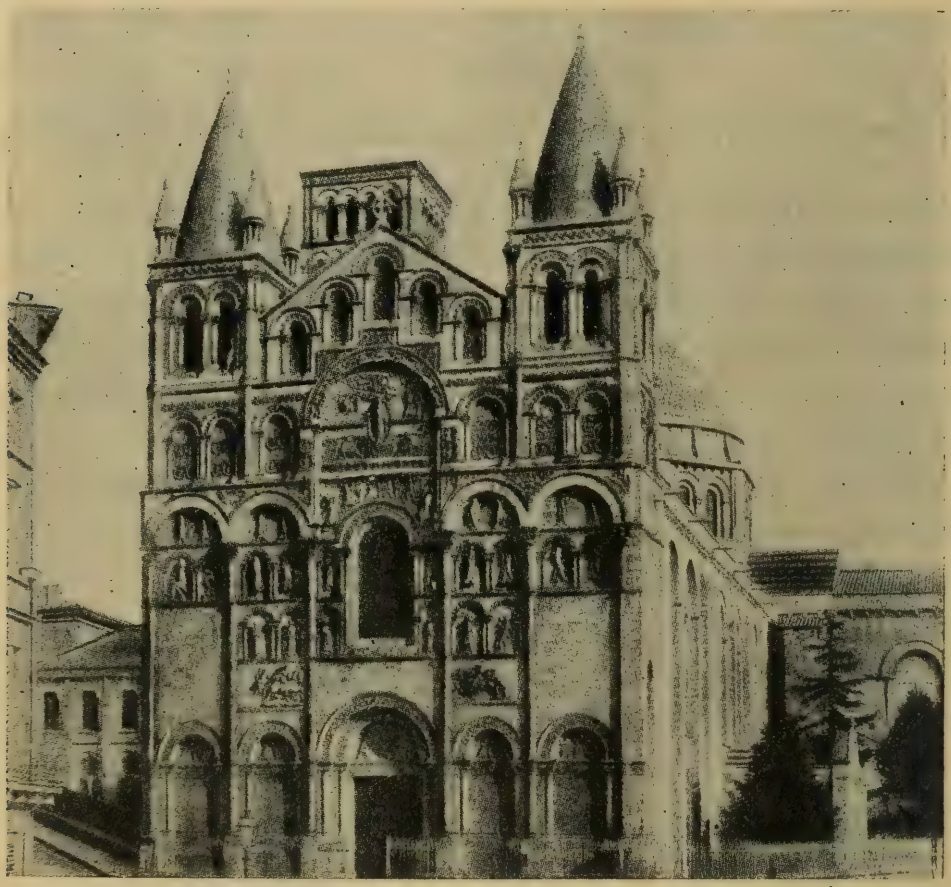
Прямоугольная базилика первыхъ вѣковъ христіанства получила форму латинскаго креста благодаря удлиненію съ обѣихъ

---

[1]) Для чтенія: Книга для чтенія, подъ ред. *Виноградова*. II, ст. 48.

сторонъ поперечнаго корабля, такъ называемаго **трансепта**; прежняя небольшая апсида расширяется и превращается въ **хоръ**, предназначенный для алтаря и церковнаго причта.

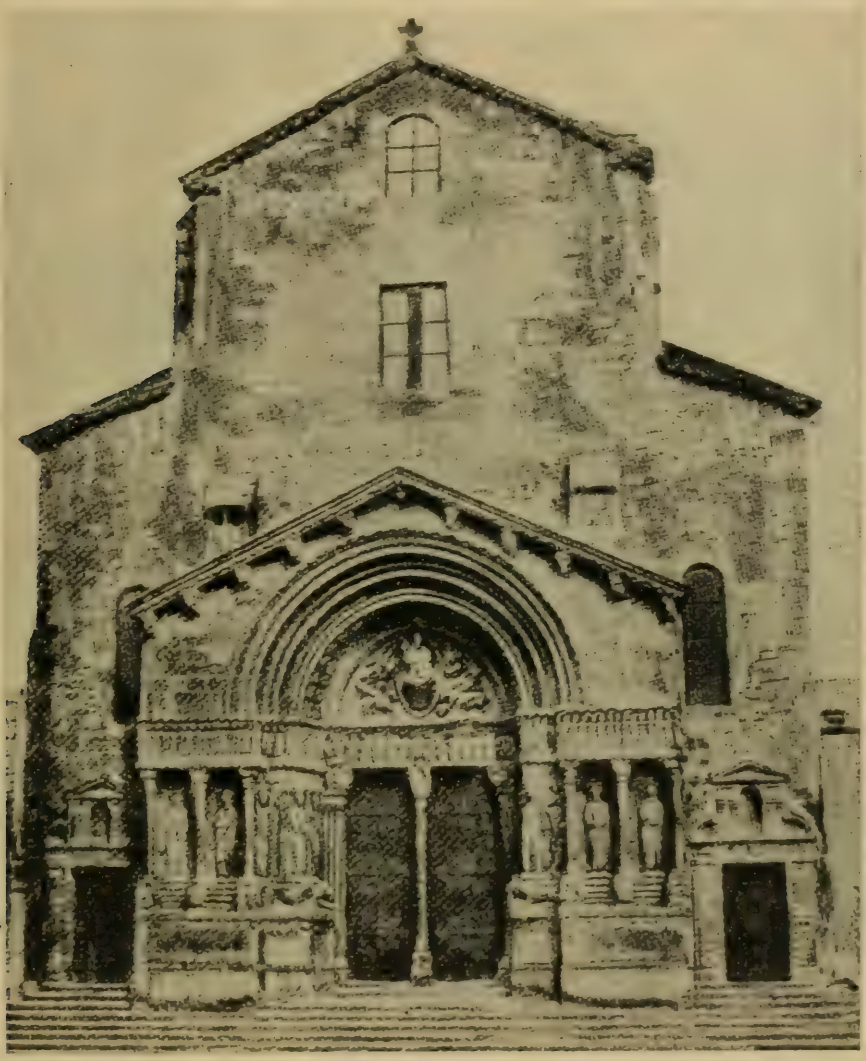
Могила мучениковъ подъ алтаремъ превращается въ настоящую подземную церковь, такъ называемую **крипту**, гдѣ въ полумракѣ стоятъ каменныя гробницы епископовъ, аббатовъ и свѣтскихъ строителей храма; въ криптѣ есть алтарь съ мощами свя-



Соборъ въ Ангулемѣ.

тыхъ и многочисленными зажженными лампадами. Вмѣсто древнехристіанскаго двора-атріума передъ входомъ въ церковь выстраивается паперть. Колокольня уже не возвышается отдѣльно отъ церкви, но одна или двѣ колокольни соединяются съ церковнымъ фасадомъ по его сторонамъ. Для покрытія храма въ теченіе нѣкотораго времени въ средніе вѣка пользовались прежнею деревянною крышею. Но въ XI вѣкѣ потолокъ вездѣ замѣняется каменнымъ сводомъ, и это повлекло за собою дальнѣйшія измѣненія.

Прежняя деревянная крыша не оказывала большого давленія на стѣны. Когда же деревянная крыша замѣнилась каменнымъ сводомъ, то давленіе послѣдняго на стѣны сдѣлалось настолько сильнымъ, что прежнія стѣны не могли бы выдержать напора свода и разошлись бы. Въ виду этого былъ предпринятъ рядъ

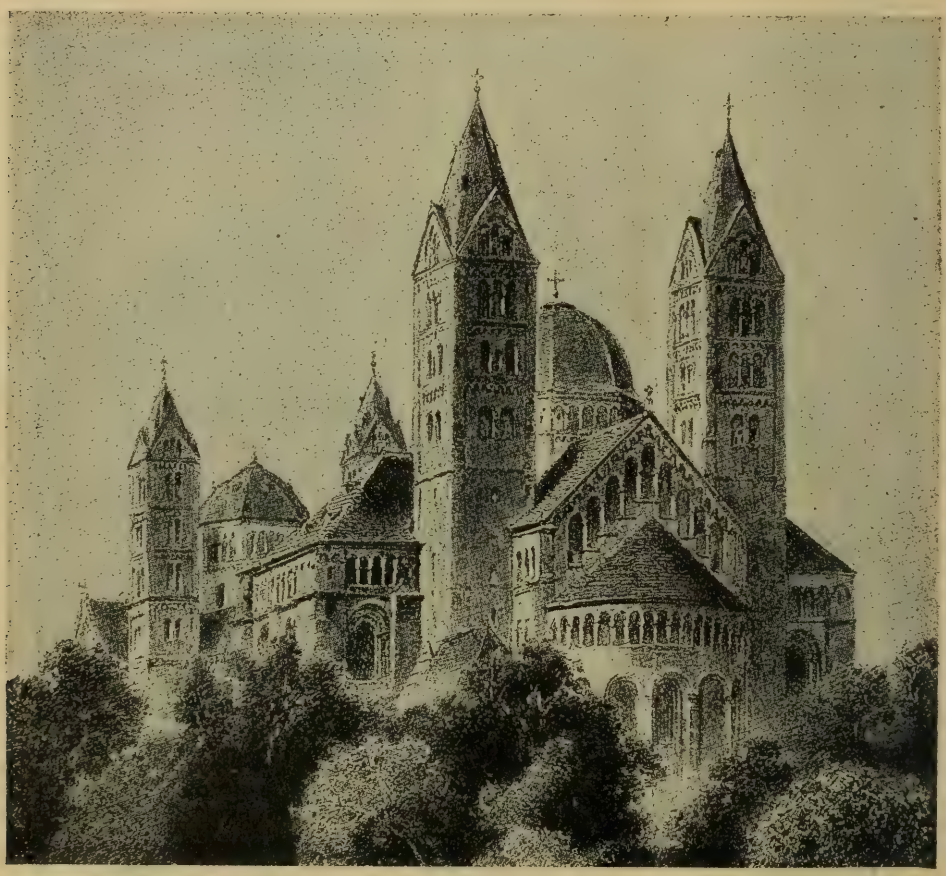


Церковь св. Трофима въ Арлѣ.

мѣръ предосторожности: увеличили толщину стѣны, уменьшили размѣры оконъ и ширину кораблей; для поддержки свода внутри увеличили объемы подпорокъ, столбовъ и колоннъ, а снаружи, въ мѣстахъ, гдѣ чувствовалось особенно сильное давленіе свода, сооружались каменныя подпорки, такъ называемые **контрфорсы**. Особенно богато украшался каменными колоннами, фигурами и

орнаментами (украшеніями) фасадъ церкви. Стекла оконъ расписывались разноцвѣтными красками. Въ этихъ храмахъ съ небольшими окнами всегда было мало свѣта. Во Франціи интересныя церкви романскаго стиля находятся въ Арлѣ, въ Канѣ (Caen въ Нормандіи), въ Ангулемѣ.

Романская архитектура развивается не только во Франціи, но и въ другихъ странахъ, въ Англіи и Германіи. Въ Германіи



Шпейерскій соборъ.

на церковной крышѣ, кромѣ двухъ колоколенъ, часто строились еще возвышенія въ родѣ купола и башенъ, особенно на мѣстѣ пересѣченія продольнаго корабля съ поперечнымъ и по бокамъ хора. Наиболѣе блестящаго развитія достигла романская архитектура въ Германіи въ прирейнскихъ городахъ, Майнцѣ, Вормсѣ, Шпейерѣ, Кельнѣ. Въ Италіи, благодаря многочисленнымъ смѣнявшимся тамъ вліяніямъ, разнообразіе въ церковной архитектурѣ особенно замѣтно.

Со времени крестовыхъ походовъ Европа вступила въ новую эпоху своей жизни. Она познакомилась съ развитою культурою Византіи и мусульманскаго Востока; появились новые запросы на основаніи новыхъ образцовъ. Въ Европѣ сталъ замѣчаться умственный подъемъ. Условія самой жизни, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ европейскихъ странъ съ XII вѣка значительно измѣнились къ лучшему. Развившаяся королевская власть во Франціи при Капетингахъ укротила феодаловъ и создала хорошо организованное, сильное государство съ твердымъ внутреннимъ порядкомъ. Наконецъ, возвышеніе и освобожденіе городовъ совершенно измѣнили городскую жизнь. Разбогатѣвшіе, свободные города зажили дѣятельною жизнью не только въ области торговли и промышленности, но и въ области знанія и искусства. Однимъ словомъ создались, особенно во Франціи, условія жизни, позволявшія хорошо работать въ различныхъ областяхъ культурной жизни.

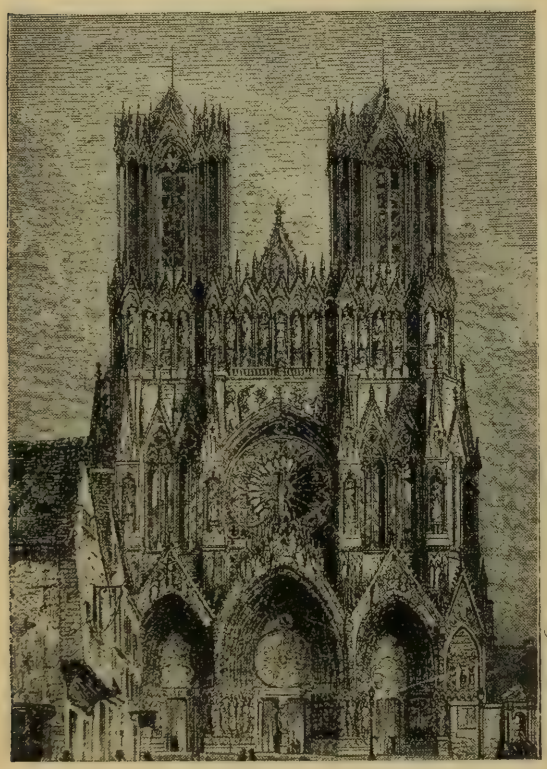
Notre Dame de Paris—соборъ Парижской Богоматери.

Большое оживленіе замѣчается и въ искусствѣ, которое, постепенно, изъ рукъ духовенства стало переходить въ руки мірянъ. Съ XII вѣка появляется новый **готическій** стиль, расцвѣтъ котораго падаетъ на XIII—XV вѣка.

Готическій стиль возникъ въ XII вѣкѣ во Франціи. Во второй половинѣ XII и въ XIII вѣкѣ тамъ уже начали постройку наиболѣе замѣчательныхъ, существующихъ понынѣ памятниковъ церковной готики, а именно: собора Парижской Богоматери (Notre Dame), соборовъ въ Амьенѣ, Реймсѣ, Шартрѣ, часовни

Sainte-Chapelle въ Парижѣ и др. Изъ Франціи готическій стиль перешелъ въ Англію и Германію, гдѣ онъ развился въ XIV—XV вѣкахъ, а также въ другія страны; вмѣстѣ же съ крестоносцами готика проникла на Востокъ, въ Сирію, на о. Кипръ, Родосъ и т. д.

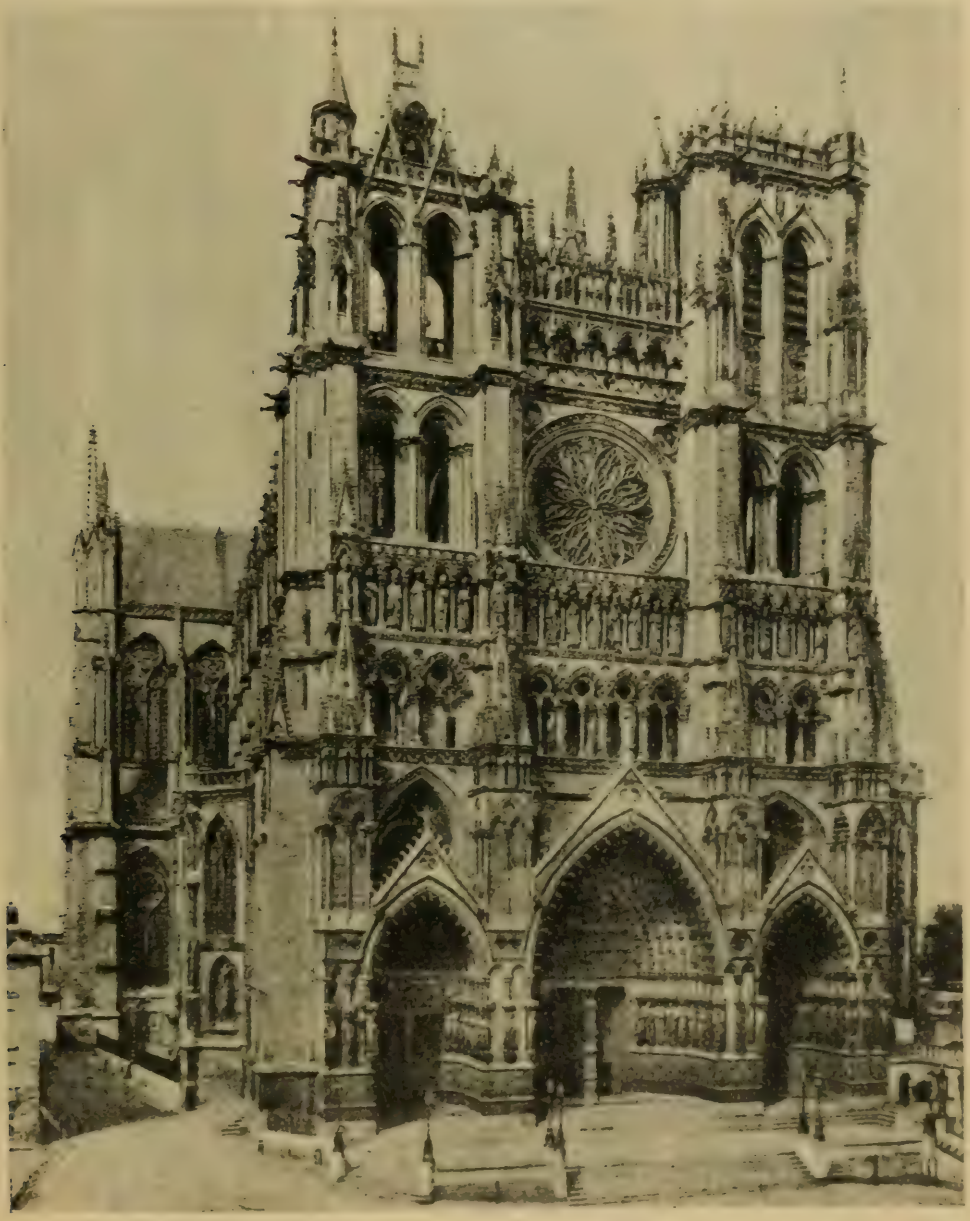
Названіе новаго стиля готическимъ совершенно случайно и неправильно. Его такъ называли итальянцы эпохи Возрожденія XV—XVI вѣка, отрицательно относившіеся ко всему средневѣковому, какъ къ чему-то варварскому; поэтому они новый средневѣковой стиль назвали готическимъ, производя это названіе отъ германскаго народа готовъ, съ которымъ онъ, конечно, ничего не имѣлъ общаго. Иногда этотъ стиль называютъ «стрѣльчатымъ», отъ острой или стрѣльчатой арки, которая является одной изъ его отличительныхъ особенностей. Правильнѣе было бы назвать этотъ стиль французскимъ, по мѣсту его возникновенія. Но на практикѣ этотъ стиль до сихъ поръ обыкновенно называется готическимъ.



Соборъ въ Реймсѣ.

Готическій стиль представляетъ дальнѣйшее развитіе формъ романскаго стиля. Какъ и прежде, храмы сохранили форму латинскаго креста. Главною же особенностью готики является остроконечная, «стрѣльчатая» арка вмѣсто полукруглой романской арки; вслѣдствіе этого получался и стрѣльчатый сводъ въ храмѣ. Подобная форма арокъ и свода оказывала гораздо меньшее давленіе на стѣны, что и повлекло за собою новыя измѣненія: храмы сдѣлались гораздо выше; толщина стѣнъ могла уменьшиться; вмѣсто рѣдкихъ и небольшихъ оконъ романскихъ

храмовъ, въ стѣнахъ выбивались большія, широкія окна съ расписанными стеклами. Арки были не только внутри церквей, но и снаружи, на контрфорсахъ, для большей прочности стѣнъ и свода. Главный фасадъ храма, обычно съ тремя дверьми, былъ



Соборъ въ Амьенѣ.

гораздо болѣе богато и разнообразно украшенъ статуями и другими сложными украшеніями, чѣмъ фасадъ храма въ романскомъ стилѣ. Въ верхнемъ ярусѣ фасада дѣлались огромныя окна, въ особенности круглая роза. Внутренность готическаго

Внутренній видъ Амьенскаго собора.

храма, своею легкостью, высотою, обиліемъ свѣта, производитъ глубокое впечатлѣніе. Благодаря стрѣльчатымъ аркамъ и своду храмъ какъ бы устремляется въ высь къ Божеству.

Съ особеннымъ рвеніемъ приступали къ сооруженію соборовъ города, для которыхъ соборъ являлся не только мѣстомъ богослуженія, но иногда и мѣстомъ сборища для обсужденія городскихъ

дѣлъ. Постройка готическихъ соборовъ длилась иногда столѣтія; а Кельнскій соборъ, начатый постройкою въ XIII вѣкѣ, законченъ былъ лишь во второй половинѣ XIX вѣка.

Готическое искусство не ограничивалось лишь памятниками религіозной архитектуры. Въ готическомъ духѣ строились замки, городскія ратуши, напр. въ Брюсселѣ (рис. 10), городскіе крытые рынки и даже частные дома состоятельныхъ горожанъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Стр.

Средневѣковая культура 3

I. Византійская культура 3

1. **Церковь и духовная культура.** Взаимныя отношен свѣтской и духовной властей. Монашество. Студійскій монастрь. Аѳонъ. Церковная поэзія. Романъ Сладкопѣвецъ. Андрей ритскій. Іоаннъ Дамаскинъ . . . . . 6—29

2. **Школа, наука и литература.** Высшая школа. Кстантинопольскій университетъ. Средняя и низшая школа. Наука литература. Прокопій Кесарійскій. Фотій. Константинъ Багрянородный. Михаилъ Пселлъ. Фотій. Константинъ Багрянородный. Маилъ Пселлъ . . 29—45

3. **Государственное устройство. Развитіе законодальства.** Государственное устройство. Развитіе законодательств . . . . . 45—52

4. **Искусство.** Св. Софія. Равенна . . . . . 52—67

II. Культура Ислама . . . . . .

5. **Происхожденіе и составъ культуры ислама.** Еяентры. Арабская торговля и промышленность. Наука и литератур Авиценна. Аверроэсъ. Масуди. Бируни. Авиценна. Аверроэс Масуди. Искусство . . . . . 67—92

III. Феодализмъ. . . . . . 93—95

6. **Бенефицій.** . . . . . 96—106

7. **Возникновеніе и развитіе феодализма. Роль Карнговъ.** . . . . . 107—121

8. **Расцвѣтъ феодализма и рыцарство.** Рыцарство . . . . . .

9. **Разложеніе феодализма.** Развитіе новыхъ типогосударственнаго устройства. Абсолютная монархія во Франціи. рламентъ въ Англіи. Княжеская власть въ Германіи. Развитіе одовъ. . . . . 121—150

IV. Очеркъ духовной культуры Сдневѣковаго Запада. . . . . . .

10. **Средневѣковое міросозерцаніе и Блаженный Агинъ.** . . . . . 151—154

11. **Папство и идея универсальной церкви.** . . . . . 154—164

12. **Развитіе монашества: бенедиктинское, клюніе, цистерціанское, премонстранское и нищенствующее монашест Св. Францискъ.** . 164—175

13. **Образованность. Школы; университеты; схола.** . . . . . 175—182

14. **Главные представители средневѣковой мысл в. Бернардъ, Абеляръ, Ѳома Аквинатъ.** . . . . . 182—188

15. **Ереси. Евреи.** . . . . . 188—193

16. **Литература. Рыцарская и городская поэзія.** . . . . . 193—199

17. **Искусство. Романскій и готическій стили.** . . . . . 199—207

Spiritus: A. D. Hurst
A. A. Filkoff 1.75.

UTL AT DOWNSVIEW
D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 15 06 14 01 007 0

Учебныя книги по курсу исторіи—всеобщей и русской—для среднихъ учебныхъ заведеній.

а) УЧЕБНИКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРІИ.

1. Проф. *А. А. Васильевъ*. **УЧЕБНИКЪ ИСТОРІИ СРЕДНИХЪ ВѢКОВ.** 4 кл. гимназій и реальн. училищъ. Со множествомъ иллюст. историческими картами въ краскахъ. Москва. 1915. Цѣна 6[illegible] переплетѣ **70** коп.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущенъ** въ качествѣ **учебнаго р**[illegible] средн. учебн. заведеній.

2. Проф. *А. А. Васильевъ*. **КУРСЪ СРЕДНЕЙ ИСТОРІИ. 2-я ст**[illegible] **6 класса гимназій и реальныхъ училищъ.** Съ иллюстраціями. Мос[illegible] Цѣна **60** коп.

3. *И. Реверсовъ*. **УЧЕБНИКЪ НОВОЙ ИСТОРІИ.** Курсъ 5 и 6 кл. гимназій и реальн. училищъ. Съ иллюстраціями и историч. картами въ краскахъ. Москва. 1915 г. Изданіе 3-е. Цѣна **90** к., въ папкѣ **1** руб.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущенъ** въ качествѣ **учебнаго руководства** для средн. учебн. заведеній.

4. Проф. *В. А. Бутенко*. **КУРСЪ НОВОЙ ИСТОРІИ. 2-я ступень.** Учебная книга **для 7 кл. гимназій и реальн. училищъ.** Москва. 1915 г. Цѣна **1** руб.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущенъ** въ качествѣ **учебнаго руководства** для 7 кл. гимназій и реальн. училищъ.

5. Проф. *Ѳ. Ф. Зѣлинскій*. **ИСТОРІЯ АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЫ.** Учебная книга для 8 кл. гимназій. Москва. 1915 г.

Ч. I. **Греческая культура.** Цѣна **60** коп.

Ч. II. **Римская культура.** Цѣна **60** коп.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. включена въ списокъ книгъ, заслуживающихъ вниманія при пополн. ученич. библіотекъ сред. учебн. заведеній.

б) УЧЕБНИКИ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

6. *Н. П. Дучинскій*. **РУССКАЯ ИСТОРІЯ—курсъ элементарный.** Учебная книга для **младшихъ классовъ муж. и жен. гимназій, реальн. и коммерческ. училищъ и кадетск. корпусовъ.** 2-е изданіе. Москва. 1915 г. Съ иллюстраціями и историч. картами въ краскахъ. Цѣна **60** коп., въ перепл. **70** коп.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущена** въ качествѣ **учебнаго руководства** въ 3-й классъ женск. гимназій, а также въ младшіе классы мужск. гимн. и реальн. училищъ. **Принята въ качествѣ руководства** для 3 кл. кадетскихъ корпусовъ.

7. *И. В. Скворцовъ*, начальникъ петроградскихъ и царскосельск. ж. гимназій. **УЧЕБНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.** Съ иллюстраціями и историческими картами въ краскахъ. Москва. 1915 г. Изданіе 4-е.

Часть I. **До Іоанна Грознаго.** Цѣна **40** коп., въ перепл. **50** коп.

Часть II. **Отъ Іоанна Грознаго до Екатерины Великой.** Цѣна **50** коп., въ перепл. **60** коп.

Часть III. **Екатерина II—Александръ III.** Цѣна **50** коп., въ перепл. **60** коп.

Учебники И. В. Скворцова **допущены** Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ качествѣ **учебнаго руководства** для средн. учебн. заведеній.

Ученымъ Комитетомъ Вѣдомства учрежд. ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ **одобрены** въ качествѣ **учебнаго руководства** для старшихъ классовъ средн. учеб. заведеній.

Ученымъ Комитетомъ при Св. Синодѣ **одобрены** въ качествѣ **руководства** при прохожденіи курса гражданской исторіи въ духовн. семинаріяхъ и епархіальныхъ женск. училищахъ.

8. Прив.-доц. *М. Д. Приселковъ*. **РУССКАЯ ИСТОРІЯ.** 2-я ступень. Учебная книга **для 7—8 класс. муж. гимн. и реальн. училищъ.** Москва. 1915 г. Цѣна **1** руб.

Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. **допущенъ** въ качествѣ **учебнаго руководства** для 7—8 клас. мужск. гимн. и 7 клас. реальн. училищъ.

Продаются въ книжныхъ магазинахъ Т-ва И. Д. СЫТИНА и въ другихъ книжныхъ магазинахъ.